

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 11 (62)

ноябрь, 2021



Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

S. Nikas



ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен ноябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ», начинающего новый «пятилетний» отсчёт своей истории.

В ноябрьском «Александре» собраны произведения замечательных писателей современности, а открывает журнал увлекательная повесть Николая Петровича Бурляева «Никита», что совершенно не случайно, ведь Николай Петрович, не только интересный писатель, но и многогранно талантливый человек, отмечает в 2021 году юбилей. И коллектив редакции, пользуясь случаем, поздравляет со знаменательной датой и желает помощи Божией во всех делах и начинаниях и сил продолжить многие благие деяния, которые творит русский человек Николай.

В целом же номер, который вы держите в руках, является классическим «Александром», вобравшим в себя добрые произведения наших современников разнообразных литературных жанров, раскрывающие красоту русского слова.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор



МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ



ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОВЕСТИ О ДРУГЕ

Мне не раз приходилось писать воспоминания о моих дорогих друзьях, великих кинематографистах, литераторах и актёрах, покинувших этот мир. Сегодня я с радостью представляю читателям повесть о друге, слава Богу, живом и активно творящем и украшающем нашу культуру и общественную жизнь. Имя этого человека – Никита Михалков. Никита – безусловно, ярчайшая фигура нашего кинематографа XX и XXI веков. Михалков – безусловный «бренд» русской культуры.

Нашей дружбе уже 62 года, а самим нам стукнуло по 75. Так что эту публикацию можно считать юбилейной зарисовкой о наших судьбах. Прежде чем публиковать эту повесть, отправил на прочтение своему герою для возможной коррекции текста. В ответ получил следующие слова: «Колька! Большая работа. Всё очень лично и искренне. Трудно, правда, себе представить, кого это, кроме нас с тобой и ещё нескольких человек, может заинтересовать, но, может быть, я и ошибаюсь. Обнимаю тебя сердечно, твой Н. М.».

Думаю, что мой друг, по скромности своей, ошибается. Надеюсь, что эта повесть не оставит равнодушными наших читателей, потому что говорится в ней не только о личных отношениях двух друзей, но о многих персоналиях, являющихся частью нашей истории, о непростом времени, которое случилось нам прожить.

Никита не стал праздновать свой юбилей. Не было сотен гостей и шумных застолий. На следующий же день после дня рождения он с головой ринулся в новую, сложнейшую, творческую авантюру – постановку в театре спектакля «12», пригласив меня принять в нём участие. Риск для нас обоих был огромный: я 55 лет не был на сцене – а он привык рисковать. Никита Михалков рискует в творчестве всю жизнь.словно канатоходец над пропастью, на глазах у всех он совершает рискованные походы. Ведь кое-кто из зрителей мечтал бы, чтобы он сорвался наконец с каната. Но Никита каждый раз одерживает победу.

Пусть эта повесть явится моим поздравлением с юбилеем друга. Сохрани Господь нашего «бесогона» на многие лета.

Николай БУРЛЯЕВ,
депутат Государственной думы Российской Федерации,
Президент Международного кинофорума «Золотой Витязь»



СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК



Журнал издан за счёт грантов, выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации

Литературно-исторический журнал «Александр» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александр» № 11 (62), ноябрь 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.11.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135



В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6** Николай Бурляев.
Никита

ПОЭЗИЯ

- 36** Геннадий Иванов.
Приходили строки как друзья...

КЛАССИКИ

- 40** Владимир Крупин.
Рассказы из записных книжек

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 48** Валерий Румянцев.
Стихи про осень

ЖИТЕЙСКОЕ

- 51** Валерий Аршанский.
Как на дедушкины именины...

ЛИРИКА

- 54** Вита Пшеничная (Шафронская).
Улыбнись, слышишь?..

- 57** Любовь Рыжкова.
«Торжество красоты и печали...»

ПУШКИНИАНА

- 60** Виктор Елисеев.
Ревность жены и непостоянство мужа

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

- 65** Марк Некрасовский.
Военные стихи

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 70** Никита Брагин.
Проще простого

ЮБИЛЕЙ

- 72** Валерий Латынин.
Атаманская глава писателя
Гария Немченко

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

- 80** Олег Роменко.
Звёздочка

ПОЧТИ МЕМУАРЫ

- 88** Валерий Седых.
Счастливое детство, или Как хорошо
мы плохо жили

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

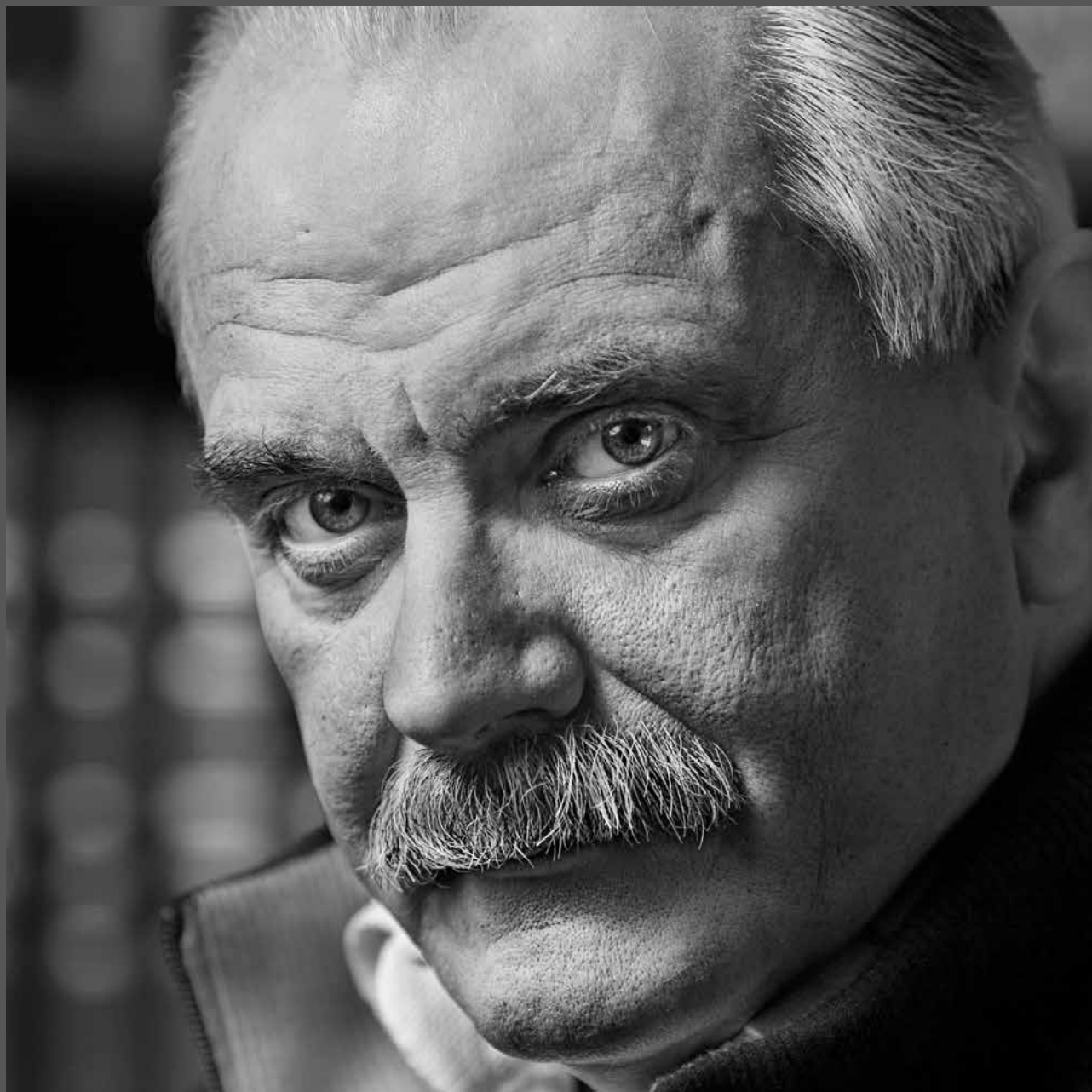
- 93** Марк Некрасовский.
«Каждой строчкой, словно пулей,
бить прицельно по врагу...»

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** 25-й литературный фестиваль
«Богдановские чтения»



ГОСТЬ НОМЕРА



НИКИТА

ПОВЕСТЬ О ДРУГЕ

Николай БУРЛЯЕВ



Я не сразу узнал голос не определившегося в телефоне абонента.

– Это кто?

– Кто, кто? Конь в пальто! – засмеялся Никита.

– Не узнал тебя, редко звонишь...

Дружба наша завязалась в 1959 году, когда мой «крёстный отец» по кино, молодой и красивый двадцатидвухлетний Андрон Кончаловский впервые ввёл меня в свою семью и познакомил с отцом, Сергеем Владимировичем Михалковым, мамой, Натальей Петровной Кончаловской, и моим ровесником, братом Никитой. Младший брат, с почтением относившийся к старшему, сходу принял героя его фильма в свои друзья. Я начал дневать и ночевать в добросердечной семье Михалковых. Дачный сторож-истопник, встречая меня, бывшего в те годы весьма худосочным, неизменно острил: «А-а... мёртвые души приехали...» Нам с Никитой – по 13 лет. Он старше меня всего на 8 месяцев и 18 дней, но с самого начала и до сих пор показывает своё старшинство.

Ах, какие это были светлые дни. Мой новый друг возил меня на конезавод, где впервые посадил на лошадь и преподал навыки верховой езды. Он готовился к роли Пети Ростова в «Войне и мире» С. Ф. Бондарчука и уже был, казалось мне, опытным наездником. За год ожидания начала съёмок Никита на голову вымахал ростом, и роль Пети получил более юный исполнитель. Никита не переживал. Увлечённый баскетболом, брал меня на свои соревнования, где я с гордостью наблюдал, как ловко он перемещается по площадке и метко попадает в кольцо.

Мы были, как полагается в этом возрасте, весьма озорными подростками. Куролесили ночами по Никологорским закоулкам с ватагой приятелей: Володей Грамматиковым, Колей Томашевским, имён остальных уже не припомню. Помню, как наши приятели усаживались на асфальтовую дорогу, подносили зажжённую спичку к штанам и делали огненный залп. Тайком допивали изобретённую Натальей Петровной знаменитую настойку «кончаловку». Пели забористые частушки, травили анекдоты,

и королём искромётного юмора всегда был Никита. Сбегали по глинистой тропинке заросшего душистого оврага, загорали на песочке, купались в Москве-реке. Как приятно было потом узнавать этот овраг и речные заводы в фильмах друга, воплощавшего на экране трепетные воспоминания своего детства. Благоговейно сидели за новогодним столом со старшими, пока нас, «детей», вскоре после полуночи не отправляли спать. Какие «дети»?.. Какой там сон, когда за стеной столь интересные события.

Я уже вовсю снимался. Вслед за фильмом Андрона последовало «Иваново детство» Тарковского. Фильмы двух друзей-Андреев были отмечены венецианскими «Львами св. Марка». Фильм Тарковского получил ещё 15 международных наград. Об «Ивановом детстве» писала мировая пресса – Жан-Поль Сартр, Константин Симонов... Мои портреты публиковались в зарубежных журналах рядом со звёздами мирового кино – Марчелло Мاستрояни, Софи Лорен, Джини Лоллобриджида... Недалёкие критики гладили меня по головке, лили в уши опасный елей: «Ты гений! Ты играешь, как большой артист!» Никита же никак не проявлял своего желания стать артистом. И вдруг – Гия Данелия пригласил его сняться в «Я шагаю по Москве». Узнав об этом, я, грешным делом, подумал, что моего друга пригласили по благу, потому что он – Михалков. Ну я – понятно, пятнадцатилетний артист Академического театра Моссовета, у меня уже семь ролей в кино, а друг мой – разве он артист?..

Первая же роль показала удивительную органику, лёгкость и неповторимое обаяние юного Никиты. А дальше началось неуклонное творческое восхождение от фильма к фильму, начала созидаться удивительная судьба большого художника. Никита начал серьёзно подготавливать себя к актёрской профессии: на дачном участке сдвигал столы, и мы делали через них кульбиты, обретая каскадёрские навыки сценического движения. Лет в пятнадцать он прочитал мне написанный им первый свой сценарий фильма-боевика о басмачах и бароне Унгерне. Это первое вторжение в кинодраматургию пригодилось ему и получило развитие

в грядущем первом советском вестерне «Свой среди чужих».

В 1964 году, придя к Никите, я увидел ангелоподобное существо – Настю Вертинскую, уже прославившуюся в «Алых парусах» и «Человеке-амфибии». Не восторгаться её неземной красотой было невозможно. Но мгновенно прочитав в глазах друга душевное расположение к этому ангелу, я и не помышлял давать волю своим восторгам.

Как-то я рассказал Никите о необыкновенной школе рабочей молодёжи для творческих детей, в которой я учился вместе с детьми из Большого театра, ансамбля Моисеева, спортсменами... Моими одноклассниками были Таня Тарасова и Алёша Уланов, вскоре заявивший о себе как о выдающемся фигуристе, победив на Олимпиаде, европейском и мировом чемпионатах вместе с Ирой Родниной, учившейся в этой же школе на два класса младше. Учились мы весьма комфортно – всего три дня в неделю.

– Ты учишься шесть дней, а мы три дня, – сообщил я Никите. – Педагоги замечательные, отношение к ученикам творческое, оценки выставляют с лёгкостью.

– Где такая школа? – удивился Никита.

– Недалеко от твоего дома, на улице Чехова.

Никита мгновенно спикировал в эту школу и через год, окончив 10-й класс, поступил на актёрский факультет Щукинского училища. На следующий год окончил школу и я и был удачно зачислен на второй курс, где учились мои друзья Никита и Настя. Началось славное студенческое время. Каждую сессию мы готовились к экзаменам вдвоём в квартире Никиты на улице Воровского. Ночи напролёт зубрили предметы, встречали тихие майские рассветы под классическую музыку и пение Рэя Чарльза, Луи Армстронга, Шарля Азнавюра, Эдит Пиаф, Рэя Конниффа... А потом шли на экзамен, и Никита принципиально шёл к экзаменаторам первым.

На третьем курсе Никита попросил меня сыграть Карла XII в его первой в жизни ре-

жиссёрской пробе, самостоятельном отрывке из «Петра Первого». Попытка была удачной, оценка отличной. Воодушевлённый успехом, Никита решил поставить с нашим курсом одноактную пьесу по сценарию американского фильма «Двенадцать разгневанных мужчин».

– Ты фильм видел? – спросил он меня.

– Нет.

– Потрясающий фильм. В главной роли Генри Фонда. Супермен, один идущий против суда присяжных, побеждающий их всех... Ты будешь играть эту роль.

Начали репетировать. Никита всё больше входил в режиссёрский кураж, работал самозабвенно. В разгар репетиций ректор Б. Е. Захава издал приказ об отчислении Михалкова из училища. За что? Как поговаривали – за анархию, за пропуски, за вольный дух и врождённое остроумие. Преодолевая унижение, смиряя гордость, Никита каждый вечер дожидался момента, когда все педагоги покидали училище, залезал в окно и продолжал репетиции. Он подпольно завершил постановку на столь высоком уровне, что изгнавшие его ректор и мастер курса утвердили произведение Никиты как наш дипломный спектакль. Через год и меня отчислили из училища за съёмки в «Андрее Рублёве» и опоздание к началу учебного года почти на месяц. Опытные педагоги посоветовали мне покаяться перед ректором, типа – «больше не буду сниматься у Тарковского». Меня приняли обратно, а Никита гордо и бесповоротно ушёл в режиссуру, поступив во ВГИК на курс М. И. Ромма.

Мы стали видеться редко, каждый пошёл своим путём. Никита начал совершать головокружительное восхождение, снимая фильм за фильмом, приносявшие славу не только ему, но и всему советскому кинематографу. Путешествуя по миру, было удивительно видеть, что за границей знали уже не только Бондарчука и Тарковского, но и Никиту Михалкова. В роду Никиты прибыло, он стал отцом – родился сын Степан.

Однажды Никита предложил мне сняться в его новом фильме «Обломов». Я прочитал сцена-



рий и не увидел никакой роли, даже имени не было, просто гость на пикнике у Ольги. Мне явно там нечего было играть. Но Никита умеет уговаривать.

– Мы сделаем замечательную роль. У меня даже эпизоды играют актёры экстра-класса... А я потом у тебя буду бесплатно сниматься, где захочешь...

Я согласился и приехал к нему в экспедицию на Оку. Приехал днём, думал, что друг, узнав о моём приезде, захочет меня увидеть, поговорить о предстоящем. До конца дня друг так и не появился. В 6 утра меня с массовой посадили в автобус и привезли на площадку. Такое отношение к заслуженному артисту, с тридцатью ролями за плечами, меня удивило. Одели, загримировали, попросили встать у дерева, чтобы снять мой крупный план. Работа на площадке спорилась, а я пребывал в полном неведении и всё более тревожном расположении духа. Наконец Никита сказал мне, что сейчас будет моя главная сцена.

– Ты будешь делать «английский бокс» вот с этим актёром.

Он указал мне на молоденького паренька с весьма нежной пластикой и голосом.

– Я не знаю, что такое «английский бокс», – сказал я Никите, – покажи.

Никита показал мне несколько плавных, нежных движений руками.

Я отвёл друга в сторону.

– Обо мне и так кто-то пустил слух, что я – «нежной ориентации». Ты хочешь, чтобы я делал эти «нежные» движения с «нежным» мальчиком и ко мне прилепят этот «нежный» ярлык?



– Но ты же артист... Ты же должен...

– Ничего я не должен.

Не скрою, я был обижен на друга. Он ведь так и не рассказал мне, какую «замечательную роль» он намеревался со мною вылетить. Я покинул площадку, уехал в Москву, оставив фильму «Обломов» единственный крупный план неизвестно что тут делающего Бурляева.

Наши пути разошлись лет на пятнадцать, пересекались редко – на студии, в общественных местах, на улице... Никита продолжал своё блистательное восхождение. В 1984 году у него родилась дочь Анна, а ещё через год – сын Артём.

В 1986 году Никита стал отцом в четвёртый раз – родилась дочь Надежда, которой в

недалёком будущем было суждено вместе с Никитой воплотить на экране неповторимую родовую связь: отец и его любимое дитя. Самые пронзительные для мирового кино мгновения кровной, родовой связи. Как актёр скажу: это невозможно сыграть, если в сердце нет подлинной любви.

В Кремле грянул исторический, «перестроечный», Пятый съезд кинематографистов СССР, на котором Никита единственный встал на защиту чести и достоинства С. Ф. Бондарчука, обрекая себя на многолетнюю «нерукопожатность» серой кинематографической стаи, пока наконец не одержал, причём там же, в Кремле, убедительную победу, будучи почти единогласно избран на пост председателя Союза кинематографистов России. «Нерукопожатным» после V съезда стал и я за свой первый авторский фильм «Лермонтов». Та же «стая» коллег и советские СМИ рвали меня на части, выпустив 22 разгромные статьи за 10 месяцев до выхода «Лермонтова» на экран. Словно по команде, газеты и журналы давали только негатив, блокируя положительные рецензии, написанные Валентином Распутиным, Арсением Тарковским, Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Юрием Бондаревым, профессорами МГУ и лермонтоведами... Я был для «стаи» что красная тряпка для разъярённого быка. С центральных телеканалов вытеснялись журналисты, посмеявшие взять у меня интервью и показать вполне вменяемого Бурляева. Мне была нужна защита. Позвонил Никите, попросил посмотреть фильм и высказать своё мнение. Он ответил, что готов, но сейчас улетает за границу и не скоро появится. В эти же дни подруга Наталья Петровна Кончаловской сказала мне, что та сетовала: «Что-то Коленька меня совсем забыл... Давно не таскала его за вихры...» Услышав это, позвонил Наталье Петровне, и она пригласила меня на Николину гору. Спустя многие годы я снова приехал в сердечные места своего детства. Со мною был мой 10-летний сын Иван, который находился почти в том же возрасте, что и я, впервые вошедший в семью Михалковых. Иван, ученик Центральной музы-

кальной школы, поиграл Наталье Петровне на рояле Баха, Моцарта, Гайдна...

– Как хорошо, что ты учишь своих детей музыке... это пригодится. Я тоже учила Андрона и Никиту...

Я рассказал Наталье Петровне о травле, которой подвергаюсь со своим фильмом, о предательстве тех, кого я считал своими друзьями. После просмотра «Лермонтова» она взяла мои руки, гладила их, гладила голову и как-то особенно нежно промолвила:

– Вот какой ты стал, Коленька... Так ведь они тебе завидуют... И Никиту многие предадут. – Она горестно, но светло спросила: – Зачем же С...ка так поступил с Никитой?.. – Она назвала имя нашего по отрочеству общего с Никитой приятеля.

В 1993 году, готовя третий кинофорум «Золотой Витязь», увидел документальный фильм Никиты «Анна. От 6 до 18». Картина поразила меня своей исповедальной искренностью. Это был мощный, пронзительный фильм Мастера о времени, о себе, о России, переживающей историческую ломку. Я решил показать этот фильм на «Золотом Витязе». Приехав к Никите на Николину, застал его лежащим на полу, делающим зарядку. Мы провели вместе часа три. Я показал видеофильм о прошедшем в Югославии втором кинофестивале «Золотой Витязь». Он смотрел внимательно, молча. Увидев кадр из фильма – призёра фестиваля «После войны мир», в котором паровоз неожиданно объезжает бегущего ему навстречу по рельсам весёлого человека, искренне, эмоционально воскликнул: «Класс! Гениально! Прекрасно! Класс!» Так открыто радоваться творчеству коллег может только талантливый человек.

– Следующий «Витязь» я провожу в Приднестровье.

– А почему там? – спросил присутствовавший при нашей встрече украинский оператор Вилен Калюта.

– Правильно, что в Приднестровье, – подержал Никита.

– Ты представишь на конкурс свою картину? – спросил я.



- Конечно... Какую?
- «Анну».
- Хорошо.
- А сам приедешь?
- А когда фестиваль?
- Открытие 2 сентября.

Никита задумался.

– В конце августа – начале сентября я во Франции... Придётся прерывать поездку на два дня раньше... Я приеду.

– С этого года я решил не возглавлять жюри, – сказал я Никите. – Но я знаю всю программу и думаю, что «Золотой Витязь» – твой.

– Дай расписку! – сходу сострил Никита.

Потом мы говорили о кино, о политике и политиках, о безверии, о необходимости спокойного, неустанного труда...

– Я должен перед тобой покаяться, – сказал я, прощаясь с Никитой. – Наблюдая за тобою эти годы издали, я, хотя мы и друзья, грешным делом думал, как и многие: «удачник, благополучен, барин...» А то, как ты все эти годы жил и страдал, увидел лишь в «Анне».

Пролетели три месяца. Наступило 2 сентября, день открытия в Приднестровье кинофорума «Золотой Витязь». Двенадцатый час дня – Никиты нет. Ну, думаю, не приедет. Да это и понятно: зачем прерывать триумфальную поездку по Франции, где его «Утомлённых солнцем» носят на руках, и мчаться через три границы в Тирасполь... Спускаюсь в гостиничном лифте вниз. Двери раскрываются, передо мною – Никита с костюмом на вешалке за плечами.

- Приехал?! – изумился я.
- А х...ли, – улыбнулся Никита. – Я ж обещал.
- Через два часа участники фестиваля пойдут по главной улице с оркестром. Ты пойдёшь?
- А открытие во сколько?
- В 18.
- Я у тебя гвоздь программы?
- Гвоздь.
- Так вот я выйду в 18 на открытие.

Вечером зрители кинофорума приветствовали появление Никиты с восторгом и благодарностью. Завершая своё выступление, он сказал:

– Я бы хотел пожелать фестивалю «Золотой Витязь» плавного поступательного движения. Покоя и мудрости, когда внутренней молитвы нам достаточно, чтобы бороться с теми, кто нас не любит.

В 1996 году, после своей победы в Думе, когда удалось сломать сопротивление председателя думского комитета по культуре и пробить строку для «Золотого Витязя» в госбюджете, я спросил Никиту:

– А у твоего Фонда культуры есть строка в бюджете?

– Нет, – ответил Никита.

– Как нет? Ведь Фонд культуры делает так много важнейших проектов...

– Я не знаю, как это делается.

– А я уже знаю. Я прошёл этот путь. Давай попробуем.

Я начал действовать. Ввёл заместителя Никиты в Думу, познакомил с руководителями фракций, с Г. А. Зюгановым, который в те годы имел о Никите представления, навеянные его недругами. Я убедил Геннадия Андреевича в том, что Никита такой же патриот России, как и он сам, нарисовал подлинный портрет подвижника и труженика Никиты Михалкова. Поддержка была обещана. Я предложил прописать для Фонда культуры в строке госбюджета 200 миллионов рублей: такую же сумму, как на весь кинематограф, чтобы Никита мог спокойно воплощать позитивные проекты. Но вновь на нашем пути встал наш коллега – председатель комитета по культуре, который не любил Никиту и добился уменьшения суммы до 6 миллионов. Но строку мы всё-таки пробили.

В 1998 году Никита стал участником открытия «Золотого Витязя» в дорогом для каждого русского сердца Киеве. И хотя новое украинское руководство, идя по пути укоренения русофобии, не желало видеть нас в Киеве, мы всюду встречали радушие и сердечность простых людей. После открытия, за дружеской трапезой на зафрахтованном нами теплоходе «Маршал Кошевой», далеко за полночь, Никита спросил:

– А супчика нет?

Супчика не оказалось. Сели по машинам, помчались по ночному Киеву в поисках желанного «супчика». Все рестораны закрыты. Остановились у подвальной корчмы – свет погашен, двери заперты. Постучались – открыла официантка, увидев Никиту, ахнула, и мы всей гурьбой ввалились внутрь. За столом началось представление всенародно любимого Никиты Михалкова. Словно исполняя соло на контрабасе, он расспрашивал порозовевшую, млевшую от соприкосновения с кумиром барышню о возможных блюдах, и она подтверждала готовность принести всё, что его душе угодно. Ах, зачем эта ночь так была коротка?..

В 1999 году 19 «цивилизованных стран» начали бомбардировку Югославии. Узнавший об этом Никита, находившийся в то время на кинофестивале в Каннах, выступил на пресс-конференции с жёсткой оценкой злодеяния НАТО, обрекая себя на «нерукопожатность» в Европе и Америке, сразу же заблокировавшей попадание «Сибирского цирюльника» на киноэкраны США.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл благословил провести очередной «Золотой Витязь» в поддержку Югославии в Смоленске. Рискуя жизнью, невзирая на тотальную блокаду, угрозу попасть под бомбы НАТО, сербские кинематографисты добрались до Смоленска. На открытии кинофорума митрополит Кирилл и Никита высказали жизненно важные для славянских братьев слова духовной поддержки. Слово правды и видеоинформация, распространённые участниками форума в 20 странах мира, и сердечные проводы наших сербских братьев на свою распираемую родину были нашим посильным вкладом в их борьбу с дьявольским «новым мировым порядком».

Вскоре министр культуры Сербии пригласил меня и Никиту в Белград в одно и то же время. Никиту – для представления его ретроспективы, меня – для вручения государственной премии Югославии.

13 февраля 1999 года, едва наш самолёт начал выруливать на взлётную полосу, на весь салон раздался голос выдающейся сербской

актрисы, нашей с Никитой подруги Иванны Жигон: «Дорогие Никита Сергеевич и Николай Петрович, дорогая Инга...» Трепетные слова признательности за труды Никиты, за то, что он направляется в распираемую Сербию, растрогали нас. Когда её голос стих, я обернулся к Никите, сидящему за спиной, и он ответил мне таким же потрясённым взглядом. Много приходится Никите летать по миру, но вряд ли его прежние перелёты начинались таким сердечным образом. И в моей жизни подобного не было. В Белградском аэропорту нас встречало множество знакомых и незнакомых лиц: министр Желько Симич, наш посол Я. Ф. Герасимов, вице-президент «Золотого Витязя» Йован Маркович, Ивана Жигон... В этот же вечер нас ожидали около 5 000 людей в Русском центре и на улице возле него, куда из-за несогласованности действий нам не суждено было попасть.

Нас провезли по улицам Белграда, показали последствия бомбардировок НАТО. «Экскурсия» была почти молчаливой. То, что видели наши глаза, говорило само за себя. Министр культуры, Ивана Жигон и Йован Маркович рассказывали о своей жизни под градом ракет, начинённых ураном. Последствия облучения уже начали сказываться на сербах. Удар по иммунной системе людей был настолько велик, что зарегистрировано невиданное доселе количество онкологических заболеваний. Мы брели с Никитой и Ингой по вечернему Белграду, смотрели на следы варварства, молчали, и каждый думал о своём. Мы не могли говорить – настолько ошеломили нас виды современной «Герники», сознательно устроенной «цивилизованным миром» на территории избранного ими для публичного распятия маленького гордого народа. Наконец нас привезли в самый высокий храм Европы – недостроенный собор святого Саввы. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принёс переносную лампу, свет которой вырывал из темноты сосредоточенное лицо Никиты, земляной пол и величественные своды собора...

В этот же вечер мы побывали в Народном театре на «Пигмалионе», где зал горячо приветствовал Никиту, чья популярность в



Югославии невероятно велика, ведь недавно «Сибирский цирюльник» завершил своё триумфальное шествие по экранам страны, став абсолютным лидером проката 1999 года. Сербам была хорошо известна позиция Никиты в отношении агрессии НАТО в Югославии. Принципиальный, мужской характер моего друга, всегда говорящего прямо, часто в ущерб себе, идущего наперекор толпе, но не предающего друзей и своей чести, достоин уважения.

Утро 14 февраля началось с посещения первой репетиции выдающегося режиссёра Югославии Стево Жигона, приступившего к постановке «Чайки» на сцене Народного театра. Актёры с большим интересом слушали выдающегося русского режиссёра Никиту Михалкова, делившегося с ними своим пониманием «Чайки» и Чехова, с которым его связывали давние творческие отношения.

В этот же день Никиту, меня и Ингу принял Президент Югославии Слободан Милошевич. При встрече и рукопожатии Никита, нарушая протокол, задержал руку президента в своей руке и сказал:

– Крепкая рука мужика.

После приветственной речи президента Никита сказал, что было и у меня на сердце. Он рассказал о нашем посещении собора святого Саввы и тактично, но решительно высказал пожелание завершить строительство этого собора, который явится великим духовным, православным магнитом в центре Европы. Встреча была очень сердечной и неформальной. Никита умеет нарушать протокол и разбавлять официоз президентов, очаровывая своей простотой и остроумием. Президент трижды подавал сигнал помощникам вносить традиционный сербский напиток и лично проводил нас до парадного выхода и ожидавших нас в парке резиденции машин.

Вечером в зале Белградской кинотеки, самого мощного кинохранилища Европы, которое своим обращением пытался защитить от ракет НАТО председатель Союза кинематографистов России Никита Михалков, состоялась встреча с ведущими кинематографистами Белграда. 600-местный зал был переполнен, люди стояли

в проходах. Никите вручили диплом почётного профессора Сербской киноакадемии, а мне – Государственную премию Югославии. Фото запечатлело щедрые аплодисменты Никиты, адресованные другу.

Апофеозом этого дня стало открытие ретроспективы Никиты показом «Утомлённых солнцем» в «Сава-центре», одном из самых больших залов Белграда и Европы. Все пять тысяч мест были заполнены. Зрители встречали Никиту стоя, продолжительной овацией. И хотя этот популярный в Югославии фильм каждый зритель видел не менее двух раз, никто не покинул зал.

Резонанс в югославских СМИ о нашем визите был невероятный. Сербь сказали, что о приезде Марлона Брандо и Элизабет Тейлор к Иосифу Броз Тито не было написано и показано столько, сколько о нашем визите.

В 2000 году «Золотой Витязь» проводили в Москве. Никита решил представить на конкурс свой новый фильм «Сибирский цирюльник». На одной из пресс-конференций журналисты задали ему вопрос: почему он представил свой фильм только на «Золотой Витязь»? Никита ответил: «Есть кинофестивали, где показывают фильмы про уродов, а есть – где про людей. Вот я и отдал туда, где показывают про людей».

И этот фестиваль мы проводили в режиме уже привычного для нас чиновничьего удушья «Золотого Витязя». На третий день после открытия стало понятно, что завтра нам не на что будет кормить участников форума. Что делать?.. Где занимать деньги?.. Позвонил Никите. Он отреагировал мгновенно, без долгих объяснений понял, что «Витязя» надо спасать. Распорядился немедленно выделить со счёта «ТриТэ» заём, необходимый для продолжения нашего стояния. Узнав о решении жюри вручить Гран-при Никите за «Сибирского цирюльника», позвонил и поздравил своего друга с победой. По моим расчётам, момент вручения Гран-при в Кремлёвском дворце должен был наступить около 20 часов. Никита обещал приехать в Кремль к этому моменту. В 19:30, чувствуя неотвратимое приближение

кульминационного момента, я из зрительного зала позвонил Никите:

– Ты где?

– В Фонде культуры, – прошептал Никита, – вручаю награды детям.

– Ты помнишь, что через полчаса ты должен быть в Кремле?

– Помню.

– Если будешь опаздывать, я потяну время оркестром...

Перегнул через барьер оркестровой ямы, сообщил дирижёру А. И. Полетаеву, что придётся играть, пока не появится Никита. Анатолий Иванович с улыбкой успокоил, что музыки хватит до утра.

В 19:55 я в тревоге снова набрал Никиту.

– Ты где?..

– Вхожу в зрительный зал...

Я оглянулся – по проходу стремительно приближался Никита.

В 2004 году я увидел по телевидению новый документальный фильм Никиты «Отец», снятый к 90-летию юбилею С. В. Михалкова. Как всегда, ночью (днём пробиться к нему сложно) я позвонил Никите и высказал своё отношение к его новой кинематографической исповеди.

– Я хочу представить твой фильм «Отец» на «Золотой Витязь»...

– А хочешь – мать?

Я улыбнулся, думал, он шутит.

– Да нет, правда, – сказал Никита, – я вчера закончил фильм о маме.

– Тогда мы представим оба фильма как дилогию, ты не возражаешь?

– Хорошо.

На следующий день получил от Никиты кассету с фильмом «Мама». Выбрал спокойный час перед сном, поставил кассету.

К концу просмотра ощущал спазмы в горле. Фильм тронул моё сердце. Ведь я любил Наталью Петровну и был ею любим. Несмотря на двенадцатый час ночи, позвонил Никите:

– Я целый час побыл подле твоей мамы.

– Ты смотрел фильм?

– Да, только что закончил просмотр.

– Да? – оживился Никита. – Ну и как?

– Это гимн не только твоей матери, твоему роду, это гимн русской семье. Для меня это всё очень близко. В моей жизни были три настоящие женщины: моя мама, моя тётя Фая и твоя мама. Благодаря им мы живём, верим и трудимся. Мы покажем фильм на открытии фестиваля в Калуге, и ты должен его представить.

– Но я в это время в Каннах как официальное лицо от Союза кинематографистов.

– У нас твоё присутствие более важно.

Никита начал высчитывать дни и свои обязанности в Каннах. Обещал приложить все усилия и приехать.

– А ты уверен, что это можно показывать на открытии фестиваля? Ведь фильм-то небольшой, – в голосе Никиты слышались несвойственные ему нотки нерешительности.

– Часовой фильм, – ответил я, – вполне достаточно.

– Но ведь фильм-то телевизионный, как ты его будешь показывать?

– Очень просто... поставим в театре видеопроектор и большой экран.

Никита мчался из Москвы в сопровождении машины калужской милиции, поджидавшей его на границе области. Я то и дело созванивался с ним, пытаюсь понять, где он находится и когда появится в театре. Он лишь отвечал: «Коля, я не знаю, где я, но я лечу...» Я затянул открытие на 20 минут до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно. Но овация не смолкала. Зрители партера и балконов, поднявшись со своих мест, стоя приветствовали автора. Внезапно Никита резко склонил голову и стремительно пошёл на выход. Я – за ним. Догнав, положил руку на его плечо, а он, словно локомотив, влёк меня в дальний, затемнённый угол фойе. Дойдя до стены, остановился, в глазах его стояли слёзы.

– Коля, – сказал он, – если б ты знал, как трудно быть и внутри фильма, и вовне... – Никита с трудом сдерживал слёзы.



В этот вечер в Калуге произошла ещё одна победа моего друга. Победа Художника, не бо-
ящегося обнажать своё сердце перед окружа-
ющими, которые подчас могут и камнями
забросать...

Узнав решение жюри о присуждении дило-
гии Никиты Гран-при, я позвонил и поздравил
друга с победой. Он был искренне потрясён и
обрадован... «Такого ещё не было», – сказал он
и обещал приехать на закрытие.

Осенью этого же года на открытии те-
атрального «Золотого Витязя» Никита вру-
чил высшую награду, золотую медаль
им. Н. Д. Мордвинова «За выдающийся вклад
в театральное искусство» великому сербскому
режиссёру и актёру, нашему общему с Никитой
другу Стево Жигону. Я заказал в иконописной
мастерской подарок «неверующему» Стево, ико-
ну Спасителя. Когда Никита на сцене вручил
ему икону, я, стоя рядом с ними, шепнул Стево:
«Поцелуй икону». И «атеист» Стево Жигон, быть
может, первый раз в жизни благоговейно и про-
должительно приник губами к иконе. Вскоре
«атеист» Стево скончался. Его дочь рассказала,
что в это время у них в доме шёл ремонт, из
комнаты отца вынесли всю мебель, кроме его
постели. Стево попросил оставить в его изголо-
ванное икону Спасителя и приз «Золотой Витязь»,
под которыми и перешёл в жизнь вечную.

Вечер 60-летнего юбилея, проводов Ники-
ты «на пенсию», несмотря на многолюдность и
присутствие большого количества VIP-персон,
прошёл неформально и весело. Никита своей
режиссёрской волей направлял течение юбилея,
оживляя его шутками в адрес тостующих: ми-
нистров финансов и МЧС, главы Администра-
ции Президента, вице-премьеров... Выступая,
я в шутку сказал, что ввёл в режиссуру двух
гениальных режиссёров – Андрона и Никиту.

– И Тарковского! – ввернул Никита.

В 2006-м последовал и мой «выход на пен-
сию». Накануне, на закрытии Московского меж-
дународного кинофестиваля, Никита сказал:

– Нужно снять фильм о тебе к юбилею.

– Да, уж если не ты, то никто не вспомнит...
– Ты хочешь, чтобы снимал Виталий Мак-
симов?

– Да. Виталий был первым на российском
телевидении, кто прорвал блокаду вокруг моего
имени после «Лермонтова». Виталий больше
других в теме... Да и времени-то осталось всего
месяц...

– Надо договориться с «Российским кана-
лом»... – сказал Никита и перевёл разговор на
недавно увиденный им фильм «Мастер и Мар-
гарита», на моего Иешуа Га-Ноцри, который ему
понравился. – Да... ты шёл на большой риск...

27 августа 2009 года скончался Сергей
Владимирович Михалков. Освободился от пут
зависти, сопутствовавшей всей его жизни. Как
не завидовать: с молодости – лауреат всевоз-
можных наград, автор текстов гимнов СССР и
России, под которые страна засыпает и про-
сыпается вот уж семь десятков лет. Небожи-
тель, приближённый к вождям, заикающийся
и благополучный... Когда мы познакомились в
1959 году, он был на вершине общественного
признания. Распускали сплетни: «Михалков –
миллионер... У него открытый счёт в банке...
У Михалкова всё по блату...» Всё повторяется:
раньше завидовали Сергею Михалкову, сегодня
завидуют его сыну Никите.

Частенько Сергей Владимирович, восседая
за рулём своей «Волги», возил нас с Никитой на
дачу, на Николину гору, а мы, тринадцатилет-
ние отроки, сидя на заднем сиденье, внимали
редким, но метким высказываниям класси-
ка-отца. При встрече со мной Сергей Влади-
мирович шутил: «Ты что меня пе-передраз-
ниваешь...», «Будем за-заикаться на пару?...»
Тёплые, уютные семейные застолья... Острый
юмор отца, изысканность и добросердечность
мамы... Зимними ночами мы прислушивались
к весёлым разговорам взрослых... До сих пор
я сохраняю память об удивительном, русском,
тёплом, наполненном взаимной любовью мире
семьи Михалковых. Я не обольщался мыслью,
что я, мальчишка, могу что-то значить для Сер-
гея Владимировича. Кто я? И кто он?! Однако
его мгновенная реакция на мою неожиданную

проблему меня поразила. После фильма «Андрей Рублёв», имевшего большой резонанс на Западе, мой друг Савва Ямщиков попросил меня дать интервью шведской журналистке, председателю Общества шведско-советской дружбы Альме Браттен. Наша встреча началась в валютном баре гостиницы «Националь», где мы мирно ужинали и беседовали, а закончилась в комнате милиции гостиницы «Москва», куда меня препроводили двое молодцев в штатском. К счастью, когда меня вели из «Националя» в «Москву», меня увидел друг нашей семьи и сообщил о происшедшем моей маме.

Допрос, хамское обращение, обыск до носков... Меня подвёл брелок, приделанный к ключам, – железный немецкий крест, оставшийся от съёмок «Иванова детства».

– Ах, так ты – поклонник фашистов... Что ты делал в баре?

– Я а-артист... Давал и-интервью...

– Какой ты артист, заика... Что-то мы тебя нигде не видели...

– П-плохо знаете кино...

– Заткнись! Да мы тебя на пять лет укачаем...

Запахнули в воронок, доставили в 50-е отделение милиции, посадили в камеру, закрыли засов. Сажу, размышляю о печальной перспективе предстоящей жизни в неволе в ближайшие пять лет... Сидел недолго, может быть, час, но, словно пред казнью, в сознании промелькнула вся моя недолгая жизнь... Наконец под натиском моей мамы выпустили с протоколом в руке: «Штраф 50 рублей. За приставание к иностранным туристам у гостиницы “Националь”».

Дома, не понимая, что же мне теперь делать с этой «чёрной меткой» на моей биографии, я позвонил Никите. Выслушав мой взволнованный рассказ, он передал трубку отцу. Реакция Сергея Владимировича была мгновенной: «Сейчас я за тобою приеду, выходи». От улицы Воровского, где жили Михалковы, до Горького, 6, где жил я, не так далеко. Через пятнадцать минут я уже сидел в «Волге» Сергея Владимировича, лихо затормозившей у арки моего дома, а ещё через пять минут мы входили в подъезд легендарной «Лубянки».

По длинным коридорам нас провели в большой зал. Без промедления к нам вышли два солидных человека с внимательными лицами, в штатском, в ранге (не менее) заместителей Председателя КГБ. Представив меня, рассказав анекдот, расслабив чекистов, посмеявшись, Сергей Владимирович переключил внимание всех на меня: «Ну, рассказывай...»

Я подробно изложил своё приключение. «Почерк не наш, – обронил один из чекистов, – это милиция. Пойдите в соседнюю комнату и запишите то, что рассказали нам».

Спустя несколько дней я получил официальное извещение: «...Ваше дело закрыто. Виновные в Вашем задержании наказаны. Изъятый у Вас железный крест возврату не подлежит, уничтожен...» Сергей Владимирович позвонил мне, довольный, сообщил: «Твоих обидчиков разжаловали и отправили работать из центра на дальний рынок». Кто я был для С. В. Михалкова, чтобы он тратил своё время и энергию на возню со мной? Приятель его младшего сына, мальчишка, которого он видел-то всего несколько раз... Он и своих-то детей не баловал особым вниманием и лаской, а тут ради меня, в общем-то постороннего пацана, бросив все дела, как орёл за своего орлёнка, мгновенно спикировал и атаковал моих обидчиков. Это был «момент истины», мгновение подлинного Сергея Владимировича Михалкова. Как похожи были реакции отца и сына: мгновенный, без промедления ответ на сигнал «SOS», полученный от ближнего. Это происшествие сердечно спаяло нас. И хотя мы впоследствии виделись с Сергеем Владимировичем нечасто: то в общественном месте, то у Никиты на дне рождения, я всегда подходил к Сергею Владимировичу, обнимал и говорил ему что-то сердечное. Память о его добром поступке навсегда пребудет со мною.

Ушёл «последний из могикан» – Сергей Михалков. С ним ушла целая эпоха, но остался пример красивой, талантливо прожитой жизни, проблеск светлого человека в царстве теней. Вечером по телевидению показали фильм Никиты «Отец», исповедь об отце и перед отцом. В день, когда душа раба Божьего Сергия разлучилась с телом, исповедь эта приобрела свет



истины на все времена, качество свидетельства об удивительном человеке, об эпохе, о русской культуре, о России, которой неизменно служит этот древний русский род.

Утром моего 60-летнего юбилея, принимая поток звонков, услышал голос, который не признал:

– Я хотел тебя поздравить первым, но меня опередила Арина Шарапова по «Первому каналу».

– Это кто? – спросил я.

– Кто-кто? Конь в пальто. Никита...

Я поблагодарил друга за поздравление и за подарок, фильм «Колокол Николая Бурляева», снятый его студией «ТриТэ» буквально за несколько дней до юбилея, который мне ещё только предстояло увидеть в тот вечер по телевидению.

– Хотя узнаю, что ты обо мне нынче думаешь...

– Да, я о тебе там столько наврал!..

– Когда выберешь время повидаться – позвони. Давно пора попариться в баньке, поговорить... Ведь делаем одно дело, любим друг друга... А то так и перейдём в мир иной, не поговорив толком в этом...

– Коля... – ответил Никита, – любовь – это не когда глаза в глаза, а когда – в одну сторону...

В этот день мне позвонили настоятели трёх храмов Москвы и Подмосковья. Все трое пожелали одного и того же: спасения своей души. Есть о чём поразмыслить... Человеку свойственно откладывать строгий суд над собой в долгий ящик, ссылаясь на нехватку времени, надеясь на безразмерно долгую жизнь. А жизнь-то, как показывают юбилейные даты, весьма быстротекущее явление. Человеку присуще заниматься самолюбованием, самооправданием, преувеличением значения своих деяний. Как говорил Лермонтов: «Каждый гном почитает свои труды великими...» Не переоценить бы своего земного значения. Ведь Там будут судить по Божьим Законам.

*Тускнеет зоркость, в сытости живя:
Благополучие считать за наказание,
Всё принимать спокойно, не скорбя,
И даже в смерти не забыть дерзання!*

Не знаю, как мой друг Никита, а я, пожалуй, впервые задумался о спасении души. Перевесит ли чаша добрых дел и бескорыстного служения Отечеству чашу повседневных, обыденных и потому незаметных для сознания грехов?.. Как бы там ни было, живём мы и служим Святой Руси. На семейном юбилейном ужине я попытался внушить своим детям мысль, выстраданную за долгие годы. Мысль проста: много подвижников, героев и гениев было на Руси – Сергей Радонежский, Илия Муромец, Александр Невский, Серафим Саровский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Мусоргский, Рахманинов, Чайковский, Есенин, Шукшин, Бондарчук, Тарковский... Да разве всех перечислишь... тысячи великих душ... Несметно богата достойными именами Россия. Много праведников и гениев существовало на Руси, а Россия – о д н а! Ценность и значение каждого из них и смысл существования каждого из нас лишь в том, сколько мы сможем послужить Господу и России. Всё прочее – суета, и тлен, и томление духа, и не имеет никакого значения. После русского человека на земле остаётся лишь мера его служения Отечеству, а в Вечности – мера служения Господу.

А коли так, какова же истинная цена всей этой рыночной кинотелетеатральной суете? Что останется от мелочного, тщеславного мельтешения по экрану и по подмосткам, от тотального кинобизнеса, от искусства, превратившегося в доходный промысел? Кого из деятелей театра и кино вспомнит Россия через 100–200 лет? Станиславского, Бондарчука, Шукшина, Тарковского... Народ будет сохранять память лишь о тех, кто служил Господу и Отечеству.

Пришло время выступать Никите на своё «Куликово поле». Сколько же он взвалил на свои плечи. Руководство Союзом кинематографистов, который лично ему ничего не даёт, кроме проблем и траты собственных средств. Сколько же успел сделать этот гигант за годы своего правления. Создал фонд «Урга – территория любви». Разумно учредил его не в лоне российского Союза, понимая, что, если бой бу-

дет проигран, фонд захватят маленькие и серые корыстолюбцы. Ныне этот фонд помогает продлевать жизнь нашим коллегам. Помогает Санкт-Петербургу, Новосибирску, Уфе, Казани, Свердловску, Ростову, Самаре, Владикавказу, Нальчику, Туле; Риге, Киеву, Кишинёву – а это уже ближнее зарубежье. Никиту упрекали в том, что он мало внимания уделяет Союзу, редко бывает на рабочем месте, снимая фильмы, поднимающие имидж России. Но даже если он не сидел в своём кабинете, его именем решались все проблемы Союза: сотни писем уходили в высшие инстанции, удовлетворялись нужды коллег – жильё, звания, материальная помощь, больницы, санатории, похороны... Кто сможет делать столько полезного и привлекать внимание руководства государства к проблемам отечественного кинематографа? Кто сможет противостоять раскольнической, «иудиной» деятельности некоторых членов Союза, составивших «пятую колонну», вернее маленькую, но крикливую колонку, борющуюся с председателем Союза и вождем разорвать сообщество российских кинематографистов?

В 2012 году, поднявшись по ковровой лестнице Московского международного кинофестиваля, я подошёл к Никите. Он в элегантном смокинге и белом шарфике на плечах встречал гостей. Обнявшись и по-православному трижды облобызавшись, Никита шепнул:

– Скоро поработаем.

– Наконец-то, – ответил я другу, ещё не зная, что он затевает.

По завершении Московского международного кинофестиваля Никита пригласил меня полететь с ним в Нижний Новгород в узком составе (50 звёзд кино) на традиционное «Эхо ММКФ». Поговорить с Никитой в эти два дня было физически невозможно. Он в постоянном окружении СМИ и VIP-персон, разрываемый на части.

После открытия «Эха» погрузились на теплоход и пошли по Волге. Лето, солнышко ласковое. Увидел Никиту, сидящего в полном одиночестве на палубе, подставившего солнцу свой могучий обнажённый торс, сел рядом, положил руку на его шею, сказал:

– Гони ты от себя этих педерастов...

– Кого?.. – Шея Никиты напряглась.

– Отборщиков своих. Что они тебе понабрали на фестиваль?.. Фильмы про голубых, лесбиянок, «мягкое порно» Тинто Брасса?..

– Да ладно, – Никиту мои слова явно задел. – Что ты брюзжишь... младоправославный?..

– Ты тоже православный. Ведь Там будем отвечать за всё.

В наш разговор неожиданно вторглась Наташа Андрейченко. Не поняв толком, о чём идёт речь, она попробовала поддержать Никиту, а он поднялся и пошёл по своим делам.

Я рассказал Наташе, что я имею в виду, заодно попеняв ей:

– А ты что там играешь в Голливуде... каких-то вурдалачек... Сколько там на экране мерзости, голубых и розовых...

Наташа согласилась и сказала:

– Да... один крупный американский режиссёр попробовал поднять тему засилья гомосексуалистов в Голливуде... Так на него подали в суд, и он проиграл.

Вскоре я узнал, что Никита приступил к постановке фильма «12». Однако приглашения мне участвовать в этом проекте не последовало. Через положенное время я увидел готовую картину. Она мне очень понравилась – ничего общего с нашими молодыми «Двенадцатью разгневанными мужчинами». Русская драматургия, актуальные для сегодняшней России проблемы, замечательный актёрский ансамбль, мощная михалковская режиссура.

Узнав о присуждении Никите «Золотого льва св. Марка» за фильм «12», позвонил ему в Венецию и поздравил с наградой.

– Ты поменял концепцию?..

– Да.

– Я понимаю тебя и поздравляю с победой, жаль – без моего участия.

В сентябре того же года, проводя в Тбилиси фестиваль «Эхо МКФ “Золотой Витязь”», пригласил Никиту полететь с нами. Он, привязанный к новгородским лесам и своему новому проекту «Утомлённые солнцем», вырваться никак не



мог, но одну копию фильма «12» выдернул из премьерного кинопроката для показа в Тбилиси. Никита посетовал, что грузины допустили и терпят параноика-президента, что некоторые из грузинских кинематографистов, обласканных в России, за счёт которой жили и живут, процветая и развивая свой личный бизнес, требуют «обуздать русских агрессоров».

В центральном кинотеатре «Амирани» собралась вся интеллигенция Тбилиси: Резо Чхеидзе, Софико Чиаурели, Эльдар Шенгелая... Зал, вмещавший около 2 000 человек, был переполнен. Три часа, пока длились открытие и фильм, люди стояли у стен в проходах. Бурно реагировали, особенно на монолог грузинского героя о ножах и «авлабарском детстве». По окончании долго аплодировали, со слезами на глазах благодарили за подаренную Никитой радость.

В 2008 году на торжественной церемонии закрытия очередного МКФ «Золотой Витязь» в Доме кино министр культуры А. А. Авдеев вручил Никите наш Гран-при за фильм «12».

В ответном слове Никита сказал:

– Семнадцать лет, как стойкий оловянный солдатик Коля Бурляев, начав свою карьеру в курсовой работе моего брата «Мальчик и голубь», стал крупнейшим актёром нашего великого кино. Семнадцать лет он посвящает тому, чтобы удержать этот аб-со-лютно (он по слогам произнёс это слово) необходимый нашей стране и нашему миру фестиваль. Трудно!.. Ирония всесожигающая!.. Пресса, которая мочит нас, как хочет... Огромное количество вопросов, непонятностей: «Нужен?.. Не нужен?.. Не национализм ли это?..» И так далее и так далее... Коля Бурляев и его товарищи: наши сербские друзья, болгарские друзья – люди славянского мира и не только... Здесь и прекрасная мексиканская картина, и китайская, и картины двух десятков других стран... Это люди, которые понимают, что вот эти слова, написанные здесь (он показал рукой на транспарант, растянутый над всей сценой: «За нравственные, христианские идеалы, за возвышение души человека»), – это

не просто слова, это реальная наша сегодня необходимость. Это необходимость всегда, а сегодня – особенно!..

Никита обратился к министру культуры, стоящему рядом с ним:

– Александр Алексеевич, Вы первый вручаете приз на родине в качестве министра культуры?..

– Первый, – ответил министр.

– Я очень рад, что это произошло именно на этом кинофестивале. Это знаковое событие...

В декабре 2008 года случился очередной шабаш серой московской киномассы – VII Съезд кинематографистов. 200 разъярённых «декабристов-михалковофобов», мелкой россыпью рассеянных в тысячеместном, на две трети пустующем зале Дома кино, выглядели хилой, но озлобленной стайкой. Всё это мы уже однажды проходили в 1986 году на V съезде. Тогда распинали С. Ф. Бондарчука и СССР, теперь Михалкова и Россию. Как и два десятилетия назад, всё те же «серые и кусачие» затеяли новый переворот: «демократически» не выбрали делегатами никого, кто мог бы противостоять их заговору: ни Наумова, ни Ливанова, ни Хотиненко, ни Тодоровского, ни даже председателя Союза кинематографистов Михалкова. Меня выбрали от Гильдии актёров кино. «Серые» подготовились основательно. Никита же не предпринял никаких предвыборных действий и оказался в одиночестве. Куда делись все его многочисленные «друзья»? Переживая за него сердцем, поддерживая друга, я сел на пустующее рядом с ним место в первом ряду и на протяжении двух дней мы сидели плечо к плечу. С самого начала «съезда» Никита объявил о нарушениях при выборе делегатов, что привело к нелегитимности данного сборища. Он предупредил, что Минюст не примет решений несостоятельного «съезда» и что он не намерен делать отчётный доклад. О несостоятельности данного собрания заявил и заместитель министра культуры А. Голутва. Попросив слова одним из первых, я тоже подчеркнул бесполезность происходящего. Сказал, что для меня, знающего Никиту с детства, было загадкой, почему

он согласился возглавить Союз тогда, когда он был разрушен и разворован до основания. Ведь ему предлагали и более высокие посты, например министра культуры СССР. Он же принял на свои плечи расхищенный предшественниками, гибнущий Союз кинематографистов. И сделал он это только потому, что любит кино и своих коллег. Он не стал заводить уголовных дел на проворовавшихся товарищей, по-христиански простил их. За эти годы Михалков не только удержал Союз на краю пропасти, но оживил и сделал первые шаги к его возрождению. Некогда три авантюриста: Ленин, Троцкий и Свердлов – казнили царскую семью и государя Николая. Убили его потому, что он был удерживающим. Последовали кровавые для России времена. Никита Михалков все эти годы был удерживающим для Союза кинематографистов. Являясь по сути своей государственным, он старался уберечь Союз от раскола как единый Российский союз. «Михалков – безусловный всенародный и всемирно признанный лидер кинематографа. Кто достоин сменить его на этом посту? Кто может сделать для Союза больше, чем он? Если Михалков покинет Союз, то и мне здесь делать будет нечего». Когда я спустился со сцены и сел рядом с Никитой, он стукнул меня по колену и сказал: «Дружбан!»

Не большой любитель выступать, я несколько раз за эти два дня поднимался к микрофону. Особенно меня возмутило, когда на второй день на председательское место сел склочный серый кинокритик. Я напомнил залу, как на Пленуме 1999 года кинематографисты приняли единодушное обращение в поддержку братской Югославии, подвергшейся бомбардировкам НАТО. Как тогда этот «критик» выкрикнул из зала, что он против этого обращения. Как взволнованный Евгений Матвеев, взметнувшись со своего кресла, выбросил в сторону «критика» свою руку, словно гранату, и гневно крикнул: «Да там людей убивают!» Хилая «огневая точка» была подавлена. А Никита спокойно, с присущим ему юмором подытожил: «Но мы уже проголосовали за поддержку обращения. Если, господин Матизен, у вас есть иная точка зрения – можете обратиться в НАТО».

И вот теперь этот «серый критик» пытается руководить нами?! Я потребовал замены такого «председателя», но, естественно, не был поддержан его поделчиками.

На исходе первого дня этого шаша к Никите поступило множество обращений от делегатов со всей России с просьбой о встрече, и он предложил желающим спуститься вниз, в конференц-зал. Он встал и направился к выходу, я за ним, за нами – остальные. Нам в спину шипели: «предатели». И без того немногочисленное собрание обезлюдело больше чем на треть. В конференц-зал набилось около 150 человек. Никита спокойно объяснил собравшимся положение дел: интригу «московского союза» по захвату власти, их намерение расчленить Союз кинематографистов России. Сказал, что он, как председатель Союза, имеет право собрать на настоящий Съезд не 400 келейно выбранных делегатов, а всех членов Союза со всей России.

На следующий день начали выдвигать кандидатуры на пост председателя Союза кинематографистов. Назвали несколько фамилий, в том числе и меня. Каждый из кандидатов, в том числе и я, отказались от этого поста. Отказались все, кроме М. Хуциева. Его и выбрали. Только вот вопрос, зачем выдающемуся кинорежиссёру на склоне лет подобная головная боль и обречённость на бесславную «дружбу» с раскольниками? Было ясно, что его подталкивают в спину недруги Никиты, которые предполагают руководить Союзом за спиной 83-летнего мэтра.

Вскоре после этого судьба столкнула нас в белградском пяти тысячном зале «Сава-центра» на большом празднике сербского народа, куда мы с Никитой прибыли не сговариваясь. Учитывая занятость располагавшего всего двумя часами свободного времени Михалкова, сербское руководство предоставило арендованный в Испании самолёт. Поприветствовав собрание, Никита должен был сразу же вылететь в Москву и пригласил меня лететь с ним. Это было за несколько дней до собираемого Никитой легитимного Съезда кинематографистов. Мы, сидя в салоне друг против друга, проговорили всю дорогу. Помню свой вопрос:



– А если тебя снова изберут председателем Союза?..

Никита ответил после мучительного раздумья:

– Коля... Я не могу больше... Ну зачем мне это нужно?..

В его глазах была неподдельная мука и боль.

– Ну, если не ты, то – кто же?!

Спустя ещё несколько дней я приехал к нему в студию «ТриТэ» взять интервью для своей телепрограммы на «Спасе». Мы говорили обо всём прямо, открыто, без утайки. Я сравнил настоящую ситуацию с тем, что мы пережили в период «перестроечной» травли С. Ф. Бондарчука. Сегодня практически та же стая «серых и кусачих» пытается затравить нового лидера – Никиту Михалкова. На это он с грустной улыбкой ответил:

– Я не столь талантлив, как Сергей Фёдорович... со мной этот номер не пройдёт.

Нельзя сказать, что я всегда разделял действия Никиты: доверчивость к окружению частенько предававших его выдвиженцев. В 1994 году, когда он вдруг решил поддержать Ельцина, я спросил его:

– Почему ты это делаешь? Ведь ты же был против расстрела им Белого дома?

– Ты понимаешь... ведь эти уже насосались, но могут прийти другие... ненасытные...

Мне не нравились многие персоны, продвигаемые им на руководящие посты. Я переживал, что мы, имеющие одни цели, делающие одно дело, так редко видимся и никак не координируем наши действия, тогда как стая серых и кусачих весьма сплочена. Понимал, что он самодостаточен, борется в одиночку, по принципу «и один в поле воин», не нуждается в моей прямой поддержке... Мне не хватало моего друга многие годы, но я глушил свою печаль и посильно продолжал поддерживать его во всех начинаниях. Однажды я сказал Никите:

– Помнишь, в детстве ты говорил мне: «Коля, ты гений. Я тебя очень люблю». Теперь я тебе говорю: я тебя очень люблю. Гораздо больше, чем в детстве.

Утром Прощёного воскресенья 1 марта 2009 года, направляясь в храм на литургию, отправил Никите СМС: «Никитушка! Прости меня за всё. Вместе мы – 50 лет. Вместе нам до конца. Люблю тебя. Твой друг Колька». И сразу прилетел ответ: «Бог простит, и я прощу! И ты прости меня за всё ХРИСТА РАДИ, Коленька! Твой Никита».

30 марта 2009 года прошёл исторический чрезвычайный съезд Союза кинематографистов России. Как и 11 лет назад, Никита пригласил в Москву всех членов СК. В «Гостиный двор», к стенам Кремля, съехалось около 2 500 кинематографистов со всей России. Это был настоящий праздник единения большинства вокруг своего признанного лидера. Столько знакомых, знаменитых лиц, собранных в одно время, в одном месте и охваченных единым порывом, я давно не встречал. В первых рядах – старейшины: В. Наумов, М. Ножкин, И. Макарова, Г. Боровик, В. Давыдов, В. Васильева, И. Скобцева, Г. Натансон, В. Юсов, Я. Лапшин, А. Петренко, С. Шакуров, Н. Губенко, Ж. Болотова, С. Любшин, А. Вертинская, А. Михайлов, М. Пореченков, А. Снаткина, Ю. Назаров, Л. Зайцева, Н. Бондарчук, И. Мирошниченко, В. Хотиненко, Д. Месхиев, Е. Герасимов, С. Никоненко – всех не перечислить...

Никогда я не видел Никиту столь собранным, открытым и волевым, как в эти дни. Перед собравшимися предстал исполин, воин кинематографа, Пересвет, вышедший на своё Куликово поле, на битву за своё честное имя, за всех нас, за русский кинематограф, за духовное будущее России. Я давно ожидал этого момента, когда Никита поднимет своё забрало и выскажется прямо, ибо отступить некуда: «За нами – Россия». Его речь, продолжавшаяся два часа, была настоящей сагой о фарисеях, вязавших его по рукам и ногам 11 лет его правления, саботировавших все его благие намерения, лгавших и клеветавших на своего председателя, ожидавших, когда же он споткнётся, чтобы, навалившись на него всей «московской сворой», растерзать, как некогда они растерзали великого С. Ф. Бондарчука. Речь была яркой и

мускулистой и, несмотря на свою продолжительность, держала всех собравшихся в непрестанном внимании. А оратор всё наращивал энергию наступления, шёл от кульминации к кульминации. И негде было просочиться шипению врагов.

Особенно потрясла та часть речи, когда он с документальным приложением на экране начал раскрывать «тайны мадридского двора» – похищения у 5 000 членов СК некогда принадлежавшего всем нам Киноцентра на Красной Пресне. Помню, как на заре перестройки нам, кинематографистам, объявили, что все мы – 5 000 членов СК – становимся акционерами этого гигантского (21 000 кв. м!) дворца. Радость наша была непродолжительной. Очень быстро узнали, что мы (5 000 членов СК) выведены из числа акционеров, а завладели им 15 наших проворных коллег. Никита впервые назвал имена «героев», похитивших у нас нашу собственность: Ибрагимбеков, Говорухин, Бардин, Финн (Хальфин), Гусман, Дыховичный, Щербаков, Ярмольник, Волчек, Рощин, Ланской, Мурса, Мотыль, Фатеева, Цимбал. Это потрясло всех собравшихся. Как же эти люди будут теперь жить и смотреть в глаза тем коллегам, которых они практически обокрали?

Дважды, и в первый, и во второй день съезда, мне пришлось выступать. В первый день я сказал о михалковофобии, о том, что зависть – мерило успеха, что быть первым на Руси – тяжёлый крест, о позитиве руководства Н. С. Михалкова, о достойном представительстве им Союза в высоких инстанциях, о привлечении внимания руководства государства к проблемам кинематографа, о том, что никто другой не пожертвовал 700 000 \$ на помощь своим коллегам: Н. А. Крючкову, С. С. Росточкову, В. И. Соловьёву, Г. С. Жжёнову, В. Дворжецкому, семье Геннадия Шпаликова, на операции кинематографистов; об оказании помощи ВГИКу, коллегам из России и зарубежья, о помощи детским домам, интернатам и даже тем, кто не любит Михалкова. СК работает уже без долгов. В Доме кино проводятся серьёзные, духовно полезные программы, фестивали, творческие вечера, поддерживается

жизнь Дома ветеранов кино... Издаются книги С. Бондарчука, Ю. Озерова, Н. Мордвинова... Никита организовал благотворительный фонд «Урга – территория любви», ежегодно расходуемый по миллиону долларов на помощь своим ближним. Кто может сегодня быть более эффективным руководителем Союза?

Съезд подавляющим большинством голосов: 2000 – «за», 171 – «против» – вновь избрал председателем Союза Никиту. Я первым поднялся со своего места, за мною – остальные. Зал нескончаемо аплодировал. Никита стоял на трибуне и едва сдерживал слёзы. Это были слёзы воина, одержавшего победу в тяжёлом бою, в котором победа вовсе не была гарантирована, слёзы обиды за несправедливую ненависть к нему и клевету, которой он подвергался на протяжении 11 лет и трёх последних, невиданных по оголтелости месяцев травли и шельмования в СМИ, на которые нашими «коллегами» были израсходованы сотни тысяч долларов из банков США. И вот он вышел из боя победителем, отстоявшим в этом бою и себя, и всех нас. Никита попросил меня работать в Правлении СК. Впрочем, я и так бы помогал своему другу всем, чем могу. Общее ощущение от съезда, как у летописца битвы на Куликовом поле: «В зал вошла разрозненная масса, вышел – монолит!»

Когда заканчивался съезд, мне позвонили с телевидения и предложили прийти в программу В. Соловьёва «К барьеру». Я сказал, что правильнее предложить Н. Михалкову, который компетентнее меня в данном вопросе, поднялся к нему на сцену, предложил...

– Я не могу, – устало ответил Никита, – пойди ты.

Я пошёл, хотя противника, вызвавшего меня «на дуэль», некоего документалиста Манского, совсем не знал. Кто такой? Что знаменитого снял? Его коллеги говорят, что снимает явный негатив, тем и прославился. Вызов я принял. У «барьера» видел перед собой явно нервничающего противника. Поединок я выиграл с перевесом в 4 500 голосов, но ощущения полной



победы не осталось. Поскольку правда была за мной и за Никитой, я ожидал большего отрыва. Этот поединок выявил печальную картину духовного расслоения российского общества.

22 мая 2009 года Никита прилетел в Липецк на МКФ «Золотой Витязь». Приём в честь открытия форума проходил под открытым небом, за городом, подле аэропорта, куда на попутном вертолёте приземлился Никита, опоздав к трапезе на полчаса, но встретили мы его праздничным салютом, на который он, впрочем, не успел полюбоваться, поскольку непрерывно говорил по телефону.

Утром 23 мая в конференц-зале администрации губернатора состоялось, пожалуй, главное событие нашего форума: круглый стол российской делегации с участием всех зарубежных делегатов фестиваля. Тема – «Российский кинематограф сегодня и завтра». Никита призвал коллег «определяться» на путях служения позитивному кинематографу и России. Подобного мощного собора выдающихся кинематографистов, секретарей и членов Правления СК РФ, советников Президента РФ и обеих палат парламента, политологов, философов, учёных я не видел за все мои 50 кинематографических лет. А главное, не видел такого духовного, патриотического единомыслия. Вслед за Никитой на правах президента кинофорума я произнёс:

«Прежде чем говорить о российском кинематографе “сегодня и завтра”, вспомним, каким был наш отечественный кинематограф “вчера”, до так называемой перестройки. Советский кинематограф был поистине могучим. Великие режиссёры мира завидовали нам. Федерико Феллини в разговоре с Тарковским высказывал своё удивление тем, как функционирует кинематограф в России: 100%-е финансирование, единая мощнейшая сеть государственного кинопроката, предоставляющая возможность одновременного показа по всей великой стране. А самое главное, какого высокого, не только творческого, но и нравственного уровня достигали высшие творения наших кинематографистов, приносивших всемирную

славу нашей стране: Эйзенштейна, Довженко, Чухрая, Герасимова, Ростоцкого, Бондарчука, Тарковского, Шукшина, Михалкова, Панфилова, Тодоровского... Подавляющее большинство режиссёров носили в кармане партбилет, но при этом снимали поистине христианские фильмы, ставшие источником живой воды для миллионов людей на планете. Источником, к которому принадлежали и будут принадлежать грядущие поколения.

Но это было светлое “вчера”. Грянула перестройка, провозгласившая наступление новой кинематографической эры. Что мы имеем сегодня? Почти до основания разрушенный и разрозненный государственный кинопрокат. Царство “торгующих во храме” новоявленных частных прокатных дельцов. Апологеты рыночного кинематографа, приторговывающие искусством кино, в эйфории сообщают народу о том, что всё идёт прекрасно. Построено около 1 500 кинотеатров с “долби-стерео” и “попкорном в койку”. Говорят, что в скором времени количество подобных суперкинотеатров возрастёт вдвое. Вроде всё красиво, а радости нет. Невольно задаёшься тревожными вопросами: а на чьи деньги построены эти кинотеатры? Оказывается, преимущественно – на иностранные.

А что показывают эти кинотеатры? Заглянул как-то в один из них. Во всех залах – либо американское кино достаточно примитивного, пошлого содержания, либо российский “продукт”, подражающий “продукту” американскому. Киноискусство, с лёгкой руки лукавых телевизионных топ-менеджеров и обслуживающих их кинокритиков-рыночников, стали упорно называть “продуктом”. О “кривом зеркале” насилующей зрителей примитивной эстрады и сериальных “продуктах” российского телевидения и говорить не хочется. Россию Пушкина, Лермонтова, Достоевского... Россию Эйзенштейна, Бондарчука и Тарковского год за годом, день за днём – step by step – опускают всё ниже и ниже. Кинокритики, увенчанные степенями и солидным возрастом, уже отказываются серьёзно относиться к фильмам, говорящим о высоких идеалах. “А где же в вашем фильме

гомосексуалисты? – вопрошают кинокритики. – Где любовь друг к другу девочек или, на худой конец, инцест?.. Это – не рейтингово! Не формат!” Имена этих критиков называть не стану. Кому надо, поймут, что это относится к ним. При вашем содействии, коллеги, ведётся разлагающая, лукавая работа по внедрению чужебесия в сознание наших детей.

Хочется напомнить евангельские слова: “Невозможно не прийти в мир соблазнам, они должны прийти, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит”.

На протяжении двух десятилетий идёт последовательная вестернизация российского кино- и телеэкрана, вытеснение, подмена традиционной, духовно-нравственной сердцевины русской культуры, мутирование сознания новых поколений, нарождающихся на Святой Руси. Впрочем, вряд ли Русь станет святой при такой обработке. Невольно ещё и ещё раз вспомнишь откровение радио “Свобода”, изречённое в эфир в самом начале перестройки: “Цель перестройки в том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций”. Очаги сопротивления этой чуме существуют. И сегодня, с великим трудом удерживая высоту, продолжают творить лучшие российские режиссёры: Михалков, Сокуров, Панфилов, Тодоровский, Абдрашитов, Прошкин, Бортко, Хотиненко... В документальном кино, несмотря на ликвидацию ЦСДФ и агонию “Леннаучфильма”, не сдаются подвижники-одиночки: Мирошниченко, Гуркаленко, Лизнёв, Матвеева, Шиллер, Криницын и десятки других замечательных кинематографистов...

Детский кинематограф практически умерщвлён. Российским детям приходится ориентироваться на Гарри Поттера, Шварценеггера и заокеанских анимационных монстров... Немудрено, что на уроках рисования сегодняшние дети рисуют не витязей, не Илью Муромца, не Ивана-царевича, а бэтменов, монстров, вампиров и одноглазых инопланетян.

Что будет “завтра”? Во многом это зависит от всех нас. Пора осознать и нам, кинематографистам, и руководству государства, что экранные искусства есть духовно-стра-

тегическое оружие нашей державы и оружие это не должно служить массовому духовному поражению народа. Необходимо кардинальное изменение российской культурной политики и её составной части – национального кинематографа. Нужно рекомендовать высшей государственной власти задуматься об утверждении нового национального проекта в области культуры и духовного развития нашего государства. Возродим культуру и кинематограф – преобразим жизнь нашего Отечества. Необходимо на порядок увеличить средства федерального бюджета на культуру и кинематограф. Культура и государственный кинематограф в России не должны жить по законам рынка, ставя главной целью извлечение прибыли всеми дозволенными и недозволенными методами.

Российская культура, кинематограф и телевидение должны быть переориентированы на традиционные, духовно-нравственные ценности. Необходимо введение системы государственного заказа со стопроцентным финансированием кинопроизводства фильмов, способствующих духовному возрождению и укреплению нашей культуры и нашей страны. Пора задуматься о возрождении государственного кинопроката и разбазаренных киностудий. В первую очередь Киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького. Российские кинематографисты прошли свой переломный исторический момент, консолидировали позитивные силы нашего сообщества. Пр продемонстрировали стране сплочённость подавляющего большинства вокруг созидательной миссии вновь избранного руководителя Союза кинематографистов, безусловного лидера российского и мирового кинематографа, творчеством своим и жизнью своей доказавшего преданность Отечеству и российской культуре».

Российские кинематографисты, словно дождались наконец того, что они соединились на родной земле, могут говорить на родном, русском языке о наболевшем за годы разрушительных, преступных деяний вождей «перестройки», подвергших народ духовной деградации.



Эмоционально и по существу говорили губернатор О. П. Королёв, политолог С. Е. Кургинян, советник Президента РФ Ю. К. Лаптев, советник Председателя Совета Федерации С. М. Миронова А. В. Щипков, депутат ГД В. Р. Мединский, ректоры Щепкинского театрального института Б. Н. Любимов и ВГИКа В. С. Малышев, народные артисты СССР и России И. В. Макарова, А. Я. Михайлов, В. В. Гостюхин, С. П. Никоненко...

Результатом культурной «Липецкой дуги», битвы за духовное будущее России, явился коллективный меморандум кинематографистов, на 90 процентов опирающийся на мою речь, «Будущее Российского государства и текущие задачи национального кинематографа». Текст меморандума Никита передал лично в руки Президента России и Председателя Правительства. После этого удивительного собора, когда пресса перестала терзать по разным углам Никиту, губернатор устроил для нас с другом дружеский приём, где мы продолжили общение от сердца к сердцу.

18 ноября сотрудник Никиты пригласил меня на конференцию «Российская киноиндустрия – 2009». Собралось множество народу, около 250 журналистов. Выступать не предполагал, но, послушав речи благополучных кинорыночников, удовлетворённых процессом российской экранной деградации, произнёс антирыночную речь, напомнив собравшимся о духовной миссии кинематографа и обязанности государства уделять особое внимание поддержке позитивного кино. Выступая, Никита, со свойственным ему примирением и толерантностью, сказал о целесообразности и моей, и «рыночной» позиции. В перерыве ко мне подходили люди, благодарили, что-то говорили о «мощной волне, пущенной по болоту», о «наконец-то прозвучавшем голосе правды...».

В 2012 году, узнав об уходе с поста министра культуры А. А. Авдеева, я позвонил Никите, задал вопрос: кто же будет новым министром?

– Есть пара кандидатур.

– В принципе, министром должен быть или ты, или я.

– Коля... Мне это не нужно, – вздохнул Никита, – а тебя они сожрут.

Я сказал, что, пока они будут точить зубы, я бы успел поставить Минкультуры с головы на ноги, поменять идейную направленность министерства, очистить от коррупционеров, перевести стрелки с пошло-рыночного на традиционный путь... Сказал, что вовсе не рвусь к этой должности, она мне не нужна, но, в отличие от чиновников, не стал бы цепляться за министерское кресло. Чувствуя, что Никита не разделяет мои воззрения, спросил: «И кто же будет?» Он назвал имена двух возможных кандидатов, не вызвавших моего восторга. Сердце подсказывало, что прав я.

В 2014 году Никита сообщил мне, что я введён в Общественный совет Минкультуры, и добавил: «Только ты там – потише...»

В этом же году в Томске прошёл XXIII МКФ «Золотой Витязь». Я посетил воссозданную там стрелецкую слободу. Стрелецкий воевода показал шкатулку с крестами XVI века и, указав на один из них, сказал:

– Это крест Бесогона...

– А можете вы подарить этот крест Никите Сергеевичу Михалкову? – спросил я. – Имя Никита означает «бесогон»...

– С удовольствием, – не раздумывая ответил воевода.

Я пригласил его на торжественную церемонию закрытия, попросив, чтобы он сел поближе к сцене.

Оставалось главное – чтобы прилетел Никита. Я пригласил его задолго до начала фестиваля, бесконечно перезванивались, переписывались, уточняли дату... На открытии присутствовать он не мог, обещал на закрытие. То, что Никита обещает, он, как правило, исполняет, но как будет на сей раз?.. Ведь его новый фильм находится сейчас в стадии завершения. Я, как режиссёр, хорошо понимал, что такое последний этап рождения фильма, когда твоё долгожданное дитя вместе с тобой уже в «родильном отделении». Как оторваться от него, пресечь пуповину, связывающую тебя, родителя, с твоим творением?..

Последние дни перед прилётом, последние уточняющие звонки:

– Всё идёт по плану, – успокаивал Никита, – готовимся к вылету. Со мною ещё четыре человека... Могу быть у тебя несколько часов... Когда я должен выйти на сцену?

– Приблизительно в 19:30.

– Ты простишь, но ровно в 20 я покину зал.

– Конечно.

– А почему ваши хозяева в Томске требуют большие деньги за стоянку самолёта?..

Я пришёл в замешательство.

– Я не знал об этом. Будь спокоен. Прилети. Я всё улажу.

Сразу позвонил томскому министру культуры.

– Вы хотите, чтобы на закрытии был Никита Сергеевич Михалков?

– О, конечно...

– Тогда предусмотрите средства за перелёт борта, стоянку и гонорар артиста.

– Тревожная пауза свидетельствовала о том, что в сознании коллеги происходит лихорадочный подсчёт.

– Это шутка, – поспешил я успокоить министра, – Никита Сергеевич летит ко мне как к другу, бескорыстно. Только объясните мне, почему с человека, делающего такой щедрый подарок Томску, хотят содрать бешеную сумму за стоянку самолёта.

– Я вас услышал, – ответил министр, – я разберусь.

Днём 31 мая я приехал в аэропорт встречать друга. В VIP-зале – вице-губернатор и министр. Вижу, что цветов у них нет. Спрашиваю:

– А где же цветы?

Удивлённый вице-губернатор переадресовал мой вопрос министру, и тот поспешил на поиски букета.

– Мы должны ехать с Никитой Сергеевичем в машине одни.

Вице-губернатор был явно удивлён.

– Мы с Никитой Сергеевичем должны провести по дороге рабочее совещание.

И мы «провели совещание»: я поведал Никите подробности нашей томской «эпопеи»...

Сказал, что по творческой части наш форум – событие для города центральное: зрители воодушевлённо принимают происходящее, залы переполнены... Но сам я нахожусь в чудовищном моральном состоянии. Губернатор выделил необходимые средства. Вот только исполнители его воли впервые за всю историю «Золотого Витязя» решили оставить эти средства у себя, сделав главным получателем средств и исполнителем проекта местную филармонию, отжимающую бюджет на свои нужды. Никита внимательно выслушал мой рассказ. На первой же встрече с губернатором он ему прямо высказал своё удивление, почему средства выделены филармонии, а не главному организатору «Золотого Витязя».

– А что? Есть проблемы? – насторожился губернатор.

– Николай Петрович Вам всё расскажет.

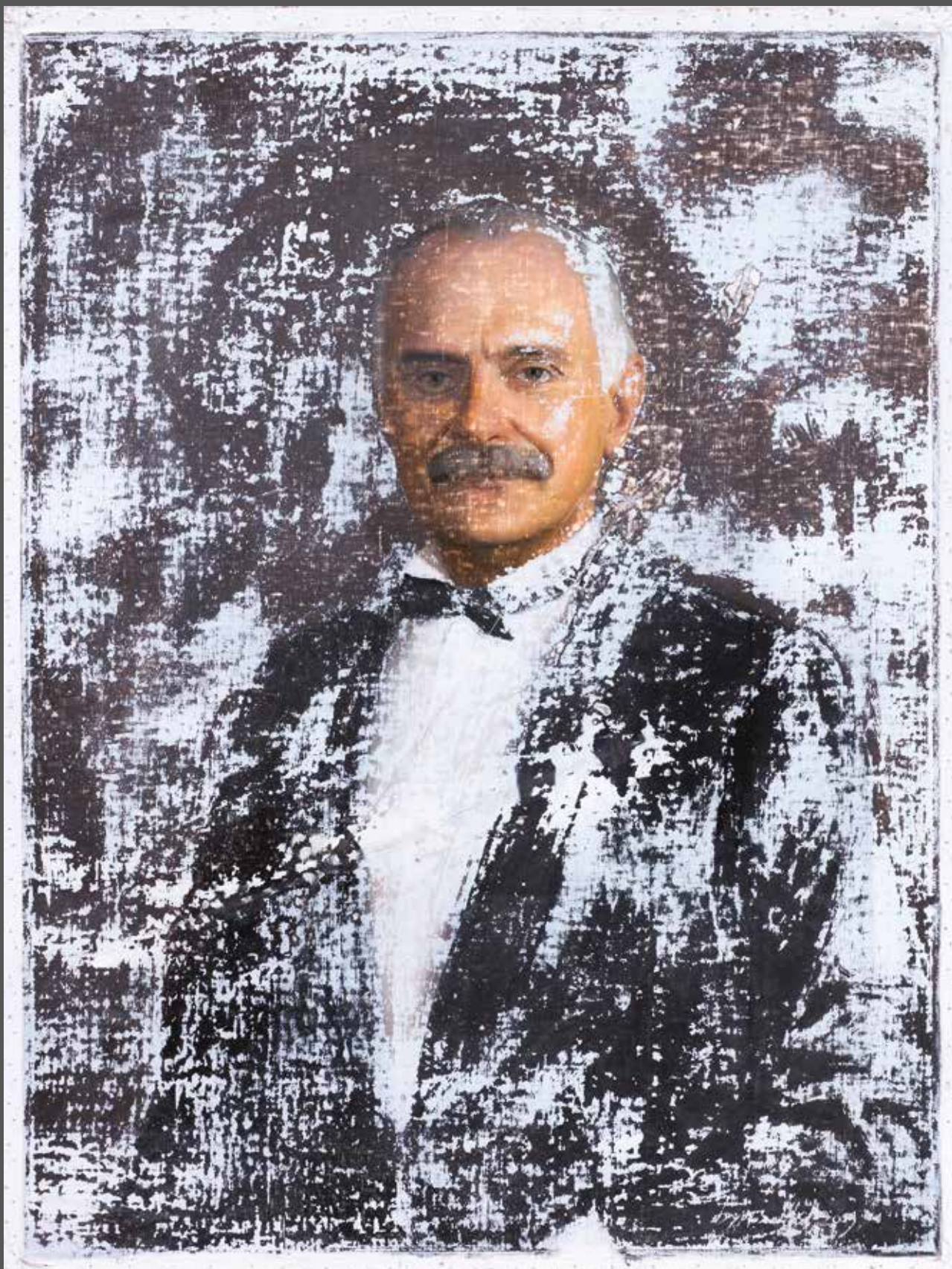
Я описал губернатору бесчинства филармонии.

За трапезой я произнёс тост за друга, сказал, что высоко ценю то, что он сдержал обещание и прилетел. Признался, что если бы он, Никита, позвал меня к себе в тот момент, когда я завершал бы работу над своим фильмом, я бы ещё подумал, лететь или нет...

– Ну, ты бы подумал, а я – прилетел, – как всегда, с юмором парировал мой друг.

По «звёздной дорожке» мы прошли втроём с Никитой и губернатором. Когда Никита завершил свою речь на церемонии закрытия, я попросил его задержаться и пригласил на сцену сибирского воеводу, который подарил Никите крест Бесогона. Никита, тронутый этим символическим подарком, расцеловал воеводу и, побыв в зале ещё несколько минут, ринулся в аэропорт. Я был сердечно благодарен Никите, подтвердившему фактом своего прилёта ко мне в Сибирь крепость нашей 55-летней дружбы.

5 декабря 2014 года по традиции провели в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя закрытие годовой программы V Славянского форума искусств «Золотой Витязь». Святейший Патриарх, пообещав присутствовать на церемонии ещё за полгода до закрытия,



Никита Михалков.
Холст на основе, масло. 80 х 60. 2010

S. NIKAS



Николай Бурляев.
Бумага, сангина. 44 x 32. 2014



Владимир Меньшов,
Бумага, сангина, 44 x 32



Армен Джигарханян.
Бумага, сангина. 44 x 32. 2013



Евгений Жариков.
Бумага, сангина. 44 x 32. 2010



Евгений Леонов.
Бумага, сангина, 44 x 32, 1993



Евгений Стеблов.
Бумага, сангина, 44 x 32, 2018



Василий Шукин
Бумага, сангина, 44 x 32. 2018



Олег Янковский.
Бумага, сангина. 44 x 32. 2012



Сергей Юрский
Бумага, сангина, 34 x 26, 2018



сдержал слово и, несмотря на то, что имел всего 20 минут до своего отъезда в аэропорт, прибыл на церемонию. Я встретил Святейшего у входа и, пока шли к сцене, видя на его лице явное утомление и сосредоточенность, на ходу спросил: «Как ваше здоровье?...» Мне было интересно, как чувствует себя наш с Никитой ровесник. Святейший после некоторого раздумья, словно прислушиваясь к своему состоянию, тихо сказал:

– Я даже не могу точно ответить... Видимо, Господь помогает...

Никита, несмотря на занятость, тоже примчался в Зал соборов. Перемежая юмор с серьезностью, он сердечно приветствовал «Золотой Витязь». Отметил переполненность зала – свидетельство большого интереса зрителей к деятельности «Золотого Витязя». Я сделал ему публичное приглашение на XXIV МКФ в Севастополь с его новым фильмом «Солнечный удар». Он дипломатично ответил: «Это мы с тобой обсудим...»

24 августа 2015 года на заседании коллегии Минкультуры в Сколково по теме Фонда кино, хотя мест в зале было полно, Никита сел рядом со мной. Я спросил:

– Ты будешь выступать?

– Да... Сейчас услышишь, – многообещающе произнёс Никита.

– И ты услышишь... Я выступлю с критикой Фонда кино.

Я ожидал, что Никита, являясь членом попечительского совета Фонда, станет меня отговаривать, но он сказал:

– И правильно.

* * *

Того, что произошло далее, вряд ли кто-то мог ожидать. Умиротворённый ход коллегии, где все выступающие благодушно одобряли деятельность Фонда кино, взорвал Никита. Он объявил о том, что поскольку лишён какой бы то ни было ответственности за работу Фонда, как, впрочем, и абсолютно всё безответственное руководство Фонда (он сделал прямой посыл

в адрес сидевшей в президиуме, введённой в попечительский совет Фонда г-жи Тимаковой, пресс-секретаря премьер-министра, «которая, видимо, хорошо разбирается в кинематографе». С её назначением в Фонде всё стало решаться «подковёрным, телефонным правом»), поэтому он принял решение выйти из состава попечительского совета.

Когда Никита вернулся на своё место, я крепко сжал его руку и сказал:

– Молодец! Серьёзный поступок!

Выступая следом, я поддержал решение Никиты. Министр попробовал прервать меня, но я мгновенно, повысив звучание голоса на тональность, сказал, что Общественный совет создан не для того, чтобы слушать окрики чиновников. Министр был вынужден дать мне договорить до конца. В финале, обратившись к президиуму, составленному из представителей всех ветвей власти (министр – Мединский, Правительство – Тимакова, Администрация Президента – Толстой, Госдума – Кобзон и Говорухин), я предложил ввести санкции относительно американского кино и допускать в наш прокат не более 10 американских фильмов, что уже давно практикуют Китай, Индия, Франция и другие страны. В этот день слова Михалкова о «латентной русофобии чиновников» и его выход из попечительского совета Фонда кино стали главной новостью многих СМИ.

21 октября 2015 года поздравил Никиту с 70-летием. Боже! Как быстро пролетает время: Никитушке – 70! И мне в будущем году – столько же! Так определил Господь! «Время жить и время умирать. Дано нам время жизни праздник знать!» Мы ещё в силе, хотя уже налицо процесс нашего «взросления». Никита – молодец! Дай Бог пожить и послужить России подольше!

В ноябре впервые увидел спектакли Академии Никиты Михалкова («Воскресение» и «Метаморфозы»). Вновь мой друг делом доказал свою неукротимую творческую силу – создал киноакадемию, лучшую в России и мире, и в кратчайшие сроки достиг блистательных

результатов – два ярчайших спектакля. Переступал порог его академии с тревогой – не угас ли театр? Получил удовлетворение и сердечную радость – театр жив!

С радостью наблюдаю телевизионное стояние друга с его «Бесогоном» перед облагленным легионом лукавых. Горжусь крепостью его духа и непреклонным служением Господу и России. Мог ли я предполагать, что друг детства – озорник и балагур Никита – превратится в столь мужественную и талантливую личность, необходимую России, нескончаемо атакуемой бесами?

Прислушиваясь к лидеру российской культуры Н. С. Михалкову, обратившему внимание общественности на склонность некоторых ответственных чиновников к латентной русофобии, эти трусливые «твари дрожащие» должны бы задуматься о том, что недостаточно произносить правильные слова о патриотизме и традиционных ценностях и уверять общественность в том, что Указ Президента «об основах государственной культурной политики» является Конституцией для Минкультуры. Пора на деле выполнять требования этой «конституции». Как говорит Священное Писание: «По делам их – узнаете их». Дела «дрожащих» приспособленцев – постыдны, дела моего друга – праведны.

Дорожа нашей дружбой, понимая перегруженность Никиты неисчислимыми заботами, я никогда не обременял его своими житейскими проблемами. Но однажды, узнав о том, какую сумму мне заломил стоматолог за капитальный ремонт, он сказал:

– Коля, они тебя разводят...

И мгновенно отправил в знакомую ему клинику, приняв все расходы на себя. Сам бы я, конечно, не смог бы справиться с решением этой задачи. Вскоре после починки, сидя в зале, напротив пребывающего в президиуме Никиты, я оскалил свою «голливудскую улыбку», на что он не мог не прыснуть от смеха.

5 октября 2020 года неожиданно позвонил Никита и сказал:

– Коля... есть ох...тельная авантюра...

– Что такое? У тебя вся жизнь – авантюра...

– Мы написали пьесу. Хочу, чтобы ты сыграл на сцене главную роль в «12». Я буду играть то, что играл в фильме, а ты – роль, которую играл Серёжа Маковецкий.

– Интересное предложение. Давно хотел с тобой поработать... но в кино. Театр я бросил 50 лет назад и не хотел возвращаться на сцену. Правда, написал пьесу «Бемби» и недавно пришлось самому в ней сыграть в театре Вахтангова. Я ориентирован на кино. Когда репетиции?

– Вчера.

– Но не люблю репетиции. Включаюсь только на команду «Мотор!». Когда Алексей Баталов просил на съёмках «Игрока» «порепетировать», я сказал ему: не требуйте от меня репетиций, сядьте в ваше кресло, подождите, я всё сделаю в дубле. Я особого склада, могу играть лишь в момент полного подключения...

– А я обожаю репетиции.

– Пришли пьесу.

На следующий день получил пьесу. Понял, что, видимо, соглашусь. Ради возобновления нашей дружбы на излёте жизни, чтобы вспомнить нашу молодость, азартную работу над «12 разгневанными мужчинами» в Щукинском училище.

21 октября 2020-го Никите стукнуло 75! Мог ли я предполагать в далёком 1959 году, что моему 13-летнему другу предстоит такая судьба, что он превратится в выдающегося режиссёра, актёра и общественного деятеля, что он станет шестикратным лауреатом высших наград «Золотого Витязя» и его почётным попечителем?.. Присоединяясь к поздравлениям юбиляру, награждённому президентом страны высшим званием «Герой Труда Российской Федерации», я поздравил его не только по телефону, но и со страниц и экранов СМИ. На протяжении 60 лет мы сохранили любовь и уважение друг к другу. С годами эти чувства лишь возрастали. Люблю Никиту за то, что он



такой же, каким был в нашем далёком детстве – никогда не терявшим чувства юмора, устремлённым к своей цели, неугомонным в творчестве, бесконечно, каторжно работающим и своими творениями пробуждающим в людях «чувства добрые». Он один из немногих кинорежиссёров постперестроечного периода страны, не предавших истинного назначения искусства, которое призвано возвышать душу человека. Безусловный лидер, маяк отечественного кинематографа и российской культуры. Масштаб личности Никиты, как водится, в полной мере оценят позже, когда будут оглядываться на прошлые достижения. Любовь к ближним у Никиты, можно сказать, врождённая. Он – свой среди своих и с ближними, и с дальними, всегда готовый прийти на помощь, он, не раз предаваемый, сам – верный в дружбе. Когда в 1993-м расстреливали российский парламент и арестовывали защитников Белого дома, тележурналисты задавали Михалкову вопрос о его дружбе с опальным, посаженным в Лефортово А. Руцким. Никита ответил прямо – «Да, мы друзья», давая понять, что друзей своих он не предаёт. То, что Никита таков по сути своей, – это Промысел Божий о нём. Его нарекли именем Никита, «изгоняющий бесов», что он еженедельно доказывает в своей пронзительной, эпохальной и любимой миллионами телепрограмме «Бесогон». Подняв забрало, он говорит правду, которую сейчас может себе позволить в эфире только он. Никита – Бесогон современной России. Он работает непрестанно, титанически. Позвонишь ему в десять вечера, говорит: «Подожди, я сейчас монтирую, звони в двенадцать». Набираю в полночь – помощник отвечает: «Никита Сергеевич играет со съёмочной группой в футбол». Приверженность Никиты к спортивным занятиям – это не только для поддержания личного тонуса, это форма сплочения коллектива. Он один из немногих режиссёров в нашем кинематографе, кто реально заботится о своей группе, понимая, что его сотрудники тратят годы жизни на воплощение его идей. Его постоянное попечительство о людях – его сердечная благодарность сотоварищам. Он умеет создавать удивительную

атмосферу вокруг себя. Спроси любого артиста: «У кого вы бы хотели сниматься?», ответит: «У Михалкова». Сняться у Михалкова означает обрести новое актёрское дыхание и популярность. Михалков – мастер, умеющий докапываться до психологических глубин личности. Встречаясь, беседуя по телефону, мы говорим обо всём открыто: о проблемах кинематографа, об отдельных личностях, рассказываем анекдоты... Есть фото, на котором он улыбается до ушей, а я еле сдерживаю улыбку. Камера выхватила нас в тот миг, когда только что примчавшийся в зал на открытие кинофорума «Золотой Витязь» в Калуге Никита, сев в зале рядом со мной, сходу рассказал анекдот. Мы в эпицентре события, на нас все смотрят, надо поддерживать строгость лица, а он легко сбивает официоз искромётным юмором. Вызывает уважение и благодарность то, что он постоянно вписывается в истории, где нужна его помощь. Когда мы учились в Щукинском училище, он уже тогда был «третейским судьёй» в разборе конфликтных ситуаций сокурсников. Таким он остаётся и поныне. У Никиты обострённое чувство справедливости. Конечно, не все поголовно любят Никиту. Зависть всегда сопутствовала роду Михалковых. Как же не завидовать – успешны, благополучны, самодостаточны, «оскароносцы», уважаемы властью, влияют на многие процессы российской культуры и при этом говорят в полный голос, без обиняков и иносказаний. Лермонтов писал: «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья: в меня все ближние мои бросали бешено камня». Лермонтова застрелили в 26 лет. А Никита Сергеевич, слава Богу, дожил до 75 – плодотворно трудится, борется и для подавляющего большинства нашего народа является маяком. К зависти, злобе и прочим неблагоприятным человеческим проявлениям он научился относиться спокойно. Град «бешеных камней» закалил его. Стрелы-то подчас весьма ядовиты, но то, как он с этим справляется, вызывает восхищение.

Юбилейный день рождения Никита не стал отмечать многолюдно, а на следующий же день приступил к постановке спектакля «12». Собрал весь актёрский состав в студии «ТриТэ», рассказал о своём видении спектакля. Из «народных»

только он, я и два приглашённых из разных театров. Остальные – молодёжь из его академии. Начали, как заведено, с читки пьесы по ролям. Процедура, которую я всегда не любил и внутренне опасался. На читке артисты пробалтывают текст весьма приблизительно, чего в силу своих психологических особенностей я не терплю. Мне нужно полное погружение в образ. Было интересно наблюдать за Никитой спустя полвека просвистевшей как пуля жизни. Оба мы крепко «повзрослели», подморщились, поредели перья на голове. Но какая творческая мощь накоплена моим другом... Солирую, он мастерски прошёлся по характерам каждого персонажа, проигрывая его образ – сердцем, до слёз. Когда он, «не читки требуя с актёра, а полной гибели всерьёз», произнёс библейскую фразу: «От избытка сердца говорят уста», я удивился тому, что ведь и я, не сговариваясь с ним, повторяю это на своих мастер-классах, подкрепляя эту истину ещё одной евангельской мыслью, в которой заключена тайна не только актёрского, но любого творчества: «Много в мире различных слов, и ни одного нет без значения». Каким он стал удивительным режиссёром-артистом, вгрызающимся в существо характера и психологию каждого персонажа, сердцем проживающим и при этом наблюдающим хозяйским глазом за собой и за каждым со стороны. Спросил его:

– Допускаешь ли ты импровизацию на сцене и в каких пределах?

– Конечно, – ответил Никита.

И меня это устраивает – живи и твори! Он заявил, что абсолютно знает, чего хочет, и уже готов выйти на площадку. Я сказал, что тоже готов. Он шёпотом спросил меня:

– Интересно?

– Да, – ответил я.

Подмигнули друг другу, как в юности: «мы сделаем это»! Ради этих мгновений я и пошёл на ненавистную репетиционную голгофу, для того чтобы побыть в поле прежней нашей любви и сердечности.

– Может, с тобой я полюблю репетиции... – сказал я другу.

Работая ежедневно, за пять репетиций вчерне прогнали две трети спектакля. Поражался уверенности и мастерству Никиты. В отличие от меня, не впрягающегося последнее тридцатилетие в кинотеатральное режиссёрское и актёрское тягло, критически относящегося к актёрству и современному рыночному кино-процессу, Никита – стопроцентный, преданный кино и театру режиссёр. Удивлялся тому, как в свои 75, перенёсший не одну сложную операцию, обременённый бездной проблем и обязанностей: студией «ТриТэ», Академией, Союзом кинематографистов, руководством фондами, бизнесом, благотворительностью, подготовкой нового кинопроекта, еженедельным «Бесогоном», исполнением сыплющихся на него отовсюду просьб о помощи... – как он смог загореться желанием в кратчайшие сроки, в условиях «пандемического психоза» ринуться в постановку спектакля? Наблюдал со стороны и радовался, видя его искреннее добросердечие ко всем сотрудникам: артистам, осветителям, звуковикам, администрации. Аристократично, мягко, без игры на публику, без режиссёрского «топанья ножками», с неизменным юмором, терпеливо и спокойно он добивался результата, который видел лишь один он. С полной отдачей и темпераментом он блистательно показывал, проигрывал за каждого артиста существо его характера. Я сказал Никите, что в силу полувекового разрыва с театром и кинематографической практики я стал бегуном на короткие дистанции: «выучил текст – снял короткий дубль». А здесь требуется непрерывное трёхчасовое проживание образа на сцене.

16–20 декабря 2020 года репетировали в новгородском имении Никиты – Щипочихе. Начали с литургии и причастия в уютном, домашнем деревянном храме, построенном Никитой, наполненном уникальными иконами и мощами святых. У каждого до Бога своя дорога. Мы оба были крещены нашими мамами в младенчестве, но никогда ни в детстве, ни потом не говорили о религии. Каждый из нас шёл к сокровенному своим путём. Уже в зрелые годы



я начал замечать, что мой друг, в отличие от многих, не скрывает того, что он православный, верующий человек. Это грело моё сердце, но вопрос, насколько это глубоко, не покидал меня. В домашней церкви я невольно наблюдал за другом и с радостью отмечал, насколько сосредоточенна и устремлена в горний мир его молитва.

После завтрака посидел подле Никиты в спорт-горнице, посмотрел, как он разминается, восстанавливая после операций своё могучее тело. Потом репетировали в большом пространстве теннисного корта. Работали спокойно, внимательно и уважительно. Никита впервые несколько раз ободрил меня: «Хорошо... Это туда... в правильном направлении...»

Несколько лет назад я подарил другу свой трёхтомник. Сомневаясь, что он его раскрывал, привёз ещё экземпляр, написав следующие слова: «Дорогой мой друг Никитушка! Грядёт 2021 год – 62-й год нашей дружбы, проверки на прочность и любовь. Не знаю, станешь ли читать всё, что я написал за мою жизнь... Для облегчения загнул страницы, которые говорят о тебе, одном из главных героев моего трёхтомника. Ты стал мощной личностью. Моя любовь и уважение к тебе стали со временем гораздо более крепкими, чем в нашем детстве и юности. Ты нужен России. Храни тебя Господь! Твой друг Колька. 18.XII.2020, Щипочиха».

19 декабря, в праздник Николы Зимнего, в той же домашней, благодатной церкви совершили литургию и причастие. От избытка сердца выступали слёзы. Из пяти дней – четырёхжды проводили службы в храме, трижды причащались.

После репетиций трапезничали за широким, хлебосольным столом, хранящим традиции предков: незабвенной Натальи Петровны и Сергея Владимировича, всегда внешне усталого, а по сути трепетного и доброго, вечного ребёнка. Никита сберегает дух светлого, творческого рода Михалковых-Кончаловских, православных, грешных и кающихся, стремящихся ко Господу русских аристократов, вечно «чужих среди своих» и внешне – «своих среди чужих»,

писателей, художников, кинематографистов и воинов, желающих блага своему Отечеству, добра людям, посильно творящих славную историю Руси: помогающих ближним гимнами, детскими книжками, живописными полотнами, снимающих не искажающие правды и не опошляющие искусство фильмы.

Небольшой отдых после завтрака и репетиции в огромном прохладном корте. Если бы не Никита, никогда бы не ввязался в подобную авантюру: не рискнул бы «ваньку ломать» на подмостках в свои 74. Ибо давно потерял желание корячиться на сцене, произнося чужие слова и представляя из себя того, кем не являюсь... Но погружение с Никитой в давно забытый процесс создания спектакля, наблюдение за другом, умеющим создавать новую психологическую реальность, сердечные дни прикосновения к нашим истокам придают этой «авантюре» особый интерес на завершающем витке земных судеб.

Утомившись на дневной репетиции, решил уснуть пораньше. Только задремал, как задрожал деревянный щипочихинский терем: грохот, крики, пальба... Что такое?.. На снегоходах, что ли, решили покататься... салют запустить?.. Вышел поглядеть, что происходит. В тёмном холле перед большим экраном Никита с учениками и помощниками смотрели голливудскую галиматью на полную громкость. Подсел, досмотрел с ними оставшиеся 10 минут грохочущей пустоты, недоумевая, зачем тратить на это время жизни.

– Какая х...я! – изрёк Никита, едва потекли титры. В нескольких фразах припечатал режиссёра: – Спекулянт! Два с половиной часа пустоты... бездарных диалогов ни о чём...

– Разве тебе не было это ясно с первых минут просмотра? Зачем тратить два с половиной часа жизни на это дерьмо?

– Врага нужно знать в лицо...

– Я тоже досматриваю мерзость до конца, – признался я.

– Вот – они... – Никита кивнул в сторону учеников, – смотрели эту... в четвёртый раз, с



придыханием произносили название фильма и имя режиссёра...

Шесть месяцев ежедневных изнурительных репетиций. Каждая – на пределе сил. Никита изредка подбадривал, хвалил – «это туда...», иногда сердился, не получая того результата, которого он хотел от меня добиться, в праведном гневе бросался из зала на сцену.

– Коля! Просрал монолог!..

Я в душе обижался, выслушивая подобное в мой адрес, да ещё при молодых партнёрах. Этого на моём веку не позволял себе ни один режиссёр. Но, понимая, что он прав, смирял

гордыню. Я ведь предупреждал, что не люблю репетиции и полностью включаюсь лишь при команде «Мотор!». Перед первым прогоном на публике он позвонил и сказал:

– Коленька, ты сделаешь потрясающую роль, если сделаешь то-то и то-то...

Я уже твёрдо знал, что всё сделаю на премьеру.

16 апреля 2021 года состоялся первый прогон на публике – рождение спектакля «12». Зрители долго аплодировали стоя, кричали «браво!», глаза восторженные. Равнодушных лиц не наблюдали. Первые же отзывы:

– Ошеломляющее воздействие... Ничего подобного не видели на сцене много лет... Спектакль держит в постоянном напряжении...

Моё исполнение принято, многие требуют моего возвращения на подмостки, о чём я не помышляю. С фильмом «12», к нашему с Никитой удовлетворению, никто не сравнивает, считая эту постановку новым, самостоятельным произведением театраль-

ного искусства. Со времени создания фильма «12» прошло 15 лет, но пьеса выглядит ещё более актуальной: деликатно и с любовью затронутые в ней межнациональные отношения, столкновение различных характеров, «чувство правды в сердце человека», милосердие и гармонизация жизни тронули сердца зрителей. Никита снова рисковал и вновь одержал победу – над собой, над окружающим недоброжелательством «коллег». Да и надо мной одержал победу, добился-таки, чего хотел. Включили «мотор», и я пошёл в атаку, работая абсолютно спокойно, владея собой и залом. Никита по-



сле моего первого монолога, сидя спиной к залу, подмигнул, мол, хорошо! Горжусь своим другом. Он – большой талант, быть может, последний подлинный профессионал настоящего кино и театра, национальное достояние, которое нужно беречь, значение которого в полной мере оценят, как водится, по истечении сроков.

24 апреля грянула премьера «12» на исторической сцене Большого театра. Триумфальный итог рискованной авантюры Никиты, изнурительного полугодичного репетиционного марафона. Зрители Большого театра – представители государственной власти и сотни людей – стоя приветствовали победу Михалкова – нашу победу! Несмотря на усталость и дневной прогон спектакля, вечером чувствовал себя на сцене Большого театра совершенно спокойно, забыв о зрителях, сидевших затаив дыхание, напоминавших о себе лишь всплесками аплодисментов. На приёме после спектакля подошли человек двадцать с выражением высокой оценки нашего труда. Хвалу и клевету приемлем равнодушно, зная, что удалось, чего нет и каков в будущем потенциал роста. Приятно было получить от Никиты после спектакля СМС: «Ты молодец и боец!» Не менее лестными были и его слова в интервью каналу «Россия 24», сказанные сразу после премьеры в Большом:

– Мне хотелось, чтобы Николай Петрович окунулся со своего пьедестала «Золотого Витязя» и всех общественных трудов в эту творческую шахту. Это тяжёлый труд. Я должен сказать, что он прошёл невероятный путь от первого дня до сегодняшнего. Это была такая глубинная метаморфоза и такое возрастающее мастерство, прямо на глазах. Я благодарен ему за то, что он согласился это с нами сделать.

Следом Никита отправил участникам спектакля СМС: «Дорогие мои, хорошие! Посмотрел видео спектакля в Большом. Если исключить ужасающий монтаж, это – серьёзно и хорошо! Кое-что нужно скорректировать, но это в рабочем порядке. Что очень важно (!) – правильный и пульсирующий ритм. Это действи-

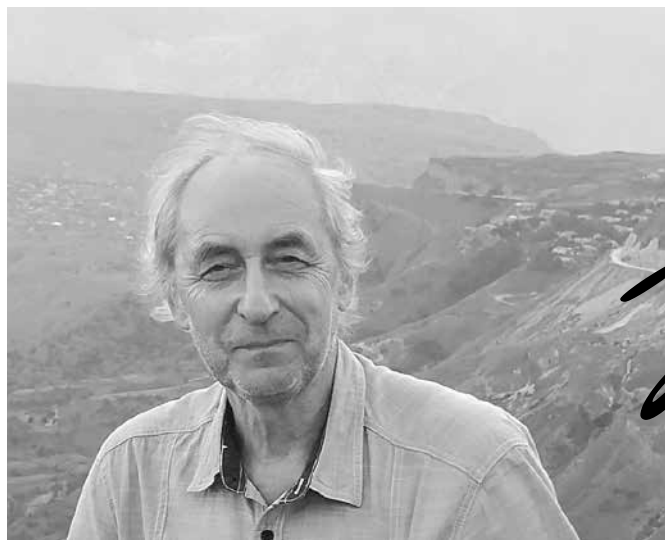
тельно основополагающе. Ещё чрезвычайно важно – это то, что все “включены”. Это нужно сохранять и культивировать. По персонажам какие-то соображения скажу каждому. Важно, что я вижу и чувствую азарт и удовольствие, которые царят на сцене. Обнимаю всех сердечно. Ваш Н. М.».

21 мая сыграли вторую премьеру в пяти тысячном зале екатеринбургского «Экспо-центра». Отделённые от зала сеткой-экраном, сыграли спектакль, не ведая, сколько там собралось зрителей. Обещали из-за карантинного психоза собрать половину зала. Выйдя на поклон, пережили непередаваемые ощущения – зал переполнен! Зрители стоя, взволнованно и щедро одаривали нас овацией. Предполагалось, что мы с Никитой вылетим ночью после спектакля в Севастополь на застрашенное открытие «Золотого Витязя». Он сказал, что никак не сможет, ожидая важнейшей встречи. Неожиданно предложил мне эксклюзивный показ – мировую премьеру его новой документальной картины «История неполучившегося фильма» со своим видеоприветствием фестивалю. Несмотря на финансовую и организационную петлю, не ослабевающую на горле «Золотого Витязя» все тридцать лет, 30-й кинофорум прошёл на достойном уровне. Международное жюри присудило фильму Никиты Гран-при.

На протяжении полувека, читая и слушая бесчисленные интервью Никиты, я видел, что он никогда не юлил и не лукавил, говорил то, что думает, постоянно подтверждая сказанное реальными делами.

Вижу лукавую улыбку на устах недоброжелателей, читающих эту повесть, но я не мог не высказать о друге всё, что на сердце моём сейчас, при нашем ещё земном бытии. Но слово это должно было быть произнесено вовремя. Точку не ставлю, ибо желаю Никите долгой жизни во славу Господа, Отечества и ближних, а значит, и продолжение последует.

2 июля 2021 года



Геннадий ИВАНОВ

Приходили строки как друзья...

* * *

Копай, копай,
Копай, копай, копай...
Здесь будет сад,
Здесь будет светлый рай.
– Но рая быть не может на земле,
Земля, мы знаем, вся лежит во зле.

– А ты копай,
Потом увидишь сам,
Когда задышит осень по лесам...
Когда плоды, цветы – всё на столе!
Бывает рай в душе и на земле.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА БОРТУ АТОМНОЙ ПОДЛОДКИ «ВОРОНЕЖ»

Короче время.
Уже двери.
И все предчувствуют беду...
И апокалипсиса звери
Уже почти что на виду.

Спасенья нет в отраве-водке.
Всё тише ангелы поют.
И в атомной подводной лодке
Печали мира
достают...

* * *

Облака плывут, облака.
Словно в небе течёт река...
И на этой-то на реке
Пристань есть моя
вдалеке.

Да, хотелось бы – вдалеке.
Всё-то, всё у Бога в руке.
Дай ещё и жить и терпеть...
Тут уж рифма идёт:
и петь.



КУЛЬТУРА

* * *

В океане пошлости, коммерции
Мы плывём куда-то по инерции.
За бортом – бутылки, грязь, ошметки...
С перископом вражеской подлодки.

Метель метафизически метёт –
Соединяет землю с небесами...
Зато душа лирически поёт
И просится в какие-нибудь сани!

ПЕНСИОНЕР

Проснулся – и глядит на облака
И час, и два, и столько, сколько хочет.
Не суетится он и не хлопочет.
Ему теперь дарованы века...

И просит, чтоб не уходил домой,
Бродил в метели, песни распевая.
Ах, пой, душа! С метелью вместе пой,
Своей любви всемирной не скрывая.

* * *

Денису

* * *

Приходили строки как друзья.
Приходили строки на мученье.
С ними проходила жизнь моя.
И свобода в них, и заточенье.

Судьба берётся силой, не тоской.
И не унынем, не безвоьем нашим.
А сила в вере, вечной и родной.
И с ней живём, надеемся и пашем.

Этот путь пройду я до конца.
Не сверну, не назову всё бредом.
Шли путём зерна, путём свинца
До меня – и мне идти их следом.

Ты улыбнёшься: пахарь тоже мне...
Да все мы, милый, пахари от века.
Мы на земле живём, не на луне,
И пахарь здесь синоним человека.

* * *

Родина моя заснежена.
Словно бы она обласкана
Белыми снегами нежными...
Словно пребываю в сказке я.

Не унывай. И радость в мире есть,
Когда ты сильный. Я тебе желаю
Быть сильным, сын. Молюсь и уповаю.
Да каждый день –
как радостная весть!

* * *

Сказки хорошо кончаются.
Русские. Народные. Чудесные...
И не будем, друг, отчаиваться.
С нами силы вечные, небесные.

Пересохла родина лягушек –
Этот пруд заилился, зарос...
Потому что никому не нужен.
Кто поднимет о пруде вопрос?

Связь времён, конечно же, распалась,
И конечно, мы же не рабы...
Никого в деревне не осталось.
Ни одной – как не было – избы.

Не осталось даже сельсовета,
И дорога поросла быльём.
Слава Богу, что осталось лето.
Что остались солнышко и гром.

* * *

Не успел поглядеть за окно
На разлапистый клён и рябину,
А уже и зима, и темно,
И кругом всё похоже на льдину.

Не успел, не успел, а уже...
А уже всё подходит к итогу.
И я понял – в бессмертной душе
Начинаются сборы в дорогу.

* * *

Там всё понятно мне до кочки.
Мой край, берёзовый, льняной...
Там хорошо приходят строчки.
Там эти клейкие листочки,
И воздух – клейкий и родной!

* * *

Года идут и незаметно тают.
Так во дворе растает снеговик...
Его земля родимая впитает,
И что-то паром в небо улетит.

Ах, снеговик! Тобой довольны дети.
Хороший ты и добрый ты на вид.
Так и стоял бы ты на белом свете...
Но обновленья мира
 не велит.

* * *

Секонд-хэндом повеяло снова –
Нестерпимой такой беднотой...
И рождается горькое слово,
И опять мы за некой чертой.

Нас качает то влево, то вправо,
И никак мы в себя не придём,
И глядит мировая орава:
Ну, когда ж мы совсем упадём?

ДОСТОЕВСКИЙ

Кадильный звон как звон кандальный...
Он в храме нынче, не в тюрьме,
Он – Достоевский гениальный.
Он будто светится во тьме.

Пройдя расстрел, пройдя страданья
И через мёртвый дом пройдя,
На Бога вынес упованье.
Он чисто верит, как дитя.

Он – как писатель – всё разложит
По полочкам, всё разберёт.
Читателей сомнение гложет –
Он объяснит, он смысл найдёт...

В дом Божий трудная дорога,
Но всех с надеждой ждёт Отец.
Писатель трудится для Бога
И человеческих сердец.

СТИХИ ИЗ ДОНБАССА

Вот книжечка девушки Анны,
Стихи многословны, туманны...
Но я их читаю, читаю –
И долго в стихах обитаю.
Таится в них что-то такое,
Что душу лишает покоя.
И я нахожу в них детали,
Которые мне рассказали,
Что русский Донбасс не сдаётся.
Но всё тяжелей там живётся...
Что все там уже на пределе.
А мы тут в Москве не при деле.



НА МЕСТЕ ГИБЕЛИ ТЕПЛОХОДА «ПОМОРЬЕ»¹

В море бросаем гвоздики,
Там, где на дне теплоход...
Чаек печальные крики.
Тихий, печальный народ.

Трудно сквозь годы заплакать,
Мыслью о давнем скользая...
Но сохраняется память,
И забывать нам нельзя...

В море бросаем гвоздики,
Вдаль их уносит волной...
Вечная память... И крики
Чаек... И вечный покой.

Белое море темнеет,
Вот понемногу штормит.
Катер качает сильнее,
В лица вода нам летит...

Вечного нету покоя
В зыбких пределах земли.
Здесь устроенье такое –
Рвёт на куски корабли...

Сколько на дне беломорском
Лодок, людей, кораблей...
Волны по палубным доскам
Катят сильней и сильней...

К берегу время податься,
К линии береговой...
С морем не будем бодаться.
Ветер гудит штормовой.

Мы помянули погибших.
Сделали всё что могли.
Сколько в просторах всевышних
Взятых внезапно с земли...

Надо всегда быть готовым.
Мы не готовы всегда.
Слева и справа по борту
Жуткая ходит беда.

* * *

Мы третью мировую проиграли.
Нас предавали, нам премного ввали.
Но многие картину понимали
И от тоски великой умирали.

Грядёт война четвёртая, возможно,
И многим нынче страшно и тревожно.
Она грядёт, она уже близка –
У многих снова смертная тоска.

Нам проиграть эту войну нельзя.
Пускай по крови собственной скользая,
Но ПОБЕДИТЬ!

* * *

Впервые я не искупался в море.
Не потянуло, хоть жара кругом.
Всегда в твоих волнах я плавал, Каспий,
А вот сейчас какой-то вышел сбой.

Нет прежней тяги.
Хватит, накупался...
И тяга к слову ослабела, да.
Я это понял – и не испугался.
Вот в чём печаль и, может быть, беда.

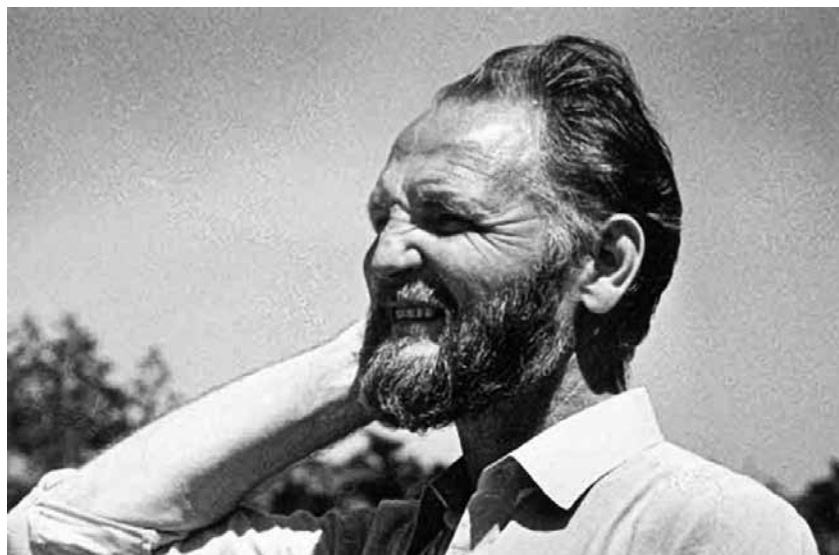
А внучка на это сказала:
«Дед, ты познал дзэн».

* * *

Каньон был залит доверху закатом.
Он поражал огромной глубиной.
Я на краю стоял – как малый атом,
А он – как Бог сиял передо мной!

Каньон Хунзахский – словно чудо света!
Он взволновал, открытием маня...
Нет, я подумал, песенка не спета,
Ещё волнует эта жизнь меня.

¹ 22 августа 1941 года грузопассажирский теплоход
«Поморье» в Кандалакшском заливе подорвался на мине,
погибли 62 человека.



Владимир КРУПИН

РАССКАЗЫ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Нет, сколько ни говори, что искусство – это одно, а жизнь – другое, бесполезно. Всё-таки в искусстве есть магия, в этом искусстве, в искусственности, что тянет сильнее, чем жизнь. Приезжает с гастрольями какой-нибудь актёришка, пустышка душой, глупый до того, что говорит только отрывками из ролей, ещё и бабник. Приехал – и что? И все девочки его. Известен, вот в чём штука. Играл героев, говорил правильные слова, лицо мелькало, запомнилось. Сам подлец подлецом, приехал «баранов стричь», ему надо «бабок срубить», заработать на шубу для очередной жены, которая, как и предшествующие, оказалась стервой.

Прямо беда. И ничего не докажешь, никого не вразумишь. Дурочки завидуют актрисам, топ-моделям, даже и проституткам (ещё бы – интервью даёт, в валюте купается) – и

что делать? Говоришь девушкам: да, хороша прима-балерина, а за ней, посмотрите, десятки, сотни девушек-балерин в массовке, которые часто не хуже примы, но вот не вышли в примы, так и состарятся, измочалят здоровье в непосильных нагрузках, оставят сцене лучшие годы и канут в неизвестность. Да и прима не вечна, и её вымоет новая прима, другая. А эту другую выхватит худрук из массовки. Всё же они что-то могут, все прошли балетные классы. В балете, правда, худрук чаще любит не балерину, а другого худрука.

Сколько я ездил, сколько слушал самостоятельных певцов, видел танцоров, народные танцы, и они гораздо сильнее тех, которых навязывают нам на телеэкране. Кого воспитали в любви к родине Пугачёва, Киркоров? Очень патристические песни у Резника?

Хрипеть, визжать, выть, верещать, свистеть, дёргаться, прыгать – это тоже искусство. Ой, неохота об этом.



КОНСЬЕРЖКА ИЛИ ДЕЖУРНАЯ?

Как я могу доверять французским романам, если в них нигде не встретишь фразы «Консьержка была явно с тяжкого похмелья»?

А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на висячий замок, приговаривая: «Не ходите в церковь – ходите пешком». Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консьержкой, её бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на её место, на её зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своём звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консьержки, в «частом бывании» (по выражению мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских, или консьержки закодированы от выпивки.

КОМУ В ИСКУССТВЕ ЖИТЬ ХОРОШО?

Думаю, что в искусстве лучше всех именно писателю. Художник натаскается с мольбертом, намёрзнется на пленэре, нагрунтуется досыта холстов, измучится с натягиванием их на подрамники... А краски? И сохнут, и дохнут. И картина в одном экземпляре. И с выставки при переезде могут картины поцарапать или вовсе украсть. И приходится отдавать их даром нужным людям. Это пока выйдешь в люди. А чаще всего тебя специально держат в неизвестности, в бедности, загоняют в могилу, чтобы потом на тебе нажить.

Скульптору тяжело не столько от тяжести материала: глины, мрамора, дерева, гранита, даже гипса, арматуры – тяжело от безденежья, ведь мастерская у него побольше, чем у всяких акварелистов, и материалы дороги. Да

уж, придётся много-таки ваять памятников богатым покойникам, которых родственники рады скорее закопать, и от этой их радости от них и скульптору перепадёт. Для своего творчества. Да ещё получи-ка заказ, выдержи конкурс. Все же члены комиссии уже куплены-перекуплены.

Режиссёр пока молодой, то ещё ничего, жить можно. А дальше? Всё же приедается, всё же было. Ну перебрал трёх жен, десятка два любовниц, скучно же. Премий пополучал, поездил. Уже и печень стонет, уже и сердчишко. И всё притворяйся, всё изображай какие-то поиски, пути, глубину постижения образов, соединение авангарда и традиции. Хренота всё это. Да ещё вцепится на старости лет молоденькая стерва из ГИТИСа, вот и выводите её в Джульетты.

А певцам, певицам какво? Но им-то ещё всё-таки терпимо. У басов и теноров голос может долго держаться. А балерунам? Не успеют по молодости выйти в знаменитости – и не успеют никогда. А как пробиться? Всё же занято. Завистники сожрут.

Архитекторы? Тут тяжко вздохнём и даже не углубляемся.

И все они зависимы. От костюмеров, осветителей, гримёров, продюсеров, от всего. От подрядчиков, от властей, от пожарных и т. д и т. п.

Нет, писателем быть – милое дело. Взял блокнотик да карандашик, да и пошёл в люди. А то и никуда не пошёл. Просто сел на завалинку. И люди сели рядом с тобой.

В музыке нет запахов, в живописи нет звука, в архитектуре нет движения, в танце нет слов, у певцов и исполнителей чужие мотивы и тексты... А вот в Слове есть всё.

На это обратил моё внимание Георгий Васильевич Свиридов. Искренне я сказал ему, что многие искусства могу понять, но что музыка для меня на седьмом небе. «Нет, Слово, прежде всего Слово. Оно начало всех начал, Им всё создано. Им всё побуждается к действию. – Жене, громко: – Эльза! Позвони врачу! – Мне: – И позвонит. А я только всего-навсего три слова сказал, а Эльза идёт и звонит. А Господь сказал: "Да будет Свет!" И стал свет».

ХУДОЖНИК БОРЦОВ

Андриан Алексеевич Борцов, земляк, роста был небольшого, но крепок необычайно. С женщиной на руках плясал вприсядку. Писал природу, гибнущие деревни. У него очень хорошо получалась керамика. И тут его много эксплуатировали кремлёвские заказчики. Он делал подарки приезжавшим в СССР, всяким главам государств. Сервизы, большие декоративные блюда. Где вот теперь всё это? Уже и не собрать никогда его наследие. И платили-то ему копейки. Когда и не платили, просто забирали. И заикнуться не смей об оплате: советский человек должен понимать, что дарим коммунистам Азии, Африки и Европы.

Старые уже его знакомые художники вспоминают его с благодарностью: он был председателем ревизионной комиссии Союза художников. «Всегда знали, что защитит».

Он всю жизнь носил бороду. «В шестидесятые встретит какая старуха-комсомолка, старается даже схватить за бороду. А я им: на парикмахерскую денег нет. Не драться же с ними. А уже с семидесятых, особенно с восьмидесятых, бороды пошли. Вначале редко, потом побольше, повсеместно».

В моей родне ношение бород прервалось именно в годы богоборчества. Отец бороды не носил и вначале даже и мою бороду не одобрял. А вот дедушки не поддались. Так что я подхватил их эстафету.

Да, Андриан... Были у меня его подаренные картины, все сгорели. Но помню «Калину красную», например, памяти Шукшина; «Три богатыря» – три старухи, стоящие на фоне погибающей деревни, последние её хранители.

ПОЭТЕССА

Молодому редактору дали для редактирования рукопись стихов поэтессы. А он уже видел её публикации в периодике. Не столько даже на публикации обратил внимание, сколько на фотографию авторши этой – такая красавица!

Позвонил, она рада, щебечет, она сама, оказывается, просила, чтобы именно он был её редактором. Он написал редзаклужение. Конечно, рекомендовал рукопись к печати, но какие-то, как же без них, замечания сделал.

Она звонит: «Ах, я так благодарна, вы так внимательны. Ещё никто так не проникся моими стихами. Знаете что, я сегодня семью провожаю на юг, а сама ещё остаюсь на два дня, освобождаю время полностью для вас, и никто нам не помешает поработать над рукописью. Приезжайте. Очень жду».

Бедный парень чего только не нафантазировал. Цветов решил не покупать, всё-таки он в данном случае лицо официальное, издательское. Но шампанским портфель загрузил. Ещё стихи проштудировал с карандашом. Там, где стихи были о любви, прочёл как бы к нему обращённые.

Он у дверей. Он звонит. Ему открывает почтенная женщина. Очень похожая на поэтессу. «Видимо, мать её, не уехала», – решил редактор и загрустил.

– Я по поводу рукописи...

– Да, конечно, да! Проходите.

Он прошёл в комнату, присел. Женщина заглянула:

– Я быстренько в магазин. Не скучайте. Полюбуйтесь на поэтессу. – И показала на стены, на потолок. – Везде можете смотреть.

«Ого, – подумал редактор, – как у неё отлажено. Матери велено уйти». Стал любоваться. А у поэтессы муж был художник, и он рисовал жену во всех видах и на всех местах квартиры. На стене – она, на потолок поглядел – опять она. И везде такая красивая и молодая. На двери в ванную она же, но уже в одном купальнике. Хотелось даже от волнения выпить. «Но уж ладно, с ней. Чего-то долго причёсывается».

Долго ли, коротко ли, возвращается «мама», весело спрашивает:

– Не заскучили? Что ж, поговорим о моей рукописи.

Да, товарищи, это была никакая не мама, а сама поэтесса. Поэтессы, знаете ли, любят помещать в журналы и книги свои фотографии двадцатилетней давности.



Что ж делать?.. Стали обсуждать рукопись. Поэтесса оказалась такой жадной на свои строки, что не позволяла ничего исправлять и выбрасывать.

– Ради меня, – говорила она, кладя свою ладонь на его руку.

Молодой редактор её возненавидел.

– Хорошо, хорошо, оставим всё как есть. – Шампанское решил не извлекать.

– Музыкальная пауза, – кокетливо сказала она. Вышла, вернулась в халате. – Финиш – работе, старт – отдыху, да?

Но он, посмотрев на часы, воскликнул:

– Как? Уже?! Ужас! У нас же планёрка!

И бежал в прямом смысле. В подъезде сорвал фольгу с горлышка бутылки, крутанул пробку. Пробка выстрелила, и струя пены, как след от ракеты гаснущего салюта, озарила стены. Прямо из горла высосал всю бутылку. Потом долго икал.

ВРЕМЕНА ДЕМАГОГИИ

Кажется, Карл Радек учил молодых коммунистов при проведении линии партии выступать так: «Если кто с тобой несогласный, уставь на него палец и кричи: "Ты против советской власти? Против?" Если кто всё равно не согласный и уходит, кричи вслед: "Бегите, бегите! Вы так же бежали с баррикад, когда мы шли с каторги на баррикады"».

А эта, я её помню, насильственная «добровольная» подписка на развитие народного хозяйства? Легко ли – месячная зарплата?! Не подписываешься – крик: «На Гитлера работаешь?!» Оттуда же выражение: «Хрен с ём, подпишусь на заём».

То есть демагогия всегда была на вооружении и большевиков, и коммунистов: «Вы против линии партии?» А теперь и демократов: «Вы против демократии?» Да, всегда говорю публично, а часто и письменно, конечно, против. А как вы думали? «Но это же общемировой процесс прогресса цивилизации». Вот он и довёл нас от софистов древности, от схоластов средневековья, через большевизм до юристов демократии. «Но

это не та демократия, – голосят они, – настоящей в России ещё не было». Та демократия или не та, всё равно она выдумана для того, чтобы производить дураков или холуёв системы. И «стричь» их, как баранов. И внушать им, что они что-то значат. Ведь что с греческого «демократия», что с латыни «рес-публика» – это «власть народа». И кто в это верит? И кто народ?

Еду, как всегда, в плацкартном. И наездил я поездах, вернее, в них прожил примерно четыре года. Нагляделся, наслушался: в дороге люди откровеннее. И люди всё хорошие, думающие. Но бесправные. А дальше вагон купейный. В нём уже не думают, считают. Ещё дальше вообще вагон СВ. В нём просто едут. То есть за них и думают, и считают. Прохожу – стоит в СВ у окна, чешет живот. Тоже работа. Иду дальше, и над собой смешно: классовая ненависть, что ли, шевельнулась. Господь во всех разберётся.

ИНЖЕНЕРЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

Молодые специалисты НИИ Грибин и Курков тащили вешалку, присели за ней.

– Тут спокойно. Давай дорешаем этот узел. Вот тут ставим добавочное усиление, здесь...

– Инженеры! – закричали на них, – вы что филоните? Мы что, за вас должны мебель тащить?

– Вася, вечером дорешаем.

Вечером сели на лавочке. Петя стал чертить палочкой на песке:

– Вася, если узел вчерне рассчитан, то надо что? Надо его параметры привести во взаимодействие с другими, так?

– Петь, ты голова.

– За такое дежурство надо наказывать рублём и законом! – закричал вдруг на них появившийся лейтенант милиции. – Где ваши повязки?

Инженеры извинились, встали.

– Ладно, Вася, идём патрулировать.

Назавтра они вновь уединились и стали рисовать одним им понятные схемы.

– Вот вы где спрятались! – вскоре закричали на них. – Сидят, понимаешь ли, на овощной базе и не работают!

– Ладно, Вась, хватай мешок. После базы ко мне поедет. Ночь не постим! Не впервой.

Наутро они с гордостью положили на стол начальнику КБ свои расчёты. И только он в них углубился и только показал два своих больших пальца, как ворвалась в кабинет крупная дама, предместкома:

– Вот вы где! Николай Иванович! Что это такое? Ваши инженеры ленились таскать мебель, плохо работали на овощной базе, плохо дежурили в милиции. Требую лишить их тринадцатой зарплаты!

Умный Николай Иванович скромно сказал:

– Это их изобретение экономит тысячу тринадцатых зарплат. Неужели мы из тысячи две не выделим?

– Не надо нам тринадцатой зарплаты! – закричали Вася и Петя. – Дайте нам возможность работать.

– А кто же за вас на картошку поедет? – тоже закричала предместкома.

ДОЛГО ЖИВУ

Просто удивительно. Кстати, раньше восклицательный знак назывался удивительным. Диво дивное, как я много видел, как много ездил. Давным-давно весь седой, а не вспомню, даже не заметил, когда поседел, как-то разом. Деточки помогли. Теперь уже и седина облетает. Множество эпох прожил: от средневековья, лучины, копилки до айпадов, айфонов. Сегодня вообще доконало: сын показал новинку. Он говорит вслух, а на экране телефона идёт текст, который произнесён. А я ещё думал, что ничего меня уже не удивит. Но дальше что? Человек же как был сотворён, так и остаётся. Мужчина – Адам, женщина – Ева. («Вася, скушай яблочко».)

Хватило бы мне XX века. В нём всё прокручивалось, всё проваливалось, все предлагаемые формы жизни, устройства, системы, революции, культы, войны, власть и безвластие, идеологии... весь набор человеческой гордыни. Якобы за человека, а на деле против человека. В этом же веке Господь меня вывел на свет. И привёл в век XXI. Если учесть, что я худо-бедно преподавал

литературу, философию, педагогику ещё дохристианского периода, а сейчас преподаю выше всех литератур в мире стоящую литературу древнерусскую, то какой вывод? Получается, что я жил всегда.

ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Идёт тихий мокрый снег. С яблонь течёт, стволы почернели. Костя затопил баню. Дрова – просмоленные шпалы – дают такой дым, что Костя называет баню: «линкор "Марат"».

Надо привыкать к себе и не ругать себя, а понимать, и не переделывать, а потихоньку доделывать. Радуюсь одиночеству. Тут я никого не обижаю, ни на кого не обижаюсь. Такое ощущение, что кто-то за меня пишет, ездит за границу, выступает, говорит по телефону, а я, настоящий, пишу записки – памятки в церкви. На себя, выступающего, пишущего, говорящего, гляжу со стороны. Уже и не угрызаюсь, не оцениваю, не казнюсь убожеством мыслей, произношением, своим видом в двухмерном пространстве. Конечно, стал хуже. А как иначе – издёргался и раздёргался. И вижу прибором ненависти к себе и нелюбви. И уже и не переживаю. В юности был выскочкой, даже тщеславен был. Себя вроде в том уверял, что рвусь на трибуну бороться за счастье народное, а это было себялюбие.

Хорошо одному. Стыдно, что заехал в такое количество жизней и судеб. На моём месте другой и писал бы, и молился бы лучше, и был мужем, отцом, сыном лучшим, нежели я, примерным.

Надел телогрейку, резиновые сапоги, носки шерстяные. Красота! Грязища, холод, а мне тепло и сухо. Так бы и жить. Снег тяжёлый, прямой. Но что-то уже в воздухе дрогнуло, пошло к замерзанию.

– Чего с этой стороны заходишь? – спрашивает Костя.

– В храме был, записки подавал. Суббота же Димитриевская.

– Я не верю, – говорит Костя, – что свинья живёт, что лошадь, что человек. Кто помрёт, кто подохнет, кого убьют – всё одно. Не приучали



нас. Учили, что попы врут. А выросли, сами поняли, что и коммунисты врут. Пели: «По стенам ползали, всех богов замазали. Убирали лесенки, напевали песенки». Не верю никому!

– Но Богу-то надо верить!

– Да я чувствую, что что-то есть. Да что ж люди-то все как собаки? Злоба в них как муть в стакане. Пока муть на дне – вода вроде чистая, а чуть качни – всё посерело.

– Прямо все как собаки? И ты?

– Да! Я же вчера с соседкой полаялся. И она оттягивалась.

ПРОЩАЙТЕ, ДОМА ТВОРЧЕСТВА!

Зимняя Малеевка, летние Пицунда и Коктебель, осенние Ялта и Дубулты. Комарово. Ещё и Голицыно. В Голицыно (1976) я пережил «разрез» цензурой целой книги. В Комарово просто заехал с Глебом Горышиным, в Дубултах вместе с Потаниным руководил семинаром молодых, а Ялта, Пицунда, Малеевка и Коктебель – это было счастьем работы.

И вот – всё обрушилось.

Комарово мне нечем вспомнить, только поездкой с Глебом Горышиным после встречи с читателями в областной партийной школе (1978). Там я отличился тем, что ляпнул фразу: «Между вами и народом всегда будет стоять милиционер». Может, оттого был смел, что до встречи мы с Глебом приняли по граммულке. И Глеб предложил рвануть в Комарово. Ещё с нами ехала Бэлла Ахмадулина. По-моему, она была влюблена в Горышина (они вместе снимались у Шукшина и это тепло вспоминали), и когда он останавливал такси у каждого придорожного кафе, она говорила: «Глебушка, может быть, тебе хватит? – И, наклоняясь ко мне: – Больше ему не наливайте». Но хотел бы я видеть того, кто мог бы спить Глеба.

За полночь в Комарово я упал на литфондовскую кровать и, отдохнувши на ней, нашёл в себе силы встать, пройти вдоль утреннего моря, ожить и отчалить.

Малеевка всегда зимняя. Зимние каникулы. Дочка со мной. Дичится первые два дня,

сидит в номере, читает, потом гоняет по коридорам, готовят с подружками и друзьями самодеятельность. Заскакивает в комнату: «Папа, у тебя прибавляется?» Позднее и сын любил Малеевку. И жена.

Обычно декабрь в Малеевке. Долго темно. Уходил далеко по дорогам, по которым везли с полей солому. Однажды даже и придремал у подножия скирды. И проснулся от хрюканья свиней. Хорошо, что ветер был не от меня к ним, а от них ко мне. Свиной запах я учуял, но какого размера свиньи! Это было стадо кабанов. Впереди, как мини-мамонт, огромный секач, далее шли по рангу размеров, в конце бежали, подпрыгивая, дёргая хвостиками, полосатенькие кабанчики. Замыкал шествие, как старшина в армии, тоже кабан. Поменьше первого. Минуты две, а это вечность, прохрюкивали, уходя к лесу. И скрылись в нём.

И что говорить о Коктебеле! Ходили в горы, был знакомый учёный из заповедника. У него было целое хозяйство. Два огромных пса. Один для охраны хозяйства, другой для прогулок. Поднимались к верхней точке, подползали к краю склона. Именно подползали. Учёный боялся за нас. «Тут стоять опасно: голова может закружиться, здесь отрицательная стена». То есть под нами обрыв уходил под нас. Страшно. Казалось – весь он хлопнется в море. Ведь мы его утяжеляли. Ездили в Старый Крым, в Феодосию (Кафу), конечно, в Судак. Видели планиристов, дельта- и парашютистов, лазили по Генуэзской крепости. Сюда бежали наёмники Мама, оставшиеся в живых после Куликовской битвы.

Очень меня выручала привычка к ранним вставаниям. Задолго до завтрака бегал к морю, когда на берегу было пусто, а ещё раз приходил вечером, когда от него все уходили. То есть хорошо для работы.

В Коктебеле пережили 19 августа 1991 года. С Василием Беловым сразу рванули в Симферополь. Но у аэропорта уже стояли войска, и меня не пустили. А Белова, он был депутатом Верховного Совета, отправили самолётом. Но это было промыслительно – на-

кануне вечером жена поскользнулась в ванной на кафеле и упала затылком. Была вся в крови. Так я запомнил гибель империи.

В Пицунде бывали семьями. Раз сыночек мой оседлал меня и ехал вдоль прибоя. Аня Белова увидела это и вскарабкалась на плечи отцу. Сыночек мой подпрыгивал и кричал: «А мой-то папа выше, а мой-то папа выше!» Аня ему нравилась. У меня даже ноги ослабли, как это можно быть выше Василия Белова?

Ещё раньше, в той же Пицунде, дочка прибежала ко мне и таинственно сказала: «Хочешь, я покажу тебе маленького ребёнка, который уже знает иностранный язык?» И в самом деле показала смугленького мальчишечку-армянина, который бойко лопотал по-своему.

В этой же Пицунде мы с Анатолием Гребневым ходили на море каждый день, делая утренние заплывы. Один раз был шторм, но что сделаешь с твердолобостью вятского характера, всё равно пошли. Коридорная Лейла, абхазка, воздевала руки: «У вас ума есть?» – «Пятьдесят лет дошёл – назад ума пошёл», – отвечал ей Толя.

Прибой ревел, накатывался далеко за пляжные навесы. Мы еле вошли в волны. В высоту больше двух метров. Надо было бежать им навстречу и в них ныривать. Потом волны возносили и низвергали. Восторг и страх: но надо же было как-то вернуться на сушу. А уж как выходили, как нас швыряло, это, сказал бы мой отец, была целая «эпопия». Могло и вообще в море утянуть. Надо было, пока тебя тащит волной, катиться на ней и сильнее грести, и стараться выброситься на берег и успеть уползти подальше от волны. Но волокно шумящей водой обратно в пучину. Получилось выбраться раз на третий. А уж какие там были ушибы и царапины, что считать? Живы, главное. «Кричал мне вслед с опаской горец: "Нет, нам с тобой не по пути! Не лезь себе на горе в море, с волною, слушай, не шути!"»

А ещё раз поздно вечером поплыли, заговорились... спутали береговые огни с огнями судов на рейде и к ним поплыли. Хватились, когда поняли, что корабли на воде – это не дома на суше. Еле-еле душа в теле выплыли.

В горы ходили.

Да, было, было. И работалось, и жилось, как пелось.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БОЛЕЗНЬ

– Старичок, прочёл твою повестушку, прочёл. Сказать честно? Не обидишься? Хорошо, но боли нет. Нет боли! Надо заболеть: без боли нет литературы. У меня это главный показатель – боль! Читаю: нет боли, отбрасываю. Не обижайся, ты не один такой. Вот и Чехова взять – сын умер, ведь это какая тема! Это ж полжизни уходит, конец света! А он с юмором, ну что это? Идёт к лошади, рассказывает. Смешно? Стыдно! Ты согласен? – Так вещал прозаик Семён другу, прозаику Евгению. – Согласен?

– Не знаю. То Чехов. Ему можно, – отвечал Евгений.

– Тогда этих возьми, ильфо-петровых: жена ушла, он мясо ночью жрёт. Смешно? Какая тут боль? – вопрошал Семён.

– Но его же секут, ему же больно.

– Старичок, боль-то в том, что жена ушла к Птибурдукову! А нам смешно. Это же какая тема! Невспаханное поле – уход жены, это тебе не «шитьё с невынутой иглой».

– Но как – ушла жена, в квартире пусто, одиноко. Плачет даже втихомолку, – оправдывал предшественников Евгений.

– То есть тебя эта тема цепляет? Вот и возмись, вот и опиши!

– Не смогу. От меня жена не уходила.

– Ты сказал, что уехала.

– В командировку.

– Командировка! Представь, что ушла совсем. Проникнись! Это же читателей за уши не оттащить – уход жены от мужа, – нетленкой пахнет, а я буду с другого конца разрабатывать – уход мужа от жены. То есть я ушёл от неё. У тебя буду жить. Вместе будем осваивать пласты проблемы. Надо же крепить институт семьи. Ячейки общества гибнут, а мы – писатели – молчим. Вся надежда на тебя и меня. У тебя боль – жена ушла, а у моей жены боль – муж ушёл. Боль на боль – это какие же искры



можно из этого высечь! Одна боль – правда жизни, две боли – бестселлер. Но чтоб никакого юмора, никаких нестираных рубашек, недожаренных котлет. Да и зачем их жарить, я сосисок принёс. Боль до глобальности! Через наши страдания к всеобщему счастью. Пэр аспера ад астра. Латынь! Начинаем страдать. У меня с собой. – Семён встряхнул портфель, в котором призывно зазвякало. – Слышишь?

Утром они встали поздно. Пили воду, ею же мочили головы.

– Чувствуешь, какая боль? – кричал Семён.

– Ещё бы! – отвечал Евгений.

– Усилим! На звонки не отвечай! Их и не будет, я провод оборвал. Все они, бабы, «трясогузки и каналы». Это Маяковский. Будем без них. Одиночество индивидуумов ведёт к отторжению от коллектива, но для его же спасения. Запиши. Потом поймут, потом оценят. У нас не осталось там здоровье поправить?

– Найдём!

– О, слышу речь не мальчика, но мужа. Да чего ты стаканы моешь, чего их мыть? Надо облик терять, это же боль! И не умывайся. Страдай! Душа уже страдает, пусть и тело прочувствует. Надо вообще одичать. На пол кирпичей натаскаем, спать на них. И чтоб окурки бросать, пожара не бояться. Под голову полено. Нет полена?

– Нет, – отвечал Евгений.

– Старичок, да как же ты без полена живёшь?

Ещё через сутки Семён, сидя на полу, командовал:

– Пора описывать страдания! Не надо бумаги, пиши на обоях!

– Рука трясётся.

– Молодец, Жека, прекрасная деталь! Диктую: «Измученные, страдающие, они не могли даже удержать в руках карандаш. Вот что наделала прекрасная половина человечества». Запомни на потом. Сейчас попробую встать и пойдём похмеляться. – Взялся за голову: – «Какая боль, какая боль! Аргентина – Ямайка, пять – ноль».

Выползли на площадку. Навстречу им кинулись рыдающие жёны. А за ними стоял милиционер. Они вызвали его, потому что боялись входить в квартиру. Когда они объяснили, что это была не выпивка, а погружение в тему, милиционер им позавидовал.

– То есть это значит, что так просто стать писателем? Наливай да пей? Так, что ли? Так я так тоже смогу.

Милиционер ушёл. За Семёна и Евгения взялись жёны. Вот тут-то началась боль.

СТИХИ ПРО ОСЕНЬ

* * *

С лесов безбрежных, парков и садов
Срывает ветер жёлтую накидку,
И смотрит солнце пуганой улиткой
Из панциря холодных облаков.

В душе моей осенняя тревога,
И я бреду неведомо куда.
В реке бежит студёная вода –
У каждого своя дорога.

Угрюмый лес, где твой зелёный пыл?
Ты потемнел, осунулся немного,
Взглянул по-стариковски строго
И не узнал меня – забыл.

* * *

Хмурый осенний дождь,
Этот бездомный нищий,
Листьев опавших вождь,
Летнее счастье ищет.
О, как наивен он,
Мокрый изгой небесный,
Ищет ушедший сон,
Словно предмет телесный.
Сна не сыскать вовек
В мире вещей реальных,
Время вершит свой бег

Тихо и гениально.
Всё повторится вновь,
Будет и снова лето,
И заструится кровь
В жилах дождя-поэта.
Всё повторится вновь,
Только совсем иначе,
Будет не та любовь,
Будет не та удача.
Будет иной беда,
Будут другие слёзы,
Но завершать года
Будут всегда морозы.

ОСЕНЬ

По дорогам бродит осень,
Увядая в листьях мокрых,
У людей участия просит,
К ним с дождём врываясь в окна.
Но бесчувственны и глухи
Люди к жалобам осенним,
Их волнуют больше слухи
Или модной группы пенье.
И, не зная состраданья,
Осень золотом исходит
И с зимою на свиданье
С обречённостью уходит.

* * *

А ведь осень и впрямь золотая,
Словно солнце впитала на память.
Листьев огненных хрупкие стаи
Ткут шуршащий ковёр перед нами.
Воздух свеж и прозрачен, как струи
Горных рек, что звенят в поднебесье.
Чистоту его с жадностью пью я,
Окунаясь в осеннюю песню.

* * *

Есть в ранней осени чудесные мгновенья,
Когда деревья золотом цветут
И в тишине лесной стихотворенья
Шеренгами торжественно плывут.
Плывут, как стаи рыб в прозрачных реках,
У них прекрасна каждая строка.
И на душе легко у человека,
И всякая забота далека.
В прозрачном воздухе луч солнца
 гладит кожу,
Земля укрыта красочным ковром.
С улыбкою уходит год, что прожит,
Год, что мы будем вспоминать добром.

* * *

Осень. Листья в чёрных лужах
Золотыми кораблями.
В предвкушенье близкой стужи
Стаи галок над полями.
Космы туч на небосводе.
Тихий осторожный дождь.
И уверенность в народе:
Что посеешь, то пожнёшь.

* * *

Снова осень наступила
Слякотным дождём на землю,
И с покорностью приемлет
Земля жребий свой унылый.
Небеса взхлёб рыдают
Об ушедшем в память лете.
Кто за смерть его в ответе,

Птицы горестно гадают
И, не получив ответа,
Опустив понуро спины,
Плача о прошедшем лете,
Улетают на чужбину.

* * *

Осень. Лист слетел с берёзы
Прямо в заросли бурьяна.
Тучи проливают слёзы
На промокшие поляны.
Шёпот капль наполняет
Всё вокруг глухой тоскою.
Ветер волны поднимает,
Пролетая над Окою.
Волны камыши колышут
И сбивают в комья пену.
Всё в природе нервно дышит,
Предвкусная перемены.

* * *

По чёрному стеклу пруда
Скользит лимонный лист берёзы
Из ниоткуда в никуда.
Что ищет он? Какие грёзы
В его опавшей голове?
И почему ему неймётся
И не лежит на траве?
Зачем он в путь последний рвётся?
Загадок полон этот мир,
И в каждой капле плещут тайны.
Для разума здесь вечный пир.
Как это может быть случайным?

* * *

Запах сырости и грибов.
Лист упавший наполнен влагой.
Закрывают стволы дубов
Затаённую пасть оврага.
По тропинке бреду сквозь лес,
Просто так, без убогих планов.
Опускается дождь с небес,
Монотонно шурша в бурьянах.
Капли-бусинки по ветвям

Разбросала повсюду осень.
Дни последние октября
Время в тихую даль уносит.

* * *

В октябре по ночам
Над рекою туман.
У берёз по плечам
Желтизна летних ран.
В предрассветной тиши
Скован инеем лес.
И молчат камыши,
Глядя в бездну небес.
В ожиданье зимы
Мир задумчив и тих.
Нарушаем лишь мы
Этот общий мотив.
Мы куда-то спешим
В мельтешении дней
И природу смешим
Изобильем затей.

* * *

Ветер вздыхает. Под лёгким дыханьем
Стаями листья вспорхнули с деревьев.
Листья, хранящие летние тайны,
Падают вниз, словно птицы без перьев.
Солнца лучи гладят ласково кожу,
Тихо шепча: «Всё ещё возвратится».
Что не свершили, свершить ещё сможем.
Что не сложилось, успеет сложиться.

* * *

По утрам над Волгою туман.
Это значит: осень на подходе.
И холодный ветер дальних стран
Всё привычней рядом с нами бродит.
Лес ещё по-летнему тенист,
Только непривычно бескомарен.
В кронах золотится жёлтый лист
Среди ярких пятен киновари.
Всё, что было можно, отцвело.
Лес притих, чего-то молча ждущий.
Время лёгкой грусти о былом.
Время размышлений о грядущем.

* * *

Осень привычно хмурится,
И – солидарен с ней –
Ветер несёт по улицам
Мусор вчерашних дней.
Прежние обещания
Сбились в трескучий рой,
Признаки обнищания
Мчатся по мостовой.
Замыслы, что отбросили,
Лишь только вышел срок,
Кружатся этой осенью
Над чехардой дорог.
Листья, дождём умытые,
Мутный несёт поток...
Время цыплят подсчитывать
И подводить итог...

* * *

Стайки листьев по асфальту
Пронеслись и скрылись в ямах.
Как узорами из смальты,
Ветер чертит монограммы.

То ли дурака валяет,
Средь листвы осенней роясь,
То ли руку набивает,
К зимней росписи готовясь.

Неприкаянно и дерзко
Ветер мчит по переулкам.
Где закрутит занавеску,
Где завоет в трубах гулко.

Где сорвёт с кого-то шляпу,
Где балконной хлопнет дверью,
Где, напротив, тихой сапой
Заползёт куда-то в щели.

Всё осмотрит, всё изучит
И, покинув тесный город,
Вновь по небу гонит тучи –
Стар как мир, но вечно молод.



художник Виктор Низовцев

КАК НА ДЕДУШКИНЫ ИМЕНИНЫ...

РАССКАЗ

На заре нового века праздновали юбилей – 90-летие замечательного художника К., чьи вернисажи собирают цвет интеллигенции в любом городе, чьи полотна занимают почётное место в лучших музеях и картинных галереях страны, чьи портреты раскупаются знатоками искусства за очень хорошие деньги во многих странах Европы, не говоря уже о знающих толк в именах российских коллекционерах. Строгое волевое лицо, свойственное армейским полковым командирам и капитанам боевых кораблей, а потому не раз мелькавшее в эпизодах батальных советских фильмов (друзей-кинематографистов – актёров и режиссёров – у лауреата высоких международных конкурсов было не счесть!), иссечённая мелкими морщинами, но всё ещё по-крестьянски крепкая, жилистая шея, седой кок (именно аристократический кок, не клок) волос, тщательно промытых, ухоженных,

умные, зоркие глаза, вмиг схватывающие суть и существо собеседника, на удивление сохранившиеся зубы и чистейшая русская речь, сопровождаемая в нужных местах такой открытой, такой ребячливой улыбкой, что и мартовские льдины, попади они под лучи его обаяния, могут растаять, – таков (в беглом наброске) облик художника...

Гостей в прекрасный июньский день, совпавший с празднованием Святой Троицы, съехалось на подмосковную дачу к виновику торжества видимо-невидимо. Причём даже иногородних. И все – не с пустыми руками. Липчане привезли три ведра отборных раков, накануне выловленных в только им одним известных рачьих норах на реке Матыре, где и занимались варкой – с лаврушечкой, базиликом, мятой, перчиком – грозно шевелящих усами и клещами пучеглазых тварей. Ярославцы

удивили сыром – новинкой, чистым на разрез, как слеза. Ростовчане, вытащив из машины размером с выварку казан, где отчаянно трепыхались то ли сазаны, то ли щуки, пригрозили устроить ночную уху по всем правилам рыболовецкой науки, когда уха не тот низкопробный столовский рыбный суп с картошкой, луком да морковкой, а настоящее казацкое блюдо, приготовленное в лучших шолоховских традициях из шести сортов улова. «Та то ж будет нектар, станичники! В ваших "Прагах" и "Метрополях" такой не подадут, нам секреты от пращуров достались! Будете вкушать донскую ушицу деревянными ложками (мы их тоже привезли!) под свойский каравай и холодненькую водочку. Сёрбайте не торопясь, душевно, с хорошими разговорами, с уважением ближних и всем сердцем вспоминая потом этот вечер!»

Массовики-затейники – не из числа артистов филармонии, а свои, доморощенные весельчаки – затевали шутки, хохмы, юморины, конкурсы и загадки, от которых валились в хохоте и взрослые, и дети. Кстати, взрослые тоже обращались в детей: наслаждаясь свободой на чистом воздухе, ели, пили, дурачились, жгли пионерский костёр на отдельной полянке под песни давно минувших дней и танцевали, как умели, под одну и ту же музыку – кто танго, кто фокстрот, кто чарльстон, а на берегу кто посмелее – нырял в прохладные воды Истры и призывал друзей подплывать, не трусить. Красавец-абхазец Николай с краткой фамилией из двух гласных по краям и трёх согласных в середине – Аршба – по личному указанию очень уважаемого человека из состава правительства вручил юбиляру в подарок огромный рог, инкрустированный баснословно дорогим камнем. А крымские отельеры привезли знаменитому земляку – уроженцу Ялты – прекрасные коллекционные вина из массандровских погребов, после дегустации которых даже самые косноязычные тянулись сказать своё слово. А уж когда вставали с тостами прозаики и поэты – от зависти проглотили бы языки все седовласые казахские акыны во главе с Джамбулом Джабаевым и велеречивые грузины, будь среди них и общепризнанный тамада Вахтанг

Кикабидзе, у которого голос так уж голос, песни так уж песни (искушённые поклонницы, хватив по третьему разу стопарик ликёрчика, хихикая, признавались: от восхищения бретельки на бюстгальтерах сами лопаются)...

Объевшаяся шашлыками публика еле упростила нахмурившихся было ростовчан перенести ухождение на похмельное утро: давайте, мол, казаки, сердцем не стареть, припадём к вашему казану по восходу солнца, как на армянский хаш, который принято потреблять под водочку часа в четыре утра... Ваша рыбка и нутро согреет, и избавит от известного синдрома. Ну куда нам её сегодня, когда кондитеры несут – вон, поглядите – офигенный торт размером метр на метр, где изображён – господи, глазам своим не поверите – сам юбиляр! Где такой сотворили? Так ведь дочь художника – директриса той самой картинной галереи с прилегающим к нему рестораном «Кисточка».

– Та вы шо?

– Вот вам и шо!

– Гляньте, автопортрет? Ой, не могу: наполеоновский мундир, треуголка, шаблюка... Давайте спросим гуру, это он сам нарисовал?

– Нет, нет, дорогие, не нужно вдаваться в подробности, замнём вопрос для ясности. Пошустрее, пожалуйста, берите из пакетов вилочки, розеточки, ножички – всё стерильное... Дамы, приглашайте кавалеров!

– Момент! Как же резать торт по живому? – сыпались шутки друзей-художников. – Вдруг не то отхватим...

Супруга юбиляра – стильно одетая, модно причёсанная, фигуристая и в свои (не стоит говорить какие) годы Юлия Антоновна, с не сходящей улыбкой Моны Лизы – показала пример нерешительным, первой чиркнув по диагонали кондитерский прототип хозяина дачи. И – понеслось! Приставленные к торту правнуки, близнецы-десятиклассники Кока и Лёка с милыми галстуками-бабочками на белоснежных сорочках, едва успевали нарезать ромбики и квадратики для угощения пикантных леди энд вышколенных джентльменов. Центральной фрагмент – тот, где «прототип» изображён с высшей государственной наградой и орденой



лентой на груди – был бережно препарирован и преподнесён юбиляру на фарфоровом блюдечке под грянувшее вдруг «Горько!» супругой – Юлией Антоновной – лично!

Героически выдержав шквал звонков, СМС, отечественных и зарубежных телеграмм, «милльон» приветствий – кратких и форсисто многословных, похожих на некрологи, – приняв грудю подарков, измаявшись в череде объятий, поцелуев, тостов, выстояв и высидев групповые и парные фотографирования, вконец утомлённый художник, попросив дорогих гостей не обращать на него ровно никакого внимания и продолжать веселиться, тихонечко прошелестел из-под праздничного шатра в заветный уголок летней веранды, затенённый лозой дикого винограда. Блаженно постанывая, скинул новые туфли, освободил тугой галстучный узел и – пал в старинное кресло-качалку на колёсиках, умело сплетённую из лозы местным умельцем, чтобы хоть на полчасика прикорнуть в нём, заботливо укрытый эксклюзивным исландским пледом (тоже, к слову сказать, подарком старого друга-живописца «оттуда»).

Для старшекласников Коки и Лёки семейная идиллия была бы неполной, не придумай они хоть какие-никакие приколы, необходимые шалопаям, как птице крылья для полёта, как деревенской свадьбе два баяна. Убедившись в сладком похрапывании любимого прадедушки и отдалённом местонахождении знакомящей цветочниц со своей оранжереей любимой прабабушки, гимназисты тихохонько сдвинули кресло-качалку с намоленного уголка и, давась смехом, прижимая пальцы к губам, покатали колесницу по аллейке на «Шанз-Элизе» – «Елисейские поля», как называл не понаслышке знакомый с Парижем дедуля посадки вздувшей в рост на три метра сахалинской гречихи, некогда привезённой им же для создания светотени из какой-то дальней командировки.

Пересадка-перевозка бесценного груза проходила успешно до той поры, пока скользкая и противно холодная ящерица не метнулась из травяного укрытия прямо в сандалию толстячка Коки. Панически боящийся любого вида пресмыкающихся – змей, ужей, таких вот

ящериц, – Кока завизжал от страха, как ужаленный, и... присел, увидев прямо перед собой искривлённый рот, разъярённое лицо и побелевшие от гнева глаза прадеда.

– С-суки! – вздымал руки в злобной гримасе дед. – Куда в морг, когда я жив... Чё вам надо от меня, вертухай?

И ещё крыл он мальчишек страшными какими-то словами, и ещё...

Какие там мартовские льдины, способные растаять от одной только улыбки художника? Сейчас бы эти льдины в страхе содрогнулись, с треском навалились друг на друга, образуя высоченные торосы, подобные тем, что дед видел когда-то на Чукотке во время сплава по Охотскому морю.

Вдруг, очнувшись и что-то поняв, художник замер. Сник. Тревожно обвёл оторопелыми глазами небо, внуков, «Елисейские поля» ...И, окончательно придя в себя, упираясь худыми коленками в старенькую качалку, попытался рухнуть перед безмолвными Кокой и Лёкой на колени, плача и не вытирая слёз...

– Мальчики! Родненькие мои, миленькие, не выдавайте меня, я вас умоляю! Солнышки мои, это сон! Это опять тот жуткий сон, что преследует меня всю жизнь: опять проклятый лагерь, опять конвой, допросы, барак и – санитары из морга, которые гогочут и тянут меня за ноги хоронить, ещё живого. Проклятый тридцать седьмой год... Сохрани вас Бог и помилуй! – надрывался в кашле и горячих слезах дедуля.

Что могли сказать, чем могли утешить старика потрясённые правнуки? Переглядывались, шмыгая носами, молчали. Лишь заслышав отдалённый переполох, встревоженные голоса родителей и бабушки, заговорщицки приложили пальцы к губам: «Деда, тихо! Ты нас попросил перевезти на коляске в тенёк, мы сюда и просквозили, о'кей?»

Развернув экипаж, братья шустро показали, порулили, погнали кресло на колёсиках поскорее, побыстрее и ещё быстрее – прочь, прочь, прочь – как можно быстрее прочь отсюда, из действительно Богом и судьбами людскими проклятого 1937 года...

Валерий АРШАНСКИЙ

Улыбнись, слышнись?..

Вита ПШЕНИЧНАЯ (ШАФРОНСКАЯ)

г. Псков

Член СП с 2004 года. Публикации в изданиях (стихи, проза, эссе, критика): «Литературная Россия», «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наши современники», «Волга. 21 век», «День литературы», «Письма из России», «День и Ночь», «Венский литератор», «Дарьял» (Осетия), «Знацы» (Болгария) и др. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов («Литературная Вена», «Рождественская звезда», «Живое слово», «Мир без войн и насилия», «Степные сполохи»). Дипломант Международного литературного фестиваля «Золотой Витязь – 2020»).

К тёмному небу солнечный зайчик приколот,
Как маячок. И с ним так спокойно спит.
Детство моё... Папа ещё молод,
Мама почти девчонка с глазами лисицы.

Жизнь началась и прекрасна, как яркая сказка,
Жизнь – это что-то такое, чему нет конца.
Детство моё: ох, нещедрая мамина ласка
Да неприкрыто скупые объятья отца.

Небо потом мрачнело не только ночами,
Солнечных зайчиков вскоре и след протыл.

Где же ты, Детство?..

Затихнешь, пожав плечами,
Вроде оно и было, и ты в нём был.

Помнишь ночник над кроватью?

Спалось так крепко...
Изредка в дымке цветных снов кружу,
Перебирая пожелтевшие снимки предков,
Я будто опору себе ищу и нахожу.

И к тёмному небу солнечный зайчик
приколот...

Как маячок. И сердчишко так сильно бьётся...
Многое в прошлом: там папа – красив
и молод,

А мама-девчонка – звонко-звонко смеётся.

Конец августа.
Не ладаном – яблоками ладони пахнут.
Медленно солнце
Скатывается с пьедестала.
Кажется, ещё чуть-чуть,
И даже небеса ахнут,
Видя, какая чудная пора настала.

Не спеша иду, и не мешают резкие звуки
Города, умеющего быть жестоким
и ласковым.

И хочется то ли парить, раскинув
в стороны руки,



То ли, ближе к ночи,
душу укутать звёздами –
вечными сказками.

Конец августа.
Под ногами засохший венок,
кем-то брошенный...
А взгляд застыл на холсте цвета
сливы спелой...
Дальше нам не по пути, ты хоть и друг,
но непрощенный –
И тебя, как случилось и как вырвалось,
я стихами спела.

* * *

Природы замедлен ритм,
И жизни замедлен бег;
Вот-вот превратятся в снег
Туманы-поводыри.
Под поступь чужих ног,
Под треск неокрепших луж
Начнёт невидимка-стужа
Свой длительный монолог.
С утра б, когда город тих,
Послушать себя, помолчать...
Да вынырнуть, как внучат,
Все дни, как вот этот стих.
Чтоб каждый из них – в цвет.
Чтоб каждый из них – в масть.
Чтоб целого мира часть
Сплелась из моих лет.
Сплелась и вросла в век –
Узором своим пленя...
Чтоб кто-то, замедлив бег,
Узнал вдруг в себе – меня.

* * *

Обними меня, но потом уже не отпускай.
Я глаза закрою, уткнувшись носом в плечо.
И мы оба поймём – каждый из нас нашёл,
Что давно искал.

И в закате, таком нашем и таком ничьём,
Пусть утонет день – какой-то из октября,
И под ноги настелет листву
и дождей шёлк,
По и над паря.

Обними, заговори, словно кот-баюн,
Я поверю любой из тобой сказанных фраз,
Пусть звенит россыпь натянутых туго струн,
Исцеляя нас.

НЕПОГОДНОЕ

Как будто с барского плеча
Дождь небо опрокинуло
И льёт вовсю, сентябрьский шарм
Под лужами топя.
Уж сколько этих непогод
Сбылось, забылось, сгинуло,
Но каждый раз впервые
В осень я ввожу себя.

Ввожу ребёнком, позабыв,
Что сорок лет отлестнуто,
В приметы веря, и в Мечту,
И в то, что Мир – во мне,
Что листьями из сентября
Тропинка в небо выстлана,
Что к Богу все слова молитв
Из душ летят по ней.

А дождь ведёт себя, как тать,
Дорвавшийся до нужного,
Ворует лета бабьего
Последние деньки,
Взамен рассеивая боль
Былого и недужного.
И не почувствовать нельзя –
Так сильно жмёт виски.

* * *

Осень – время прощаний и стылой воды
по утрам;
Из туманного утра спешит на автобус
прохожий,
Куполами целует века восстановленный храм,
Да всё чаще и дольше прохлада елозит
по коже.

Осень – бремя потерь, о которых ни сном
и ни духом,

Нараспах акварели – природа чудит и творит –
Всё, что скажешь в сердцах,
 обрастает немислимым слухом,
Что укроешь в душе – то однажды
 отблагодарит.

Я люблю тебя, яркое время невидимых слёз,
И приметы твои я читаю по шороху листьев...
Свет погашен. И звёзды гурьбою спешат
 на помост –
Как посланцы простых, не всегда
 понимаемых истин.

* * *

В.

«За расставанием будет встреча...»

Высуши мои слёзы, бродяга Ветер.
Душу не очерствь, ускользящее Время.
Бьют наотмашь беспощадные плети смерти
Прямо в темя.

Силы на доньшке ещё немного осталось,
Дни незаметно и неотвратно сменяют ночи.
Мне бы Веры хоть чуточку, хоть самую
 малость.

Слышишь, Отче?

Мне б заглянуть на мгновение внутрь
 Твоих владений –
Убедиться, что он в покое и безмятежности.
Господи, сколько же Ты вложил в нас
 несовпадений!

И – нежности...

* * *

В.

Улыбнись, слышишь? И вслед за тобой
 улыбнётся Отец-Сын-Бог,
Приобняв за плечи тёплым ветром, далью ещё
 незнакомых дорог.
Во дворах сирень от себя в восторге, сводит
 прохожих с ума,
Улыбнись тому, как щедро весна очищает
 свои закрома.

Эта вечная смена картин под небом
 никогда тебе не надоест.
Кажется, с полчаса назад солнце – разливалось,
 слепило, жгло.
А сейчас – полдень, тьма развалилась ленивым
 тюленем окрест,
Не успев добраться до дома, чертыхнёшься:
 «Не повезло».

Что ж, лови эти сочные капли, чтоб сразу
 и пригубить –
Трижды мысленно перекрестясь, набери их
 в ладошку да, как дитя, причастись:
На тебя смотрит с улыбкой Отец-Сын-Бог,
 значит, время – жить,
Прошепчи по памяти «Отче...» и Ему в ответ
 с благодарностью улыбнись.

НА СЛИЯНИИ РЕК

В Великой отражаются века,
В Пскову перетекающие плавно,
Давнишнее в них было так недавно,
И поступь Бога, как перо, легка.

Глаза поднимешь – купол-богатырь
Скрывает крест свой за небесной прядью,
Опустишь взгляд – за беспокойной гладью
Душа иной увидит свет и мир.

Оглянешься вокруг – ни взять ни дать:
Какая даль, и сколько откровений!..
И сотканная из земных мгновений –
Теплом по телу – Божья благодать...





«Торжество красоты и печали...»

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОДБОРКА О СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ

Любовь РЫЖКОВА

ГРАДАЦИЯ ВЕКОВ

Известен Золотой нам век
как время царственного слова,
он миру истины изрек
из матерьяла золотого.

За ним Серебряный был век,
на нисхождение похожий,
он эти истины отверг
и создал ордена и ложи.

Затем пришёл советский век,
партийные вещали бонзы
с трибун о поворотах рек,
и это было веком Бронзы.

Какой век нынче на дворе,
как назовут его потомки?
Не в золоте, не в серебре,
и бронзы нет в его котомке.

Продажный и вертлявый век,
век барахла и всякой снеди,
пустеющих библиотек,
что назовут эпохой Меди.

Но ведь и это не предел,
и падать можно ещё ниже...
Безумный век бездушных тел,
от Бога – дальше, к пеклу – ближе.

Страшна градация веков
и эта лестница паденья
в безмыслие и хаос слов,
и пустоту, и вырождение.

Не знаю, всех ли так страшит
вид нарисованной картины,
возможный вновь палеолит
и время первозданной глины.

* * *

Серебряный холодный век
распада атома и духа,
век торжествующих калек.
Век – оплеуха.

Пощёчина, глухой удар,
за коим следует паденье,
ещё невиданный угар.
Век – тленье.

Серебряный холодный век
распада атома и духа,
век недозволенных утех.
Век – потаскуха.

И ночь его, как смоль, темна,
и даже свет его туманен,
езде разбой, тупик, стена.
Век – ранен.

Век голода и нищеты,
жируют палачи и черти
у недозволенной черты.
Век – смерти.

Куда же катится страна,
которая почти пропала,
забита, сломлена, больна?
Век уценённого металла.

ПАМЯТНИК НА ПРАВОМ БЕРЕГУ

М. Ц.

Я люблю её стихи до дрожи,
я люблю Цветаеву, и всё же
жизнь её далёко не пример.
Нет в ней соразмерности и стати,
нет в ней благолепной исполати.
Нет гармонии и высочайших сфер.

Было всё – и «требованье веры»,
был талант, отмеренный сверх меры,
и высокий нравственный мятеж.
И борьба за то, чтоб быть собою,
окрылённость собственной мечтою
в страшном окружении невеж.

Не было в ней ясности и света,
так необходимых для поэта,
ведь поэт воспитывает век.
Не было божественной музыки,
от которой проступают лики
и светлеет духом человек.

Были унижения и страхи,
жизнь была – как приближение к плахе,
чередa обид и вечных ссор.
Мрачное скольжение над бездной,
кровожадной, чёрной, бесполезной,
и паденье было, и позор.

Только как же мы не замечали –
не было в ней пушкинской печали,
были игры страшные с огнём.
Но не с этим – одухотворённым,
а с другим, из бездны той – зловонным,
потому стихи её как стон.

Сколько в них смятения и яда,
колкости, душевного разлада,
я смириться с этим не могу.
Бог грехи, конечно, ей отпустит.
Но пока поставлен ей в Тарусе
памятник на левом берегу.

И пока ей нет успокоенья.
Господи, даруй ты ей прозренья,
кто за левым шествовал плечом.
Чтоб остановиться, оглянуться,
а потом на Землю к нам вернуться
радостным, сияющим лучом.

Мне она доводится сестрою
в мире стихотворном, всей душою
за неё молиться я могу,
чтобы этот опыт был исправлен.
Ну а ей когда-нибудь поставлен
памятник на правом берегу.

БОЖИЯ ДУДА

Шёл первый снег тридцатого числа.
Шёл первый снег, он был печали полон.
Мне показалось, что спустилась мгла.
Я испугалась: вдруг вернулся Воланд?

И мчится его свита в небесах,
размахивая чёрными плащами
и навеяв всем безумный страх,
смущая дух кромешными ночами.

Нет, нет, нам Воланд больше ни к чему,
и пусть спокойно спит мятежный Мастер,
он выбрал сам покой и эту тьму.
А нас помилуй, Бог, от сей напасти.

Нам нужен не покой, а Божий свет,
нам ни к чему веселье злого пира
у сатаны, который много лет
владеет судьбами, кто на вершине мира.

Булгаков, несомненно, был талант,
но всё-таки, поддавшись искушенью,
из лап лукавого он принял страшный грант –
и получил иное вдохновенье.

Спаси нас, Бог, от этих злых побед,
от этих мнимых, тёмных вдохновений.
Шёл первый снег, и он дарил мне свет,
который шёл от Божьих песнопений.



И Божье песнопение сие
покрыло всё – и мглу Ершалаима,
Пилатов суд, мученья на кресте.
И всё, что было, будет им хранимо

до самого последнего суда,
до самого последнего дыханья.
Шёл первый снег, и Божия дуда
напела мне стиховное сказанье.

ОТВЕТ ЦВЕТАЕВОЙ

*Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитаным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берёт!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд...*

Марина Цветаева

Свои стихи не уподоблю винам,
от них – земной болезненный дурман.
Мои стихи всегда зовут к вершинам
небесных стран.

В пыли прилавков и в забвенье сиром
им нипочём вся суета сует.
Мои стихи зовут, где правит миром
лишь Божий Свет.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТЬМЫ

Какое счастье – тьму преодолеть
в своей душе, в своём дремучем чреве.
И вновь на мир глазами посмотреть,
какими смотрим в благородном гнев.
Яснеет взор, и пламенеет суть
вещей, предметов, их предназначений.
Я всё теперь хочу с себя стряхнуть,
чем омрачён был наш славянский гений.
О, сколько лет душа жила в плену,
не видела, не слышала, не знала,
вводила в заблуждение страну,
с чужого голоса саму себя ругала.
О, сколько чуждых нам имён и голосов
искусственных, но вовсе не искусных
мы слушали, почти предавши кров,

в потоке дней, однообразно тусклых.
Мы восхищались ими, как слепцы,
опоены, как все, их славой дутой.
Нам говорили, что на них – венцы,
и крепче нам затягивали путы.

<...>

И в пыльной тишине библиотек
мы изучали бывшие эпохи –
и Золотой величественный век,
и от него оставленные крохи,
Серебряный упаднический век,
век нисхождения во тьму и мрака,
эпоха модернистов и калек,
бесовская зловонная клоака.
В учебниках мелькают имена,
не имена, а псевдонимы-клички,
как будто зона – целая страна
и голоса слышны на перекличке.
Почти не слышно русских голосов –
Мартынов, Марков, Тряпкин – исполины!
Их книги запирают на засов,
их слов боятся, будто это мины.
И даже русский праведный язык,
живущий по божественным законам,
сегодня захирел, зачах и сник,
от их словечек став почти жаргоном.
Куда деваться? И куда идти?
Как говорили встарь – камо грядеши?
От Золотого – золото в горсти,
а от Серебряного века – бреши.
И путь во тьму, полёт над бездной зла,
культ негатива, восхищенье адом.
Камо грядеши, брат, когда дотла
сгорело то, что было палисадом?
Но были те, кто противостоял
и ратовал среди чумного пира
за слово русское – открыто, без забрал,
что оберег для мыслящего мира.

РЕВНОСТЬ ЖЕНЫ И НЕПОСТОЯНСТВО МУЖА

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СВОЕЙ БАБУШКИ Е. П. ЯНЬКОВОЙ Д. БЛАГОВО О ЖИЗНИ ЭТОЙ ЖЕНЩИНЫ В МОСКВЕ ПИСАЛ: «ПУШКИНЫ ЖИЛИ ВЕСЕЛО И ОТКРЫТО, И ВСЕМ ДОМОМ ЗАВЕДОВАЛА БОЛЬШЕ СТАРУХА ГАННИБАЛ, ОЧЕНЬ УМНАЯ, ДЕЛЬНАЯ И РАССУДИТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА; ОНА УМЕЛА ДОМ ВЕСТИ КАК СЛЕДУЕТ, И ОНА ТАКЖЕ БОЛЬШЕ ЗАНИМАЛАСЬ ДЕТЬМИ, ПРИНИМАЛА К НИМ МАМЗЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ И САМА УЧИЛА».

НАШЛАСЬ ТАКАЯ ДУРА...

В 1771 году на Липские железоделательные заводы прибыл капитан морской крепостной артиллерии О. А. Ганнибал. Осип Абрамович был обязан осмотреть заводы, основанные ещё Петром Великим. Был он сыном «арапа Петра Великого». Отец, Абрам Петрович, генерал от артиллерии, дома дал ему специальное артиллерийское образование. Прибыв на Липские заводы, первым долгом он нанёс визит местному помещику Алексею Фёдоровичу Пушкину, с которым находился через свою сестру Елизавету в дальнем родстве. Здесь он впервые и встретился с Марией Алексеевной. Интересно,

что они оба родились в один и тот же день – 20 января. Правда, Осип Абрамович родился на год раньше, в 1744 году. Мария Алексеевна была старшей дочерью крупного помещика А. Ф. Пушкина, участвовавшего в русско-турецкой войне 1735–1739 годов (во взятии Очакова и Хотина) и получившего тяжелые ранения. Родилась она в Нижнем Новгороде, где Алексей Фёдорович находился на «постое» со своим Тверским драгунским полком. Здесь он познакомился с дочерью вице-губернатора Юрия Алексеевича Ржевского – Саррой. В ноябре 1746 года Алексей Фёдорович в чине капитана вышел в отставку и поселился в селе Коренёвщино (носило второе название по храму – Покровское;



Ганнибал Абрам Петрович.



Алексей Фёдорович Пушкин



Сарра Юрьевна
Пушкина-Ржевская



ныне – Добровского района Липецкой области). Принадлежал Пушкиным и дом в нынешнем Липецке, который сгорел в 1799 году вместе со всей помещичьей усадьбой. По данным некоторых историков, Алексей Фёдорович был воеводой небольшого города-крепости Сокольска (позднее – село Сокольское, где был построен на средства бельгийцев Сокольский металлургический завод, а ныне оно входит в состав города Липецка). Но совсем недавно найденные документы свидетельствуют о том, что никакого отношения к воеводству не имеет, а был крупнейшим землевладельцем и виноторговцем. Ему принадлежал винокуренный завод, и он реализовывал спиртное через «винный откуп». Всё это позволило ему постепенно скупать в местной округе у соседей всё новые и новые земли.

О детских годах Марии Алексеевны ничего не известно. В семье Алексея Фёдоровича и Сарры Юрьевны было много детей: Юрий, дослужившийся до звания полковника, Михаил, дослужившийся до чина статского советника, дочери Екатерина, Надежда. Были и ещё два сына, Александр и Маркел, умершие в детском возрасте. По-видимому, Мария Алексеевна часто бывала в Москве, где проживала её многочисленная родня по линии матери. В основном её детство прошло в имении Покровское, Коренёвщино тож, среди живописной местности в долине реки Воронеж в большом доме её родителей. Иногда семейство в зимние дни жило в Липецке, который с 1779 года станет уездным городом Тамбовского наместничества.

Здесь и познакомился Осип Абрамович с Марией Алексеевной. Представитель тогдашней светской молодёжи, с её весёлой и беззаботной жизнью, проводя некогда время во всевозможных кутежах и проматывая деньги отца, со временем залез в солидные долги. Старый арап, живший в это время в своём имении близ Петербурга, лишил за это непутёвого сына содержания и строжайше запретил являться ему на глаза. И тогда, чтобы поправить свои финансовые дела, и решил Осип Абрамович приударить за Марией Алексеевной. А ей шёл уже двадцать седьмой год, и по тогдашним меркам она была уже «старой девой». Трудно сказать, были ли чувства у неё к сыну «арапа Петра Великого». Осип Абрамович сделал предложение Марии Алексеевне, и родители дали своё благословение. А вот Ганнибал женился, не спрашивая разрешения своего отца. 9 ноября 1772 года они «соединились законным браком». Венчание происходило в Вознесенском соборе – тогдашнем главном соборе посёлка Липских железоделательных заводов. (Позднее храм разрушат в тридцатые годы, а в шестидесятые на этом месте построят туалет.)

Испытывала ли чувства к Ганнибалу Мария Алексеевна? Сейчас трудно сказать об этом. Сохранилось её прошение на имя императрицы Екатерины Второй, в котором она утверждает,



М.А. Пушкина, бабушка поэта.



Мария Алексеевна Пушкина-Ганнибал с маленьким Сашей



Вознесенская церковь

что «была выдана в замужество за Ганнибала от родителей моих». Московские родственники Пушкиных были недовольны этим браком, и кто-то из кузин Марии Алексеевны даже сочинил по этому поводу иронический стишок:

*Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапуром.*

Оказывается, что князь Визапур был выходцем из Индии. Он был совсем темнокожим, однако Екатерина Вторая жаловала его чином полковника, и он служил в лейб-гвардии гусарском полку. Поскольку и Осип Абрамович, как сын арапа, был тоже темнокожим, то этим объясняется такой стихотворный текст московских кузин Марии Алексеевны.

ЖЕНИЛСЯ ПРИ ЖИВОЙ ЖЕНЕ

Вскоре молодая чета отправилась в Суйду – имение старого арапа – и «на коленях просила прощения» за столь скоропалительный брак. От сурового взгляда Абрама Петровича «молодая невестка упала в обморок». Молодые некоторое время жили в Муроме. В 1774 году у

четы Ганнибал родился первенец Николай, но в том же году грудным умирает.

Кредиторы предъявили иски к моту Ганнибалу, и Мария Алексеевна, чтобы спасти мужа от позора, была вынуждена, покрывая его долги, продать своё имение в Ярославском уезде. По-видимому, по настоянию Марии Алексеевны Осип Абрамович выходит в отставку с чином «флота артиллерии капитан второго ранга», и чета поселяется в одном из имений Псковской губернии. Здесь и появился на свет их второй ребёнок – дочь Надежда, которой суждено было подарить России Александра

Сергеевича Пушкина. Имение, где жили Ганнибалы, располагалось недалеко от столицы, и Осип Абрамович под разными благовидными предложениями покидал молодую жену и дочь. В результате в семье начались скандалы и ссоры.

И вскоре после одной из таких отлучек Осип Абрамович просто сбежал из Суйды от жены с дочерью и отца. Позднее Мария Алексеевна писала в Псковскую духовную консисторию: «Муж мой, возвратясь в дом к отцу, недолгое время жил в порядке, но, следуя дурным своим склонностям, часто заслуживал гнев свой родительский, и, чтобы от одного избавиться, бежал из дому, оставя отцу своему письмо, что он навеки от него скрылся».

По совету свёкра Мария Алексеевна отправляется в столицу на поиски непутёвого муженька. Она вскоре узнаёт, что Осип Абрамович проживает в селе Красном у своего зятя, майора А. О. Маза. Мария Алексеевна стала уговаривать мужа вернуться к отцу и возобновить брак, но он отказался. Более того, воспользовавшись отъездом Марии Алексеевны в Петербург к брату Михаилу Алексеевичу, он забирает дочь в Красное. 18 мая 1776 года Мария Алексеевна пишет мужу: «Государь мой Осип Абрамович! Несчастливые как мои, так



и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться, когда же нелюбовь ваша к жене так увеличилась, что вы со мной жить не желаете, то я решилась более вам своей особой тягости не делать, а расстаться навек и вас оставить от моих претензий во всём свободно, только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим, что же касается до содержания, как для вашей дочери, так и для меня, то от вас и наследников ваших ничего никак требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением, ваша, государь, покорная служница Мария Ганнибалова». То, что письмо было написано рукой Марии Алексеевны, засвидетельствовал её брат подполковник Михаил Алексеевич Пушкин. На это письмо от Осипа Абрамовича вскоре поступил ответ, написанный 29 мая 1776 года, по которому он изъяснял своё полное согласие «оставить вам от меня свободу навеки, а дочь ваша Надежда препоручена от меня в Красном Селе моему приятелю господину мазору (*майору*. – Авт.) и управителю Александру Осиповичу Мазу для отдачи вам, которую вы можете от него получить благопристойно». Мария Алексеевна, забрав дочь Надежду, уезжает к родителям. Позднее в одном из прошений она писала: «Будучи так нагло покинута с малолетней дочерью и оставшись без всякого пропитания, принуждена была ехать в деревню к родителю моему, который, увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался». Случилось это 5 ноября 1777 года.

А вскоре Мария Алексеевна узнаёт, что её непутёвый муж, выдав себя за вдовца, повенчался 9 января 1779 года с молодой новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстой. Вообще, «брачный союз произошёл в доме у Толстой ночью приглашённым туда местным священником при участии двух местных помещиков в качестве венчальных отцов. Всё это свидетельствовало о том, что стороны желали сохранить брак в тайне». Однако этого не произошло. Брат Марии Алексеевны Михаил Алексеевич вскоре узнал об этом и специально поехал в Псков к местному архиерею Инно-

кентию, которого проинформировал о таком неблагоприятном поступке деда русского поэта. Архиерей посоветовал Марии Алексеевне написать прошение в Псковскую консисторию о вторичном венчании её мужа при живой жене. Такое прошение ею было написано 2 августа 1779 года, и на его основании началось консисторское следствие. Осипу Абрамовичу строгойше было запрещено сожителство с Устиньей Толстой. Но Ганнибал такое решение оспорил и упорно пытался доказать, что его первая жена якобы... умерла и он узнал об «умертвии той его первой жены» из письма, которое ему в Красном Селе «подал неизвестный солдат». Мало того, он представил даже письмо от брата Марии Алексеевны Михаила, который якобы писал Ганнибалу, «...что сего ноября 3-го дня жена ваша, живучи в Москве, скончалась; дочь же вашу я взял с собою в известные вам деревни Воронежской губернии; прошу меня уведомить, у нас ли дозволите ей жить или к себе возьмёте; на оное ожидать буду от вас ответа...». Михаил Алексеевич Пушкин, ознакомившись с этим письмом, заявил, что «...оно писано и подписано не моею рукою; в том же подписуюсь собственноручно...». Псковская консистория 19 января 1781 года закончила дело Ганнибала, признав его сожителство с



Надежда Осиповна Ганнибал-Пушкина

Толстой незаконным, и наложила на виновного епитимию: год содержать его в монастыре, а затем в течение шести лет под наблюдением его духовного отца нести наказание. Но не таким оказался Осип Абрамович. В сентябре 1781 года он посылает жалобу на имя императрицы Екатерины Второй. Государыня затребовала его консисторское дело. Даже многие родственники Ганнибала встали на сторону его живой жены. И среди тех, кто поддержал Марию Алексеевну, был родной брат Осипа Абрамовича – генерал-поручик Иван Ганнибал. Началась долгая тяжба. Но в конце концов 10 января 1784 года Екатерина Вторая издала рескрипт: «Марию Пушкину Осипу Ганнибалу почитать законной женой; учиненный второй брак с Толстою уничтоженным и ее за законную ему не признавать. За учиненное Ганнибалом вступление во второй брак при живой жене вместо наложения на него церковной епитимии послать его на кораблях в Средиземное море, дабы он службою с раскаянием своим содеянное преступление искупить мог. Что до Ганнибаловой жены, по отцу Марии Пушкиной, о доставлении ей на прожиток из мужнего имения, то, как она в письме к своему мужу 18 мая 1776 года, за свидетельством брата ея, написала, что она от него и от наследников его на содержание свое ничего требовать не будет, то затем и ныне ей, при живом муже, как на то и закону нет, из имения его ничего определять не следует. Назначенную самим Ганнибалом в поданном ея величеству прошении четвертую часть его недвижимого имения отдать в ведомство дворянской опеки, дабы она употреблена была в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери».

В опеку были взяты деревни Кобрини и мыза Руново со 110 душами крепостных. Опекунами Надежды Осиповны Ганнибал были определены брат Осипа Абрамовича генерал-майор Пётр Ганнибал и родной брат Марии Алексеевны полковник Михаил Алексеевич Пушкин. Позднее Осип Абрамович завалит их жалобами о несправедливом разделе имений.

А бабушка великого поэта навсегда покинет с дочерью Надеждой в 1784 году Липецк. Она продаст часть своих имений и дом

в Липецке брату Юрию Алексеевичу Пушкину. Сама поселится в столице, где её дочь Надежда получит под её руководством прекрасное домашнее образование и будет в совершенстве владеть французским языком; в обществе Надежду будут звать «прекрасной креолкой».

28 сентября 1796 года Надежда Осиповна Ганнибал обвенчалась с Сергеем Львовичем Пушкиным. Семья поселилась в Москве. Здесь и родился великий поэт России. Мария Алексеевна занималась воспитанием внуков.

Позднее поэт напишет;

*Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине,
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.*

В самом деле, «нижегородско-липецкая» бабушка поэта была первой его наставницей в русском языке. Именно благодаря ей он выучился читать и писать по-русски. Он залез в её рабочую корзинку, смотрел, как она занималась рукоделием, слушал её рассказы про старину... Русским слогом Марии Алексеевны восхищался Антон Дельвиг. Она обожала своего внука, но при этом однажды сказала о нём своей знакомой Е. П. Яньковой: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умён и охотник до книжек, а учится плохо, редко свой урок сдаёт порядком, то его не расшевелишь, то не прогонишь играть с детьми, то вдруг развернётся и расходится, что ничем его не уймёшь, из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем всё это кончится, ежели он не переменится». Умерла Мария Алексеевна Пушкина-Ганнибал 27 июня 1818 года на руках внука Александра Сергеевича. Похоронили её рядом с непутёвым мужем О. А. Ганнибалом в Святогорском монастыре. Здесь же в 1836 году была похоронена и Надежда Осиповна Ганнибал-Пушкина. А через год здесь найдёт свой вечный покой и наш великий поэт А. С. Пушкин.



Марк Некрасовский

ВОЕННЫЕ СТИХИ

Это не дневник в нашем привычном понимании. Я писал стихи о том, что видел. Стихи, написанные по реальным событиям. Стихи-репортажи. Стихи-документы. Я понимал, что каждое такое стихотворение может стать приговором для автора, т. е. меня, но не писать не мог. Пока было электричество, стихи бросались в интернет. Тогда же была выставлена книга «Осада». «Осада» – коллективный сборник поэтов-луганчан о войне 2014 года. «Друзья» предупреждали, что нас «повесят» за эту книгу, но спрятаться было равносильно предательству перед теми, кто был ранен или убит, перед теми, кто держал линию фронта.

Почему я решил дополнить стихи прозой? Дневник – это личное и обычно не предназначен для открытого прочтения, но многие стихи, если не все, написаны по реальным событиям, и читателям – нелуганчанам будет трудно понять, что хотел сказать автор. Встречаясь с читателями в России, я старался не только прочитать стихотворение, но и объяснить им, что это не война жителей Донбасса с нацистской Украиной, а война русского мира с фашиствующим западным миром.

Чтобы написать одно стихотворение, испытываются от трёх до десяти листов блокнота с разными вариантами и мыслями о том, что хо-

чется написать. Я когда-то читал, что аборигены Австралии, чтобы вспомнить важный для них день, берут с места события какой-либо предмет с сильным запахом, и когда они хотят вспомнить этот день – они нюхают предмет, и воспоминания приходят к ним. Щетка, цветок, растение становятся опорными сигналами памяти для них. Мои стихотворения и исписанные черновики – это мои опорные сигналы. Некоторые стихи дописывались позже, позже приходило и осознание события или данные, которые я в тот момент не знал. В постскриптумах я об этом пишу.

Я долго думал, с каких стихов начать эту книгу. С домайданной Украины? Был у меня такой цикл стихов. Эти стихи объяснили бы читателям, почему майдан стал возможен, но эта книга о войне, и я начал её со стихотворения, посвящённого Януковичу. Вернее, его трусости, его предательству. Если бы он не струсил, как бы повернулась история и где бы проходила линия фронта?

В первой части стихи и дневники датированные. Вторая часть писалась в течение шести лет войны.

Эта книга не имеет конца – война ещё не закончена. Но я надеюсь, что придёт День Победы и я допишу её – и опять буду писать стихи о любви.

ЧАСТЬ 1

Президент Украины трусил и сбежал. Сбежал в Россию, предварительно забрав ценности из своей резиденции. Он предал всех, кто за него голосовал. Предал правоохранителей, которые без оружия защищали законную власть. Предал всю Украину. Его слабость, безволие, трусость приведёт к новой «руине». Был такой период в истории Украины. Период войн и разрухи. Он объясняет своё бездействие тем, что он не развязал гражданскую войну. Тогда кто, если не он, виновник будущей «руины»? Бандеровскую власть Юго-Восток Украины не примет. А это неизбежная война и раскол страны на две или три части.

* * *

Януковичу

Кровью пишется история.
И своею, и чужой.
Непременное условие –
Ради рая на убой.

Из младенческой слезинки –
Полноводная река.
И в майданной вечеринке
Вражья видится рука.

Не приходит осознание,
Что ж ты сделал, сукин сын?
Было благим пожелание,
Но итог всегда один.

04.2014

«Украина превыше всего» – твердят майдановские «герои». Ничего не напоминает? Уже было такое государство – Третий Рейх. Фашистская Германия – «Deutschland, Deutschland über alles» («Германия, Германия превыше всего»). Степан Бандера у майданутых – национальный герой. Тот самый Бандера, банды которого убивали не только евреев, русских, поляков, но и украинцев, которые не поддерживали их фашистскую идеологию. Вы скажете,

что не все украинские националисты были бандеровцами – были мельниковцы, бульбовцы, и они сражались между собой. Для меня они все на одно лицо. Я в сортах дерьма не разбираюсь. Украина для этих тварей превыше гуманизма, общечеловеческих ценностей и выше даже Бога. Только Бог и правда не с ними, а значит, их ждут поражения и божья кара. И будет их Украина в руинах, и побегут майданутые «герои» из Украины, как бегали их деды-полицай. Если успеют. Так было, и так будет. История никогда ничему не учит. Как жаль...

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

Нет ни Еллина, ни Иудея, ни об-
резания, ни необрезания,
варвара, скифа, раба, свобод-
ного, но все и во всём Христос.
Апостол Павел

Для нас не наступит завтра,
И жить нам во мраке ночи,
Пока мы с яростью мавра
Друг друга в сортирах мочим.

Пока мы ищем различья
И страхи свои лелеем.
Пока в цене безразличие,
Не пашем, не жнём, не сеем.

В стране безумства стихия –
Бог дал нам такую кару.
А помнишь, как шла Мария
С младенцем к Бабьему Яру?

А помнишь, как вслед кричали:
«Туда жидам и дорога!»,
Стреляли и проклинали,
Забыв про любовь и Бога?

Коллеги, друзья, соседи,
Как стали вы палачами?
За что обрекали к смерти
Младенцев с Христа очами?



Не помним – и в том причина,
Что тех полицаев внуки,
Опять поменяв личину,
Оружие взяли в руки.

Опять мы ищем различья.
От ярости сатанеем.
Не помним – память девичья –
Христос тоже был евреем.

На бойню идём в прострации –
У нас лишь одна дорога,
Пока не поймём, что нации
Совсем не важны для Бога.

Р. S. Кто-то спросит: как же это так быстро возродилось? Ведь раздавили нацизма гадину в мае 1945 года? Раздавили, да не всех. Когда бандеровцы почувствовали, что их вот-вот пустят в расход, то был дан приказ выходить из лесов, вступать в комсомол, в коммунистическую партию, стараться получить руководящие посты и ждать своего времени. И получилось это у них. Главный идеолог Коммунистической партии Украины и первый президент независимой (независимой) Украины Кравчук рассказывал, как он носил еду украинским героям в лес. Их ненависть не умерла: большая часть внуков бандеровцев ждала своего часа – часа Реванша. Мне вспоминается разговор с выходцем из Киева, который после окончания института приехал по распределению в город Луганск и прожил в нём больше 20 лет. Он мне жаловался, что каждый раз, когда он слышит русскую речь, его от неё тошнит. 20 лет слышит, и 20 лет ненависть не утихает, а растёт всё больше и больше.

* * *

Это чувство не остынет,
Эта ненависть в крови.
От Одессы до Хатыни
Поколений только три.

Сколько лет реванша ждали
Внуки тех, кто убивал.

Внуки тех, кого сжигали,
Вновь над вами правят бал.

Всё развитие по спирали,
Оттого и пофигизм.
Как же так, что мы проспали,
Не заметили фашизм?

Снова зиги и парады.
Снова маховик войны.
И в стенах Верховной Рады
Силе нации верны.

День Победы, верю, будет
И победный трибунал.
Заживут свободно люди,
И нацизма сгинет бал.

5.04.2014

Заскочил домой к А. Он поэт и руководит русским блоком. Чем занимается блок? Возят детей и подростков в Россию на каникулах, покупают билеты в цирк, когда начинается сезон, и помогают с поступлением в российские высшие учебные заведения. Да, чуть не забыл – дали денег на две книги. Одна была посвящена космонавтике – «Ощущение полёта» – и вторая Великой Отечественной войне – «Слово войне». Хорошие получились книги. Собрали поэтов со всей Украины и России. А. дома нет, есть только его жена. Сказала, что А. скоро придёт, и предложила его подождать. Сижу и жду его. Очень хочется узнать мнение А. о сложившейся ситуации в стране. Звонок в дверь. В квартиру, отстраняя хозяйку от двери, зашёл крепкий молодой человек. Предъявил удостоверение СБУ и спросил, где сейчас А. Мы дружно и не сговариваясь сказали, что не знаем – может, сегодня и не придёт. Эсбэушник ждать не захотел, отметил, что-то в своём списке и предупредил хозяйку, чтобы она сказала А., как только он придёт домой, о его обязательной явке в СБУ. Я умудрился как бы случайно из-за спины заглянуть в список. В нём были адресные данные и фамилии. Список длинный, больше ста человек. Много

парню предстояло работы – видно, поэтому и не стал ждать А.

6.04.2014

Толпа собирается возле здания областного СБУ. Вчера СБУ «зачищала» Луганск. Арестованы и посажены в подвал многие потенциальные «зрадники» («предатели»). Кто в толпе? Родственники арестованных и равнодушные люди. Людей много. Много женщин и пожилых людей. Перекрыта центральная улица. Я коренной луганчанин и поэтому многих узнаю. С этими я учился на истфаке, с другими работал или пересекался когда-то. Возле входной двери стоят крепкие ребята. Ударная группа. Это «афганцы», бывшие десантники, и «беркуты». Появление последних в числе недовольных меня ничуть не удивило. Майданутые пообещали им всем отомстить: вешать всех «беркутов» и членов их семей. Просто поугадили? Нет, такие пугать не будут. В киевском зоопарке майданутые проникли в вольер с хищными птицами и распяли птицу. Вся её вина была в том, что она была беркутом. Е...тые. Что тут скажешь. Штурмуют здание. Те, кто обороняют здание, не очень сопротивляются. Здание СБУ взято под контроль. Арестованные выпущены на свободу. Надо написать стихи о батальоне «Беркут».

Р. С. Читал потом интервью с бывшим руководителем СБУ. Оказывается, что арестовывали «армию террористов, которые готовили захват всей Юго-Восточной Украины». Так, значит, если бы А. был дома, то он тоже был бы в этой армии? Старый, больной, послепенсионный А. – наверняка самый страшный террорист. Также он жаловался, что большая часть сотрудников СБУ была завербована ФСБ. Поэтому и не было сопротивления. И тут же говорит о нежелании обороняться, так как были бы жертвы среди мирного населения, которых ждали кровожадные русские войска на границе как повод для вторжения. Так что, не оказав сопротивления, он спас Украину. Штурмовали «россияне», а жертвы были бы среди

мирного населения Луганска. С логикой у этого эсбзушника явно проблемы.

Написал стихотворение о «Беркуте».

«БЕРКУТ»

Мы потери несём в мирный день, как в бою.
Вой сирен и безумия крики.
Без оружия стоим мы в едином строю.
Что нам камни, огонь или пики?

Мы присяге верны, и мы ждали приказ –
Наведите законный порядок.
Только власть предала без стеснения нас.
Президент был и жалок, и гадок.

Мы теперь вне закона: увидел – убей.
Но бесстрашья прошли мы проверку.
Мы в Донбассе воюем, спасая людей,
Мы ведь «Беркут», мы – «Беркут»,
мы – «Беркут».

Это наша судьба, и не надо иной,
И призванью никто не изменит.
Беркут, птица свободы, летит над землёй.
Не поставит Донбасс на колени.

04.2014

Улица Советская напротив здания СБУ перекрыта для машин. С двух сторон линии обороны – это баррикады и колючая проволока. Ещё холодно, и поэтому горят костры – металлические бочки с дровами. Чуть дальше в парке установлены палатки, на которых таблички с названиями городов и посёлков Луганской области. В них спят люди, которые охраняют здание круглосуточно. Стоит и военно-полевая кухня – готовят еду и горячий чай. Продукты подвозят равнодушные люди. Также приносят обувь и тёплые вещи. Людей много. Не протолкнёшься. Это защитники баррикад, сочувствующие люди и просто любопытствующие. Лица не закрывают. А это значит, что верят в победу и в свою правоту. Свобода или смерть. Потрясающее единение людей. Настроения радости, свободы, брат-



ства. Много знакомых лиц. Возле входа в здание импровизированный митинг. Говорят о целях и задачах, которые стоят перед луганчанами: не дать кровавому перевороту в Киеве раздавить Луганск. Говорят о братстве с Россией и о том, что она не бросит нас в беде. Читают стихи. Кто-то из знакомых, знающих, что я поэт, просит что-нибудь прочесть. Читаю свои стихи из цикла «Украина».

* * *

Я живу в расколотой стране,
На границе между двух миров.
Запад и Восток живут во мне,
Между ними глубочайший ров.

Оттого в стране моей развал.
Оттого в душе моей разброд.
Кто же нас так сильно покарал,
Разделив на части наш народ?

Кто, веками углубляя ров,
Стал причиной наших катастроф+
И на этом сделал капитал?
Только тот, кто властью обладал!

* * *

Раз эпоха демократий,
То борьба за души.
Верховодят на майданах
Тати и кликуши.

Не беда, что век свой бабка
Свиней лишь растила, –
На трибуне нынче Гапка
Главный заводила.

«Ой, спасите Украину,
Паны-демократы,
Оборвали всю калину,
Покосились хаты!

Не цветёт теперь садочек,
Картошка не родит...» –

Перед всем честным народом
Гапка «плач» заводит.

А вокруг стоят, внимая
Гапке, «любви друзья»,
И у каждого есть вилла
Где-нибудь в Тулузе.

И у каждого есть «бабки»,
Чтоб помочь всем с хатой,
Чтоб для каждой бедной Гапки
Сделать жизнь богатой.

Только цели их иные,
Зря ты плачешь, Гапка.
Ждут тебя харчи свиные
И в награду тятка.

* * *

Я брошу всё, уеду к папуасам.
Быть может, там покой я обрету!
Не ту страну называли Гондурасом,
У нас беда сменяет лишь беду.

В стране идёт делёжка полномочий.
Мораль – ничто. Важнее голоса.
Политики плюют друг другу в очи,
А утверждают: «Божья то роса!»

Кто отравил, скажите, президента?
Но сколько можно паузу держать!
Устали ждать мы истины момента.
Ну а пока приходится гадать.

Премьер¹ или кум², а может – оба вместе?
Политика – бразильский сериал.
Страна подобна брошенной невесте.
Я жить в такой стране уже устал.

Я брошу всё, уеду к папуасам!
Быть может, там душой я отдохну.
Не ту страну называли Гондурасом,
Обидели совсем не ту страну.

¹ Юлия Тимошенко

² Пётр Порошенко

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

Никита БРАГИН

ВРЕМЕНА ПРОЩАНИЙ

Мы живём во времена прощаний,
В горестном предчувствии разлук,
Мы живём, как старые мещане,
Оградив привычными вещами
Уголок любви, познаний круг.

Словно в осаждённом бастионе,
Слышим сотрясение извне –
Матица надломленная стонет,
Страх ютится пёрышком в ладонях,
Трещины змеятся по стене.

Свежий холодок рубахи белой,
Ладанка заветная в горсти
И кресты, начертанные мелом,
И соединяет дух и тело
Матушки молитва на груди.

Вот и всё – а больше и не надо!
Серый хлеб да чёрный виноград,
Кроны леса и аллеи сада,
Белый снег и золото листопада –
Всё вместит один прощальный взгляд.

БЕЗ ОГРАНК

Может быть, этих дней суета,
Этих трудов и забот обманка –
Просто побочный сюжет без огранки,
Читанный прямо с листа.

Может быть, но судить не спеши –
Выбор пути дорогого стоит –
Где-то простое, а где-то пустое,
Где для утробы, а где для души.

Некогда камень по Клязьме везли
В стольный Владимир строить соборы.
Склад был огромный у пристани. Скоро
Там и поднялся Покров-на-Нерли.

ОБЕРНУВШИСЬ НАЗАД

Хочется проще простого –
Вымыть водой родниковой
И просушить на ветру
Всё до последнего слова,
Вместе с которым умру.

Солнечный отсвет залива,
Ветка печальной оливы,
Детские хохот и плач –
Вот и зачин мой счастливый,
Сладок, румян и горяч!

Где ты, душа, не бывала –
Синий покой перевалов,
Тропы в лесах и горах,
Пламя костров на привалах,
Снежный и каменный прах.

Но возвращаешься снова
К тихому детскому слову,
К вечеру в старом саду,
К смолке на брёвнах сосновых –
Скоро туда я приду.

ЖЕЛАНИЕ

Надышаться полынного духа,
Захлебнуться полночной тоской,
Зачерстившего хлеба краюху
Разломить загрубевшей рукой,
И воды, ключевой, заповедной,
Задыхаясь, глотнуть из ведра,



И улечься под звёздной бездной
Рядом с россыпью жаркой костра...

Запах дома в берёзовом дыме,
Засыпая, почувствовать вдруг,
И во сне повстречаться с родными,
И тот сон не забыть поутру.

СОЛОТЧА

Солотча милая, уснувшая в снегу,
Как шишка с золотыми семенами!
Поделишься со мной своими снами,
Пока я твой покой постерегу?

Краса сосны и крепость кирпича
Плывут косыми строчками на белом –
Их тихий строй мне только что напела
Заката литургийная парча.

И я спешу, родная, за тобой,
Вослед изгибаю луковиц и гроздьев,
По колеям в подковах и полозьях
В твой дух – и смоляной, и зерновой!

ВСЕЛЕННАЯ ЛЮБВИ

У любви улыбки лепестковые
В день июля, жаркий, как вино,
У любви за крепкими засовами
Тихо дремлют злато и зерно,
У любви легчайшее дыхание
И летучим поцелуем взгляд,
Словно чаша неба над лоханями
Всех земных наследий и наград!

Отчего же я не сплю и мучаюсь,
Жизнь пройдя, как тридесать полей?
Отчего я рад любому случаю
Ощутить яснее и смелей
Все твои приметы и созвучия –
Птичий гомон, колокольный хор,
Пряталки луны и звёзд за тучами,
Ветерка и вяза разговор?

А когда мечтаю о неведомом,
То в душе рождаются миры,
И живут, и ждут, пока не выдохну
Синь весны и осени костры,
Зимушку, седую и согбенную,
Полосу пшеницы в летний зной!
Широка любви моей вселенная,
Но доверена тебе одной.

НА ПУТИ

Прости моё сердце, прости мою душу больную –
Куда бы ни шёл я, но этой тропы не миную,
Сверну на неё, и останусь, как перст, одинок,
И буду шагать, сапогами взбивая песок.

Не хватит ли рыться в словесном и умственном
хламе?

Не лучше ли путь, и краюшка луны

над холмами,

И просто свобода от всяких красот и пустот –
А новые мысли дорога сама принесёт.

И я ухожу – оттого-то тебя и не слышу,
Дремлю за столом, а душою порхаю

по крышам,

Не слушаю, что говорят, и вопросам не рад –
Ведь если отвечу, то будет опять невпопад.

Ищу одиночества даже в толпе на перроне,
Иду в глубину, где никто не окликнет,

не тронет,

Покровы души я вскрываю, подобно врачу,
И детскую память листаю, и правду ищу.

Благую ли весть я прочту на обрывке газеты?
Начну ли сверять номера лотерейных билетов?
Высокое с низким навстречу попарно идут,
Но их разделить – непосильный для смертного труд.

Поэтому самое лучшее – просто и честно
Продолжить свой путь и принять как итог

неизвестность.

Недаром от века суровая мудрость дана –
Движение – песня, конечная цель – тишина.

АТАМАНСКАЯ ГЛАВА ПИСАТЕЛЯ ГАРИЯ НЕМЧЕНКО

Непростое это дело – сказать что-то новое, малоизвестное о признанном мастере литературы Гarii Леонтьевиче Немченко, романы, повести и рассказы которого издавались многотысячными тиражами, а то и миллионными – в «Роман-газете», переводились на иностранные языки, по ним сняты художественные и документальные фильмы. И всё же накануне солидного жизненного рубежа писателя – 85-летия со дня его рождения – как-то не по-товарищески будет не рассказать о брате-казаке того, чему был очевидцем, тем более что судьба свела нас довольно необычным образом.

В конце восьмидесятых годов прошлого века в Москве, на первый взгляд – стихийно, а если посмотреть глубже, то можно увидеть в этом и некий промысел свыше, стала формироваться группа выходцев из казачьих земель, состоящая в основном из представителей творческой интеллигенции и офицеров. Горбачёвская перестройка, открывшая для общего доступа спецхраны с ранее засекреченными документами и книгами, свобода слова, активизировавшаяся на критике издержек и мрачных страниц советской истории либеральная пресса внутри страны и за её рубежами вызвали не свежий ветер, очищающий сознание граждан, а невиданный доселе шквал, грозивший разнести в щепки все социалистические надстройки государственного корабля СССР и пустить его ко дну. Потомки тех, кто создавал русское государство и много веков охранял его, не могли безучастно наблюдать начавшийся процесс разрушения страны, раздувания пожаров межэтнических конфликтов и, подобно тяжёлым частицам при образовании ядра, начали стягиваться в неформальную группу единомышленников. Во всяком случае, в начале этого процесса в 1987–1988 годах так представлялось подавляющему большинству его участников.

Что послужило толчком для начала объединения, достоверно утверждать не берусь, но, как думается мне, глубинную генетическую

память пробудили исполнители казачьих песен – созданные в Москве фольклорные коллективы под руководством Владимира Скунцева и Светланы Заградской. На их спевки в Центральном доме пропаганды Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) на улице Разина (нынешней Варварке) стало собираться всё больше людей, равнодушных к своим казачьим корням.

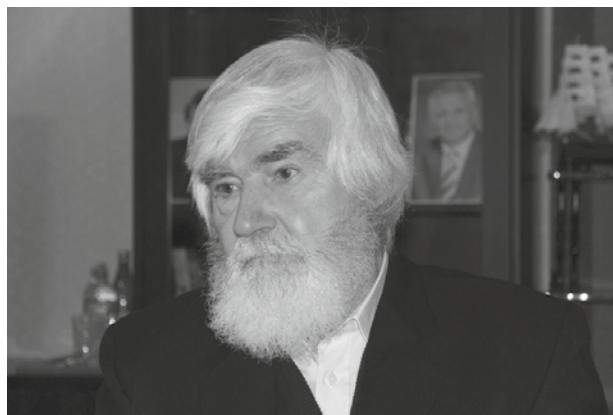
Никаких оповещений об этих сборах не было, информация передавалась при дружеских встречах или по телефону. Меня на «вечёрку» заманил как-то мой давний друг и сослуживец по журналу «Советский воин», фотохудожник и любитель старины Алексей Шадрин. Послушав выступление коллективов «Казачий круг» и «Маланка», я был очарован исполнителями, их истинно казачьей манерой распевов с подголосками («поддишканиванием», как говорят на Дону), и в свою очередь зазвал на очередную встречу знакомых военных журналистов и поэтов с казачьими корнями – Дмитрия Алентьева, Николая Старикова, Дмитрия Семёнова. И постепенно к концу 1988 года сформировалась устойчивая группа завсегдатаев казачьих вечеров, где не только с удовольствием слушали знакомые и любимые с детства песни, но и говорили о славной и трагической истории казачества, делились воспоминаниями о семейных преданиях, читали стихи на эту тему.



Особо эмоциональными и яркими были всегда выступления ветерана Великой Отечественной войны, писателя, биографа командарма 2-й Конной армии Филиппа Кузьмича Миронова – Евгения Фёдоровича Лосева; молодых писателей братьев Левченко – Виктора и Владимира, один занимался исследованием жизни и творчества М. А. Шолохова, другой редактировал в издательстве «Молодая гвардия» книги из серии «Жизнь замечательных людей»; военного журналиста и критика Петра Ткаченко из «Красной звезды»; фотокорреспондента ТАСС, исколесившего многие страны мира, но пуще всего влюблённого в свою кубанскую станицу Передовую, Алексея Жигайлова; казака из семиречья, руководителя поэтического семинара в Литературном институте Владимира Цыбина. Я быстро нашёл с ними общий язык и общие темы для обсуждений. И вскоре мы задумали провести в Москве литературно-музыкальный вечер, посвящённый трагедии рассказывания, начавшейся после циркулярного письма Я. Свердлова от 24 января 1919 года.

Вечер «Шашки наголо!» организовали и провели в день 70-летия кровавой драмы в Доме культуры Метростроя при полном аншлаге. После опубликования информации о нём в нескольких столичных газетах наша неформальная казачья группа стала расти день ото дня, и вскоре зазвучали предложения об официальном создании и регистрации казачьего землячества в Москве. Все восприняли это как само собой разумеющееся и стали обговаривать организационные вопросы, устав и программу общественного объединения.

Не ведаю, за какие заслуги (в литературе я делал только первые шаги – выпустил три небольших сборника стихов и книгу поэтических переводов моей однокурсницы по Литературному институту даргинки Аминат Абдулманаповой, возможно, за громкий командирский голос, отработанный в годы учёбы в Алма-Атинском высшем общевойсковом командном училище и на полевых занятиях и учениях в 117-й гвардейской танковой дивизии, где начинал офицерскую службу), но московские братья-казаки мне поручили возглавить инициативную



Г.Л. Немченко



Братья-казаки. 1-й справа в 1-м ряду Г. Л. Немченко. 1990 г.

группу по созданию землячества и провести учредительный круг.

5 января 1990 года запланированный круг состоялся в Знаменском соборе на улице Разина. Собралось 70 постоянных участников наших еженедельных сборов. По казачьему обычаю высокое собрание благословил священник Михаил Дронов. За создание Землячества казаков в Москве проголосовали единогласно. Обсудили и приняли с добавлениями и уточнениями устав и программу организации. А когда подошли к главному вопросу – выбору атамана, – тут неожиданно для многих возникла неприятная заминка. Как повелось исстари на Руси, любая инициатива наказуема повинностью в её реализации самим инициатором. Большинство участников круга не сомневалось, что атаманом должен стать председательствующий. Пришлось объяснять, что я – человек подневольный, действующий офицер Вооружённых сил и не могу быть юридическим лицом, подписывающим финансовые

и иные документы, что готов войти в правление и помогать атаману в организационной работе во внеслужебное время. А атаманом, по моему мнению, должен стать человек более авторитетный в широких кругах, чтобы его имя было своего рода знаменем организации и не вызывало недоумения и кривотолков во властных структурах. Мне таковым представлялся потомок семибратских казаков, известный поэт, прозаик и переводчик, член правления Союза писателей СССР В. Д. Цыбин, о чём я и объявил кругу.

Владимир Дмитриевич, присутствовавший на круге, поблагодарил меня за доверие, но сослался на чрезмерную занятость и попросил не рассматривать его кандидатуру на должность атамана. Войти в состав правления и помогать атаману он был не против.

В зале начал нарастать возмущённый ропот. Кто-то выкрикнул, что у казаков не принято отказываться от атаманства, раньше бы таковых за неуважение казачьего мнения угостили досыта нагайкой, а то и – «в куль – да в воду» (т. е. утопили). Некоторые восприняли эту реплику как шутку и засмеялись, а часть делегатов на полном серьёзе продолжила осуждать отказников.

Я лихорадочно соображал, как выйти из этой неприятной ситуации. Выручил попросивший дозволения молвить слово Алексей Николаевич Жигайлов.

– Есть в Москве родовой кубанский станичник и широко известный писатель и журналист Гарий Леонтьевич Немченко, думаю, что он по всем статьям годится в атаманы – скорый на подъём, трудностей не боится, правдоруб, перед сильными мира сего спину не гнёт, ближнего в беде не оставит, да и герои большинства его книг – казачьего роду-племени. Предлагаю его в атаманы землячества, не подведёт, ручаюсь.

В. Д. Цыбин согласно закивал головой, говоря: «Точно, точно! Гарий не подведёт, человек слова и казак что надо!»

– А как же мы без его присутствия голосовать будем, вдруг и у него доводы найдутся, чтобы отказаться? – спросил кто-то из зала.

– Я берусь уладить этот вопрос, – пообещал Алексей Николаевич, широко улыбаясь своей обаятельной улыбкой.

Большинство присутствующих приняли его предложение и решили – быть Г. Л. Немченко атаманом. Далее процесс пошёл без сбоев. Избрали правление землячества: трёх заместителей атамана (помощников) – В. Д. Цыбина, В. Н. Скунцева и меня, девять старшин по основным направлениям работы и писаря, которым стал сотрудник ВООПИиК Г. В. Кокунько.

Так Гарий Леонтьевич, ни сном ни духом не ведавший об этой участи, был провозглашён первым атаманом и призван на службу казачеству. К его чести, появившись на улице Разина на очередном сборе, Немченко не стал сокрушаться по поводу заочных выборов и выговаривать – «что ж вы, братцы, без меня меня женили?», а сразу включился в работу, наметив первоочередные шаги, о которых мы раньше не задумывались. Он задался целью изучить в столице места, связанные с размещением полевых станиц, воинских подразделений из бывших 12 казачьих войск Российской империи, храмов, где окормлялись казаки и члены их семей, отыскать сохранившиеся здания подворий, принадлежавшие донским, кубанским, терским и иным общинам, существовавшим в Москве до 1917 года, и попытаться договориться с городскими властями о создании там Казачьего культурного центра, с залом для сборов и концертов, музеем, выставочными площадками и магазином для торговли традиционными товарами и продуктами из казачьих областей и краёв. В планы атамана входило издание газеты землячества, он и название ей придумал – «Казачьи ведомости», установление связи со всеми казачьими организациями в СССР и за рубежом – в Болгарии, Югославии, Франции, США, Австралии. Некоторые наметки для этого уже существовали – сборник «Комсомольской правды» Н. Долгополов опубликовал в декабре 1989 года большую статью «Казаки в Париже». Занозила душу Гария Леонтьевича и идея участника учредительного круга доктора технических наук Аркадия Павловича Федотова о формировании из учёных, писателей и журналистов землячества научно-редакционного совета для подготовки и издания энциклопедии «Казачество». От таких заманчивых идей у меня



дух захватывало, думаю, что не только у меня, когда, слушая атамана, мысленно представляли масштабы великих дел.

Не откладывая задуманное на неопределённую перспективу, Г. Л. Немченко начал свои практические шаги с похода в район бывшей Казачьей слободы, что находится в шаговой доступности от Кремля, между улицами Большая Ордынка и Большая Полянка. Память о былом нахождении здесь казачьего поселения хранят до сей поры 1-й и 2-й Казачьи переулки, храм Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе. А вот новые власти района и города, как оказалось, ничего не ведают о насельниках былых времён и не проявили ни малейшей заинтересованности, чтобы помочь известному писателю найти точку опоры для культурного и духовного возрождения казачьей общины в Москве. Гарий Леонтьевич сказал о своей задумке чиновникам в Октябрьском райисполкоме столицы, но они только недоумённо заулыбались, как глухонемые. Ни о каком возрождении исторической памяти и культурных традиций казачества здесь отродясь не думали. А вот киргизские и узбекские республиканские власти додумались, где расположить свои представительства в Москве, улица Большая Ордынка подсказала.

И всё же хождения по Казачьим переулкам не были напрасными. Пытливый ум писателя нашёл необходимую зацепку для землячества в местах былого компактного проживания казаков. Зацепкой этой явился храм XXVII века, где окармлилось не одно поколение жителей Казачьей слободы. В тот момент данный храм, как и многие другие московские церкви, служил далеко не по прямому назначению – в нём размещались типография и архив одного из образовательных учреждений. Не найдя поддержки со стороны районных и московских чиновников, Г. Л. Немченко отправился в Московскую патриархию с идеей возвращения храма в Казачьей слободе в родное лоно РПЦ и создания в нём общины прихожан из членов Московского землячества казаков. А в качестве авангарда для успешного наступления на этом направлении предложил создать инициативную группу по

выселению из храма безбожных арендаторов.

В Патриархии доводы Гария Леонтьевича оценили по достоинству и начали совместную с казаками деятельность, которая уже к концу 1990 года увенчалась решением властей города о возвращении храма Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе Русской Православной церкви.

Между тем известия о создании землячества казаков в Москве, после нескольких публикаций об этом в газетах, стремительно расходились по стране подобно взрывной волне, вызывая небывалый подъём казачьего движения во многих регионах, не только на Дону, Кубани, Тереке, в Оренбуржье, на Урале, в Сибири, Забайкалье и Приморье, но и в Калмыкии, Осетии, Якутии, Башкирии, Молдавии. В Центральном доме пропаганды ВООПИиК на улице Разина, где поначалу базировалось правление землячества, не смолкал телефон, туда постоянно прибывали ходоки из разных уголков страны для установления связи с московскими собратьями и объединения усилий для совместной деятельности.

3 марта 1990 года газета «Сельская жизнь», выходявшая в то время миллионными тиражами, опубликовала обширную беседу с Г. Л. Немченко корреспондента Е. Прошина «Казачий круг», вызвавшую очередной всплеск звонков и писем. О создании Московского землячества казаков, его целях и задачах писали также М. Астапенко, П. Ткаченко, В. Левченко, Г. Кокунько, Л. Горовой, Д. Семёнов и другие авторы.

Правление под руководством своего атамана организовало и провело ряд интересных массовых мероприятий – встречу с популярным писателем Анатолием Знаменским, автором романа «Красные дни» о гражданской войне на юге России; литературно-музыкальный вечер в ДК автомобилистов, посвящённый 120-летию донского писателя Фёдора Крюкова; концерты казачьих коллективов Москвы, а также народных ансамблей из станиц Вёшенской и Боковской, что вызвало ещё больший интерес к землячеству и приток новых сил. В наши ряды влились представители «казачьей гвардии» (в

прямом и переносном смысле): участник Великой Отечественной войны, ветеран казачьего кавалерийского корпуса Г. Рыбин, профессор Литературного института Ф. Бирюков, доктор технических и экономических наук, автор книги об истории русской авиации П. Дузь, доктор философских наук Р. Косолапов, доктор экономических наук В. Шаманаев, доктор медицинских наук И. Алпатов, тренер из конно-спортивного дивизиона ЦСКА, подготовивший не один десяток чемпионов мира, Европы, СССР по конному спорту, В. Прутко, многие другие заслуженные представители старшего поколения, придавшие не только авторитет организации, но и новый импульс коллективной работе.

Мало сказать, что интерес к новому казачьему землячеству был необычайно высок, он зашкаливал за предел наших возможностей. Правление заваливали письмами, воспоминаниями о славных деяниях казачьих родов до революции и трагических моментах братоубийственной войны, рассказывания и выселения с родных земель, несли сохранившиеся в домашних архивах фотографии, документы, старые книги, возлагали надежды на то, что с нашей помощью смогут добиться справедливости и правды в отношении оклеветанных и подвергшихся гонениям родственников. Обращались за помощью и в решении новых насущных проблем, связанных с ростом воинствующего национализма в союзных и автономных республиках. Землячество всё больше выполняло функции не местного масштаба, а выступало координатором между казачьими организациями в регионах и федеральным центром. Рамки землячества стали тесны для такой деятельности, и многие казачьи активисты в регионах и в столице всё настойчивей начали инициировать создание всесоюзной казачьей организации.

Уже в конце апреля 1990 года на базе Мос-трансагентства, которым руководит по сию пору донской казак В. Горин, был проведён Всесоюзный казачий сбор, на который прибыли представители казачьих структур с Дона, Кубани, Днепра, Терека, Урала, из Сибири, с Уссури. Они создали подготовительный комитет по созыву Большого круга и учреждению Союза казаков. Г. Л. Нем-

ченко доверили стать председателем комитета. А. Г. Мартынов, В. Н. Скунцев, я и ещё несколько человек были утверждены сопредседателями.

Началась активная подготовительная работа. Член землячества художник Ю. Бельмач создал знак Большого учредительного круга, впоследствии ставший знаком Союза казаков. Гарий Леонтьевич и его давний приятель-журналист разработали логотип (начертание) названия газеты «Казачьи ведомости», куда вставили этот знак и девиз «Нет уз святее товарищества» (слова Тараса Бульбы). Они же готовили материалы и макет пилотного номера газеты для делегатов круга. Я вместе с сослуживцем полковником Г. Черезовым готовил и печатал в Воениздате приглашения, мандаты делегатам, гостевые билеты, рабочие документы круга, культурную программу, небольшой сборник казачьих песен в подарок участникам форума. Атаман подписывал и рассылал по областям отпечатанные в Воениздате официальные письма с приглашением на круг и определением квот для делегаций (число участников ограничивалось наличием мест в гостиницах Мос-трансагентства, где были забронированы номера для казаков). Продолжил он и выступления в печати, разъясняя цели и задачи предстоящего Большого учредительного круга. «Сельская жизнь» вновь опубликовала беседу с Г. Немченко «Большой круг – съезд Союза казаков страны», а главная газета Ростовской области «Молот» дала интервью с ним по телефону уже во время проведения круга («Донцы-молодцы»). Все члены подготовительного комитета работали как одержимые, с утра до позднего вечера, работали на одном энтузиазме, окрыляемые верой, что наш труд поможет возникнуть массовому движению по стабилизации обстановки в стране, вернёт традиции истинного казачьего народовластия и жертвенного служения Отечеству.

Наверное, сегодня многие иронически улыбнутся, читая эти строки. Но они не придуманы ради красного словца, они отражают наш настрой того периода, когда большинство участников этих событий были движимы общей идеей и общей надеждой.



Большой учредительный круг наметили провести 28-30 июня в Доме культуры «Серп и молот», где руководил фольклорным коллективом «Казачий круг» один из заместителей председателя подготовительного комитета Владимир Скунцев. Им вместе с соратниками по землячеству Н. Шантаренковым, С. Заградской, Г. Подшиваловым и художником С. Гавриляченко была подготовлена обширная программа выступлений фольклорных ансамблей в дни работы круга «Песни казачьей вольницы». Это сложно представить, что по зову души на различных площадках ДК три дня пели и плясали 14 музыкальных коллективов из разных краёв страны: ансамбли из станиц Кубанской и Белореченской Краснодарского края (руководители Н. Гвоздев и С. Устанина); ансамбль «Православный Дон» из станицы Боковской Ростовской области (руководители братья Владимир и Геннадий Вечёркины); ансамбль «Курагод» из станицы Кумылжинской Волгоградской области (руководитель В. Кубракова); фольклорная группа из города Сорочинска Оренбургской области (руководитель З. Смирнова); ансамбль казачьей песни Покровского совхоза-техникума Оренбургской области (руководитель Ю. Рощепкин); ансамбль казаков-некрасовцев из посёлка Левокумского Ставропольского края (руководитель Л. Евдокимова); московские молодёжные группы – «Русичи» (руководитель В. Алексеев), «Наследие» (руководитель Н. Бабкина), «Оранта» (руководитель В. Бутров), «Живая песня» (руководитель А. Кабанов), студия казачьего фольклора Всероссийского центра народного творчества под руководством С. Заградской, «Казачий Круг» В. Скунцева; ещё два ансамбля прибыли из городов Уральска и Павлодара Казахской ССР.

Культурная программа Большого учредительного круга Союза казаков по замыслу подготовительного комитета во главе с Г. Л. Немченко должна была стать не дополнительным придатком к заседаниям делегатов, а грандиозным праздником казачьей культуры и духа. И она оправдала надежды устроителей, всколыхнув души не только казачьих потомков, но и многих жителей столицы, оказавшихся в

эти дни в ореоле удивительно яркого и зажигающего фестиваля народных песен и танцев.

На этом круге атаманом учреждённого Союза казаков стал потомственный донской казак, директор одного из столичных автокомбинатов, кандидат экономических наук А. Г. Мартынов, имевший большой опыт руководства различными коллективами, проработавший несколько лет инструктором и заместителем заведующего промышленно-транспортным отделом Железнодорожного райкома КПСС города Москвы. Делегаты посчитали, что его управленческий опыт и связи во властных структурах помогут и в становлении всесоюзной казачьей организации. Меня избрали его первым заместителем (товарищем), а Гария Леонтьевича – заместителем атамана по внешним связям и культуре, эта сфера деятельности была наиболее близка ему.

Начался новый, более масштабный и напряжённый этап развития и становления казачьего движения в стране, отношение к которому было далеко не везде положительным. Приходилось объяснять и устно, и письменно, кто мы такие, зачем собираемся на свои круги и сходы в дедовской форме, не вознамерились ли свергать советскую власть и возрождать монархию. Интересовались не только любопытные простые соотечественники, но и высокие чиновники в серьёзных ведомствах: ЦК КПСС, КГБ, МВД, Генеральном штабе Вооружённых сил СССР, Министерстве культуры. Естественно, отвечать приходилось атаману и его заместителям – мне, Гарию Леонтьевичу и походному атаману, военному переводчику, депутату Моссовета Владимиру Наумову. Где-то довольствовались итогами бесед, а где-то приходилось делать и более пространные экскурсии в историю. Г. Л. Немченко, в отличие от других членов правления Союза казаков, просвещал самую массовую аудиторию – читателей прессы. 26 июля 1990 года газета «Труд» опубликовала беседу с ним корреспондента В. Белых «Последнее рыцарство (Вымыслы и правда о казачьем сословии)». А в августе с провокационными вопросами на эту тему к московскому атаману и заместителю всесо-

юзного атамана по культуре обратился небезызвестный либеральный журналист и писатель Дмитрий Быков. Гария Леонтьевича не испугали заковыристые намёки на возможное противостояние казаков либерально настроенной части общества, и он достойно и дипломатично нейтрализовал словесные выпады своего собеседника. В газете «Собеседник» номер 32 за август 1990 года появилась пространная публикация этого разговора двух московских писателей с противоположными убеждениями «Желание быть казаком, или Красное, белое, чёрное». Быков таки вплёл свою жёлтую строку в заголовок материала. Но Г. Л. Немченко только иронически улыбнулся хитро-мудрому кульбиту своего столичного коллеги – собаки лают, а караван идёт.

Казацье движение уверенно набирало обороты. Начали создаваться региональные организации в областях и краях традиционного проживания казаков. Члены правления Союза казаков выезжали на места, консультировали собратьев, помогали преодолеть чиновничьи барьеры. Гарий Леонтьевич одним из первых включился в эту работу ещё до создания Союза казаков. В конце марта 1990 года он летал во Владикавказ на учредительный круг, провозгласивший образование Терского казачьего войска во главе с фронтовиком, Героем Советского Союза Василием Коняхиным, встречался и беседовал с другими инициаторами казачьего движения на Северном Кавказе – Ю. Машенко, Г. Галкиным, А. Луганским, А. Подколзиным, возглавившими организационную работу в самом проблемном регионе – в Чечено-Ингушской Республике, – постоянно наталкиваясь на воинственное сопротивление со стороны местных националистов. Возвратившись в Москву, Г. Л. Немченко долго и упорно ходил по начальственным инстанциям, обращая внимание чиновников и народных депутатов на проблемы казаков в национальных республиках и вызревающие там межэтнические конфликты. Не забывал он и об основных направлениях своей деятельности в организации. Продолжал выпускать газету «Казачьи ведомости», регистрировал в Министерстве печати и информа-

ции РСФСР журнал «Казак» и детский журнал «Стремя», подготовил и провёл вместе с другим замечательным писателем и музыкантом с казачьими корнями, атаманом станицы Невской Борисом Алмазовым фольклорный праздник на одной из самых престижных площадок Москвы – в Колонном зале Дома Союзов, установил связи со многими бывшими соотечественниками за рубежом.

Вслед за отцом активно включились в деятельность Союза казаков его сыновья – Сергей и Георгий. Сергей (капитан Вооружённых сил) создал и возглавил «Казачью заставу» в зенитно-ракетном полку Московского округа ПВО. Это начинание потом подхватили и в других воинских частях, а некоторые подразделения и заставы даже целиком стали формировать из призывников, подготовленных к службе в казачьих организациях. Георгий (врач по специальности) стал инициатором создания казачьего общества в городе Звенигороде Московской области.

За год казачьего возрождения ряды Союза казаков выросли в разы. Число его участников в зарегистрированных организациях приближалось к 800 тысячам человек. Но и проблемы, в том числе создаваемые искусственно, возрастали с каждым днём. В марте 1991 года ингушскими радикальными националистами был убит в станице Троицкой Чечено-Ингушской АССР подросток из казачьей семьи Виктор Типайлов. 7 апреля в посёлке Карабулак националисты убили атамана А. Подколзина, а через три недели учинили погром в станице Троицкой, убив 5 человек и несколько десятков ранив. Властные структуры в Москве не предприняли никаких действенных мер, чтобы пресечь разгул терроризма. Правление Союза казаков своими силами пыталось помочь пострадавшим, ведя переговоры с руководством Чечено-Ингушетии, силовых ведомств, казачьими организациями на Северном Кавказе. Подобные конфликты в той или иной степени назревали и в других союзных и автономных республиках – Нагорный Карабах рикошетил осколками от взрывов ненависти по всей стране. К годовщине учредительного круга Сою-



за казаков 21 и 22 июня 1991 года (на базе отколовшейся ещё в апреле 1990 года части Московского землячества во главе с бывшим писарем Ю. Кокунько) расторопные представители военно-исторических клубов монархического толка и их либеральные покровители из числа прорабов перестройки создали альтернативную организацию Союз казачьих войск России и зарубежья (СКВРЗ) и начали активную подрывную работу в казачьей среде.

Правление Союза казаков во главе с атаманом А. Г. Мартыновым всё больше втягивалось в решение политических, межнациональных и хозяйственных проблем, которые сокрушающим валом покатились на Россию после распада СССР. Вопросы возрождения казачьего исторического наследия, культуры, традиций, ещё недавно ставившиеся во главе программы действий организации, отодвинулись на задний план. Зависло на неопределённое время из-за отсутствия финансирования издание журналов «Казак» и «Стремя», создание Казачьего культурного центра.

Тратить время на пустые разговоры о важности казачьих культурных программ и ждать у моря погоды было не по душе Г. Л. Немченко. И, не найдя поддержки со стороны атамана и коммерческих структур Союза казаков (кошевой службы), он подал прошение об отставке со всех постов и ушёл на вольные писательские хлеба. Он ушёл, а следы его атаманской деятельности не затерялись с течением времени. Осталась газета «Казачьи ведомости» с тем лицом, которое создал Немченко в пилотном номере. Остался храм Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе с прихожанами из членов землячества, куда настоятелем был назначен протоиерей Михаил Васильев – потомок казачьего рода из моей родной станицы Константиновской (ныне город Константиновск Ростовской области). В доме причта при этом храме несколько лет находился штаб Союза казаков и творческое объединение «Казачья энциклопедия», где членом научно-редакционного совета является и Г. Л. Немченко. Вы-

шло в свет уже три выпуска энциклопедии «Казачество», том числе с подготовленными им материалами и справкой о нём и других зачинателях казачьего движения. А во 2-м Казачьем переулке, где в начале 1990 года Гарий Леонтьевич не смог отыскать помещения для Центра казачьей культуры, появилось солидное здание Постоянного представительства администрации Краснодарского края при Правительстве Российской Федерации, и там теперь нередко проходят мероприятия с участием казачьих общественных организаций столицы. Не ушёл в небытие и фестиваль казачьей песни, задуманный первым московским атаманом, он теперь получил поддержку столичной администрации и периодически проводится под названием «Казачья станица Москва». И Центр казачьей культуры, о котором беспокоился Немченко и даже писал письмо своему «двойнику» – первому мэру Москвы Гавриилу Попову, – тоже появился в первопрестольной, пусть и спустя 30 лет. Он создан на базе Дома культуры «Темп» в Бибиреве. 15 лет с небольшими перерывами выходит журнал «Казачьи», его редколлегией совместно с Казачьей секцией Союза писателей России проводится открытый творческий конкурс «О казаках замолвим слово». Немало и других благих дел на счету живущих в Москве казачьих потомков. А ведь начиналось всё в далёком 90-м году прошлого века с небольшого землячества, выбравшего своим первым атаманом Гария Леонтьевича Немченко. Как показало время, этот выбор был правильным и богоугодным! Низкий поклон тебе, дорогой батя, за твою жертвенную любовь к Отечеству, за то, что в смутную пору расшатывания государственных устоев взвалил на свои плечи такую тяжёлую, но необходимую для сохранения России ношу!

Валерий ЛАТЫНИН,
член правления Союза писателей
России,
председатель Казачьей секции СП



ЗВЁЗДОЧКА

Любая эпоха имеет два лица. Она терпеливо принимается переделывать по образу и подобию своему тех, кто вылеплен из глины, и с ожесточением набрасывается на тех, кто высечен из гранита. Что ожидает маленького человечка, бодро шагающего с ранцем в школу?

В августе 84-го я две недели ходил на «подготовку». Это были двухчасовые занятия, на которых наша первая учительница, Валентина Сергеевна, тестировала нас. На первом занятии мы степенно расселись за парты, всем видом показывая, какие мы взрослые и серьёзные. Но Валентина Сергеевна, словно пушинку смахнув с рукава, быстро сбила с нас эту спесь и заставила плясать под свою дудку.

Сами уроки больше походили на репетиции. Валентина Сергеевна учила нас повторять речёвки от звонка до звонка, добиваясь и слаженного звучания хора, и усвоения нами на будущее таких правил, как: «На уроках не

болтай, как заморский попугай!» или «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут!». Видимо, её жизненное кредо было: «Меньше слов – больше дела».

Валентина Сергеевна была невысокой, крепко сбитой, но не толстой кучерявой брюнеткой с чёрными вдумчивыми глазами, говорящей густым басом. У этой пожилой женщины, всю жизнь просидевшей над тетрадками своих учеников, голова всегда была немного наклонена вперёд, отчего её взгляд исподлобья казался мне особенно пронизательным.

Когда мы скандировали речёвки, Валентина Сергеевна внимательно прислушивалась к нам, как к разноголосому пению птиц в лесу, хмуря брови и пытаясь уяснить что-то важное для себя. Через несколько дней она задорно обратилась к мальчику, сидевшему на последней парте: «Ну-ка, Прудников, скажи нам, в какой стране ты живёшь?» Тот встал, нескладный и



высокий, посмотрел на учительницу затуманенными глазами и промычал, растягивая по слогам: «В А-ме-ри-ке!» Класс ответил ему гомерическим хохотом, от которого мне стало не по себе. Прудников «тонул» под всеобщее ликование. Валентина Сергеевна широко улыбалась, но глаза её были непроницаемы. «А в каком городе мы живём, Прудников?» – продолжила она, когда хохот затих. «В Мо-скве-е!» И снова неистовый хохот. После «подготовки» Прудникова отправили в тридцатую школу для умственно отсталых.

В сентябре начались уже настоящие занятия в школе. Нам выдали издававшие виды учебники, а родители обеспечили всем остальным. Уже на первом уроке я понял, почему мне стало жалко Прудникова. Валентина Сергеевна сказала: «Поднимите руку, кто из вас умеет читать». Руку поднял только я. Товарищи смотрели на меня кто с сомнением, кто с завистью, кто с испугом, кто с любопытством. Потом они все громко рассмеялись, очевидно, решив, что это была шутка, а я густо покраснел.

На перемене ко мне подскочил Игорёк Пряхин, пухлый и белокурый голубоглазый мальчик с розовым пороссячьим румянцем и веснушками на лице, вскоре проявивший себя как твёрдый двоечник и забияка. В руке у него была газета «Правда». «На, читай!» – сунул он её мне под нос. Я стал читать «Обращение Центрального Комитета...», и через минуту Пряхин не выдержал и заорал с перекошенным от злости лицом: «Ты всё врёшь! Ты не умеешь читать! Ты говоришь своими словами!»

Когда классная признала во мне «первого ученика», одноклассники смирились со мной, как с белой вороной. На уроках Валентина Сергеевна меня не вызывала к доске и, казалось, не замечала вообще. Пока товарищи учились читать по слогам и считать при помощи палочек, я тайно мечтал о славе и, вспоминая недавнюю игру во дворе, в которой отличился пятью голами, представлял себя на месте то Марадоны, то Платини. К окончанию первой четверти у меня по всем предметам стояли одни пятёрки.

Дома бабушка с гордостью показала мой дневник деду, а тот, одобрительно сверкнув

глазами, достал из шифоньера районную газету двадцатилетней давности, которую хранил как реликвию, хоть и называл язвительно «Брехунок». На первой полосе было фото деда, а под ним стихи: «В нём чувствуется выправка солдата. / С ним хоть сейчас и в бой, и на парад. / Недаром ведь доверили когда-то / Ему бригадой в поле управлять». В общем, дед похвалил меня и назвал молодцом, а я скрепя сердце назвал его молодцом. Бабушка не могла нарадоваться и решила поставить тесто для пирожков.

Всё складывалось для меня хорошо, если бы не вездесущая советская пропаганда. Насмотревшись «Международной панорамы», я потерял покой. Мне стали сниться люди в лохмотьях, живущие на улицах Нью-Йорка в картонных коробках. Несчастные с посиневшими лицами и ввалившимися глазами тянули ко мне костлявые руки. Я просыпался, выпуганный, среди ночи и тихо плакал в подушку. Но потом вспоминал, что живу не в кошмарной



Олег РОМЕНКО

Родился в Белгороде 16 июня 1977 года. Поэзия и проза публиковались в журналах и альманахах Белгорода («Звонница» и «Светоч»), Москвы («Наш современник»), Симферополя («Белая скала»), Краснодара («Родная Кубань»), Нижнего Новгорода («Нижний Новгород» и «Земляки»), Кирова («Ротонда»), Красноярского края («Исток» и «Литкультпривет»). Лауреат областных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времён» (2020).

Америке, а в советской стране, где люди не голодают, не замерзают и не ходят в обносках. Тогда я успокаивался и снова засыпал.

Но уже в первые школьные дни моя вера пошатнулась. На перемене Валентина Сергеевна вышла в учительскую, а к нам заскочили двое лохматых старшеклассников. Один из них стал поджигать и бросать в нас горящие спички, а второй нагонять страх своим диким криком. Мы бежали по классу, как перепуганные цыплята, оставленные квочкой.

Я выпрыгнул в открытое на проветривание окно, благо первоклашки учились на первом этаже, сел на бордюр возле дороги и уткнулся носом в колени. Мне хотелось крикнуть этим поджигателям: «Вы же комсомольцы! Наши старшие товарищи! Почему вы нас обижаете?!» Но я видел их жестокие холодные глаза и понял, что говорить бесполезно.

Ещё недавно Валентина Сергеевна втемяшивала нам: «Октябрята – будущие пионеры!» Но после горящих спичек и октябрятские звёздочки, и пионерские галстуки, и комсомольские значки потеряли для меня всякое значение, как нательный крестик для утратившего веру. Поэтому, когда перед днём брежневской Конституции нас принимали в октябрята, я не испытывал радости от сопричастности к событию.

Да и само «посвящение» прошло уныло. После занятий учительница завела нас в столовую и выстроила в одну шеренгу вдоль рукомойников. В воздухе пахло кислыми щами, которые давали в тот день на обед. Лица моих товарищей тоже были кислыми и беспросветными. Под стук перебиваемых на кухне тарелок Валентина Сергеевна, подбадривающе улыбаясь, поздравила нас.

Потом она каждому приколола к форме возле сердца рубиновую звёздочку с портретом Ильича. Причём у каждого, слегка оттягивая значок, проверяла, хорошо ли держится, не оторвётся ли. Не только мы, но и классная чувствовала себя в эти минуты в столовой не в своей тарелке. Она улыбалась, но в её взгляде сквозила неловкость. Мне было жалко Валентину Сергеевну, и я вымученно улыбнулся ей в ответ.

Если учительницы других начальных классов были молодыми мамами, озабоченными своими семейными проблемами, то нам досталась до мозга костей советская патриотка на пенсии. После второй смены, когда школа опустевала, мы оставались разучивать революционные песни. Любимой песней Валентины Сергеевны была «Варшавянка», которую мы пели раз по пять на день.

Учительница брала в руку указку, заменявшую ей дирижёрскую палочку, медленно кивала головой, и мы начинали. За окнами ноябрьская тьма и ветер, швыряющий мокрым снегом в стёкла, а в классе тепло и светло. Но я бы предпочёл оказаться на улице, где бушевала непогода, чем слышать пение своих уставших после уроков товарищей, похожее на жалобный скулёрж: «Вихри враждебные веют над нами...» До сих пор, когда я вижу грустящего человека с поникшей головой, мне кажется, что он поёт про себя «Варшавянку». И как только песня его отпустит, человек поднимет глаза, улыбнётся и снова займётся своими делами.

Но главная изюминка нашей классной обнаружилась в её миссионерской жилке. Сейчас мне кажется, что окажись она на острове людоедов, то аборигены не только не съели бы её, но и с восторгом приняли бы коммунизм и взяли за основу ленинский принцип: «Кто не работает, тот не ест».

На уроках классная часто читала нам рассказы об отцах-основателях советского государства, написанные в жанре житий святых. Обычно Валентина Сергеевна, любившая облачаться в коричневое платье с белым накрахмаленным воротничком, проповедовала стоя перед классом у доски. Лицо её будто озарялось изнутри и молодело, а голос звучал проникновенно и торжественно. Держа перед собой раскрытую книгу, она пристально смотрела в глаза тому или иному ученику. Учительница давно знала содержание книги наизусть, как хороший пастьрь Священное Писание.

Меня впечатлили многие «житийные» рассказы. Один из них был о часовом, охранявшем Смольный. Красноармеец замерзал на посту, сжимая штык закоченевшими пальцами.



Проходивший мимо вождь не мог не обратить внимания на это безобразие: «Товарищ, почему вы без варёжек?» – «Так ведь не выдали, Владимир Ильич!» – печально вздохнул часовой и спрятал глаза от стыда. «Тогда будьте любезны взять мои!» – лукаво улынувшись, предложил Ленин. А потом Владимир Ильич повёл бойца в свой кабинет, напоил морковным отваром и долго беседовал с ним за жизнь. После разговора согретый часовой ещё крепче сжимал свой штук, высматривая с непримиримым блеском в глазах какого-нибудь буржуа.

Дома я сразу кинулся к бабушке, готовившей у плиты: «Сделай мне морковный отвар!» Она пробовала с ложки варившийся суп и чуть не поперхнулась. «Чи сказывся?!» – воскликнула бабушка. Потом, немного подумав, она сказала: «Сидай!» Достала из кладовки банку малинового варенья и заварила нам обоим крепкого грузинского чая. Мне было досадно, что бабушка такая непонятливая. «Бери лимонив, балда!» – с усмешкой в уголках сияющих серых глаз снисходительно-ласково пропела бабушка.

Я пил чай с вареньем и представлял, как в воскресенье утром бабушка уйдёт на рынок, а я выскочу следом и стану у подъезда, как часовой без варёжек, с клюшкой в руке. А когда бабушка вернётся, то уронит сумку на снег, всплеснёт руками и ахнет: «И-и! Змэрз, як цуцик!» Возьмёт меня за руку: «А ну ходим!» – и отведёт домой. Пока я буду греться на кухне у батареи, бабушка настрогает на тёрке морковки, зальёт её в кружке крутым кипятком и будет отпаивать меня морковным отваром и разговаривать со мной за жизнь.

Пока я так думал, бабушка вкрадчиво спросила: «Кто тебя этому научил?» Я вспомнил, как на днях перед уроками к нам в класс ворвалась мама Вероники Галай. Вероника была легкомысленной и бестолковой, как испорченный телефон, а её мама оказалась ещё и взбалмошной. Мама набросилась на Валентину Сергеевну: «Я получаю 90 рублей в месяц, а вы обдираете нас как липку! Где это видано, чтобы детям Никарагуа сдавали по 25 рублей?! Или, может, вы себе собираете?! Я пойду к вашему директору!» Никогда я не видел, чтобы нашу

классную так ругали. Она сидела с опущенной головой, спокойно положив на стол руки, и слушала, как мама Галай с побагровевшим лицом распекает её перед всем классом.

Выждав, когда словесный напор старшей Галай иссяк, классная встала из-за стола, взяла скандалистку под локоть и с нажимом сказала: «Мы собираем со всех по 25 копеек. Это распоряжение директора школы». Галай молча отсчитала мелочь, положила на стол, а дочери рыкнула, как снова пробуждающийся вулкан: «Я с тобой дома поговорю!»

Подумав, что бабушка рассердится и пойдёт разбираться к Валентине Сергеевне, я ответил, что видел в кино, как Ленин поил часового морковным отваром. Бабушка горько улынулась и рассказала мне историю из своего детства.

В начале тридцатых годов в стране был страшный голод, от которого умерло много миллионов человек. Летом, в жару, на дорогах гнили почерневшие трупы, и их никто не убирал. Люди одичали и обезумели от ужаса, каждый спасался как мог. Бабушка тогда была семилетней девочкой и вместе с другими детьми собирала листья деревьев. Она их сушила на печи, измельчала, перетирая ладошками, добавляла щепотку соли и варила в котелке «суп».

Тогда я понял, почему бабушка всегда во время еды сметала со стола хлебные крошки на ладонь и отправляла себе в рот. Её рассказ стал для меня противоядием. Истории Валентины Сергеевны о рабочих и крестьянах, питающихся картофельными очистками и морковным отваром, показались мне слишком радужными в сравнении с варевом из перетёртых сушёных листьев.

И до сих пор, гуляя по городу в ненастную погоду вдоль дорог, обсаженных пирамидальными великанами, я часто останавливаюсь и гляжу на мокрые, сорванные ветром листья, устилающие брусчатку вместе с выползшими на поверхность дождевыми червями. Я всматриваюсь в тонкие прожилки листочков, похожие на линии судьбы на человеческой ладони, и ощущаю присутствие бабушки в себе, как

будто это она смотрит моими глазами и видит голодное лето 1933-го. Потом я поднимаю голову вверх, вижу над собой ветви деревьев, с которых продолжает капать после дождя, и внезапно приходит в голову мысль: за то, что я живу на свете, спасибо листьям тополей.

В один из унылых ноябрьских дней 1986 года я шёл в школу через дворы серо съёжившихся хрущёвок. Рано утром было ещё темно и холодно. Асфальт, схваченный прозрачной коркой льда, блестел под фонарями. Где удавалось, я пробирался по замёрзшей и неровной земле. В чистом и звёздном небе высоко над мной скользил зелёный мигающий огонёк. Я подумал, что это космический спутник, и меня охватило острое чувство надвигающейся катастрофы. Я представил, что, когда в классе начнётся политинформация с изучением прессы – «Встреча в Рейкьявике не принесла разрядки! Программа СОИ будет продолжена!», – тут-то нас и накроет рухнувшим на школу спутником.

В школу мы тогда ходили с ватно-марлевыми повязками, сшитыми мамами или бабушками. Валентина Сергеевна строго объясняла нам: «Как прозвенит десять звонков, все надеваем повязки и организовано идём в бомбоубежище». Попарно, взявшись за руки, мы спешили в подвальное помещение, оборудованное под стрелковый тир. Мимо нас проносились патлатые старшеклассники с деревянными муляжами «калашниковых» в руках. Всё это настолько меня впечатлило, что даже много лет спустя, когда мы сидели в казарме при полной экипировке пехотинца и ждали, пока дневальный возьмёт трубку и закричит: «Рота, тревога!» – мне казалось, что из офицерской канцелярии выйдет сосредоточенная и уверенная в себе Валентина Сергеевна и скажет, нахмурившись: «А ну! Кто тут ещё копается, как второгодник?!»

Пока я шёл мимо одной из хрущёвок, из первого подъезда выбежала моя одноклассница Света Кашаева, щуплая остролицая девочка с карими печальными глазами и светлыми длинными волосами. От неё постоянно веяло сиротством и неприкаянностью. Света была похожа на собачку, потерявшую хозяина. Она

с мольбой заглядывала в глаза людей, но этим только отпугивала их от себя.

«Сегодня скользко», – предупредил я. Она кивнула и, вжав голову в плечи, накинула сверху капюшончик красной болоньевой куртки. «И холодно», – добавила Света. Зелёный огонёк скрылся за большой и круглой луной, нависшей над городом, и больше не появлялся. «Наверное, спутник прилунился», – решил я. Мы со Светой молча шли по обледелому тротуару и внимательно смотрели себе под ноги. «Только бы он на нас с Луны не свалился», – мрачно подумал я.

«Давай за Мухиной забежим!» – схватив меня за руку и умоляюще глядя в глаза, воскликнула Света. Надя Мухина жила на другом конце дома, построенного на склоне и плавно переходящего из пяти- в шестиэтажный. Мы преодолели высокое бетонное крыльцо подъезда, а потом спустились в цоколь.

Я сразу почувствовал тяжёлый и влажный воздух подвала. Только вместо дверей кладовок здесь были квартирные двери с номерами. Дневной свет если и проникал сюда, то очень слабо, через маленькое горизонтальное окошко. Вдоль стен, выкрашенных грязно-зелёной краской, тянулись трубы, а на выбеленном потолке помаргивала лампочка. На площадке стояла чья-то детская коляска и велосипед «Школьник». За дверями квартир жильцы завтракали и гремели посудой. Где-то смеялись, кричали, переругивались.

Мы подошли к двери, обитой коричневым дерматином, пришпиленным к ДВП декоративными гвоздиками. Я поднялся высоко на носки, как балерина, и нажал на кнопку. «Тиу-тиу-тиу!» – раздался звонкий свист. Дверь нам открыла бабушка с добрым морщинистым лицом и большими натруженными руками. На ней был серый затёртый халат, поверх которого был повязан пёстрый фартук. Бабушка, улыбнувшись, наклонилась, и я увидел, что её стянутые в пучок пепельные волосы были перехвачены сзади обычным чёрным шнурком для обуви, как и у моей бабушки. «Вы за Надей? Она сейчас выйдет».

Надя Мухина была самой маленькой девочкой в классе. Она всегда ходила с двумя



плетёными косичками и бантиками. Её тусклые, бесцветные глаза, сонно смотрящие из-под белёсых бровей, навевали тоску на окружающих. Бледное нездоровое лицо казалось ненатуральным. Как и многие сверстники, она была «двоечницей-троечницей».

Она вышла за дверь, и мы застыли как вкопанные на площадке. Света Кашаева с кричащими глазами утопающей устала на Надю и не могла до неё докричаться. Мухина равнодушно смотрела перед собой, а я устал в пол, смущённый условиями, в которых жили люди подземелья. Наконец Надя шагнула вперёд, а следом за ней и мы, как свита.

На улице мне уже показалось не холодно, а свежо. Дул ветер, раскачивая кроны деревьев, бельевые верёвки и скрипучие качели на детской площадке. Я подумал, что лучше бы этим людям, ютящимся в подвале, жить на улице в картонных коробках, как живут бездомные американцы из «Международной панорамы», и тогда Мухина не была бы такой щедедушной и невзрачной.

Я шёл посередине и чувствовал сердцем, что Надя и Света – это Тоска и Печаль, конвоирующие меня в школу. В соседней хрущёвке, в жёлтом окне на третьем этаже, был виден силуэт Вероники Галай, не отличавшейся рублём от копейки. Мама расчёсывала ей длинные-предлинные волосы. Я подумал, что если сейчас ещё и «Вероничка» выпорхнет из подъезда, то это будет уже слишком – Тоска, Печаль и Глупость.

Когда мы пришли на политинформацию, то нас ждал сюрприз. На столе учительницы не было привычных «Известий» и «Правды», зато на доске появилась карта монголо-татарского нашествия. Пока мы собирались, Валентина Сергеевна прохаживалась перед картой, как часовой, положив указку себе на плечо, и нетерпеливо ждала, поджав губы. Прозвенел звонок, и она быстро и ловко, как фехтовальщик, стала тыкать указкой в княжества удельной Руси, перечисляя их названия и когда они были завоёваны. Ламинированная карта блестела и переливалась на свету, и я решил подойти к ней после урока и всё хорошо рассмотреть.

Валентина Сергеевна сказала: «Монголо-татары победили, потому что Киевская Русь была раздроблена». И чтобы этого никогда больше не повторилось, она решила нас сплотить, разделив класс на «звёздочки», в каждой из которых должно быть по пять человек. Со мною оказались Кашаева Света, Мухина Надя, Галай Вероника и Галищев Славик, крупный и упитанный мальчик, которого дома за двойки ставили на гречку голыми коленками.

Много лет спустя, когда я познакомился с книгами о масонстве, его ритуалах и конспиративных «пятёрках», то призадумался: а не была ли советская патриотка Валентина Сергеевна тайным масоном? Но тогда мне было не до смеха. Учительница обязала нас всех после школы возвращаться домой только со своей «звёздочкой», провожая друг друга по пути.

Мне до последнего хотелось верить, что это шутка. Холодным душем для меня оказались слова моего единственного друга Романа Ляхова. Когда после уроков я привычно предложил вместе «по домам», он посмотрел на меня как на ненормального: «Ты что! Нам же Валентинка сказала!»

Я разозлился и один пошёл домой. Возле школьной калитки меня окликнул Славик Галищев: «Э, ты куда почесал?» – «Домой», – на ходу ответил я. «А мы?!» – не понял Славик. Я решил, что «умному достаточно», и ускорил шаг. У Славика была кличка Бригадир, потому что на уборке территории Валентина Сергеевна всегда назначала его старшим. Однажды Галищев сказал мне не по годам серьёзную фразу: «Если ты и дальше будешь так работать, я тебя уволю!» У меня было большое искушение бросить метлу и «уволиться» самому, но потом подумал, что если классная напишет ему в дневник, что он не справился с поручением, то Славику могут опять поставить на гречку, – и я удержался. Но если бы теперь он вздумал «уволить» меня из «звёздочки», я не стал бы возражать.

На следующий день Валентина Сергеевна задержала меня после уроков и, подозрительно оглядев, спросила: «Ты почему со "звёздочкой" не ходишь?» Я ответил, что мне неинтересно с этими ребятами. Классная посмотрела на

меня как на отрезанный ломоть: «Ладно. Иди». Потом начались мелкие придирки. На уроке Валентина Сергеевна нередко лукаво сомневалась, покачивая головой: «Даже не знаю, что тебе поставить: маленькую пятёрку с большим минусом или твёрдую четвёрку с большим плюсом?» Я был за пятёрку с минусом, но тут-то она и прекращала игру: «Нет! Я лучше поставлю тебе четвёрку с плюсом, чтобы тебе было к чему стремиться!»

Потом началась зима. Снег украсил голые деревья и землю. Одноклассники продолжали ходить «звёздочкой», а меня домой сопровождала стайка пичужек. Они словно ждали меня после уроков, и когда я входил в детский сад, через который лежала дорога к дому, то белощёкие синички начинали весёлую переключку, прыгая по берёзам с ветки на ветку и стряхивая с них пушистые снежинки. Я смотрел вверх, и у меня голова кружилась от этого искрящегося в солнечных лучах великолепия. И казалось, будто не воздух вдыхаешь, а воду студёную пьёшь. Это был воздух свободы.

Вскоре и Роман отбил от «звёздочки». Но домой мы сразу не шли, чтобы не напороться на «патрули» Валентины Сергеевны, а прятались возле школьной теплицы за гаражом с макулатурой. Воодушевлённые «побегом», мы, смеясь, плюхались на портфели, брошенные на снег, и принимались за наши завтраки. Роман брал для меня бутерброды с копчёной колбасой, а я для него – яблоки.

Мы были оба хроническими «нехватчиками», только каждый по-своему. Перед школой Роман два года жил с родителями на Кубе и рассказывал, что на острове Свободы яблоки были деликатесом. Одно яблоко там стоило 20 копеек на наши деньги, поэтому яблоки резали и продавали даже половинками. Наверное, поэтому Роман никак не мог наесться яблок в Советском Союзе и никогда не отказывался от них, если предлагали. Подобные чувства я испытывал к колбасе. Копчёную колбасу у нас продавали только по большим праздникам, и за ней выстраивалась длинная очередь, как в Мавзолей, а родители Романа имели «блат» и могли «доставать» колбасу.

Недолго длились наши «лукулловы пиры». «Глаза и уши» Валентины Сергеевны не дремали и донесли на моего друга так же, как раньше и на меня. Учительница провела с ним беседу и объяснила ему, что он не прав. После уроков Роман, молча и пряча от меня глаза, плёлся за своей «звёздочкой», пытаясь изображать весёлость. Я сурово смотрел ему вслед и хотел воскликнуть: «И ты, Брут!»

Книги я читал с пятилетнего возраста, и меня интересовали все гуманитарные дисциплины. И именно книги спасли тогда меня от отчаяния и одиночества. Они были моими лучшими и верными друзьями. Моя душа впитывала как губка волю, мужество, благородство и мудрость героев книг, и я ощущал себя иным человеком, не таким, как все.

При школе находился металлический гараж, покрашенный зелёной краской, с двускатной остроконечной крышей. Он был наполовину заполнен макулатурой, которую пионеры собирали по домам. Под давлением бумаги старые ворота выпирали вперёд, и сквозь щель были видны беспорядочно разбросанные газеты, журналы, книги. Мне непреодолимо захотелось туда забраться.

Я сложил сзади гаража один на один несколько кирпичей, стал на них, ухватился руками за козырёк, подтянулся и оказался на крыше. Потом перебрался как в седле, повернувшись на другой конец, где подо мной выпирающие ворота образовали треугольный проход, через который я и проник в гараж. Я лёг на спину, ощущая под собой залежи ещё не прочитанного мною, и мне казалось, что не хватает воздуха, что я вот-вот задохнусь от счастья и сердце биться перестанет.

Сначала я чувствовал себя, как та муляшная мышь, резвящаяся в амбаре, полном пшеницы, а потом принялся рыться в россыпях человеческой мысли, как Али-Баба в пещере сокровищ. Для начала я решил взять с собой «Сундук с серебром», «Жаку Крокана» и атлас истории СССР за 4-й класс, в котором была карта монгольского нашествия.

На следующий день я заболел. Утром болела голова, ломило всё тело, поднялась темпера-



тура. Я выпил аспирин, сел на ковёр, поджав под себя скрещённые ноги, и стал изучать атлас. Мои глаза внимательно следили за чёрными стрелками на карте, указывающими направление движения орд завоевателей. Монголо-татары через Самарканд и Бухару проникли в Волжскую Булгарию и разорили, не встречая серьёзного сопротивления, а потом, не считаясь с потерями, испепелили Рязань, Владимир, Торжок, Козельск, подбираясь к столице. Никто не мог их остановить.

Я почувствовал нарастающий жар и слабость в теле, температура снова стала подниматься. В голове у меня помутнело... Я стоял на крепостной стене Киева и вместе с защитниками лил на головы татар кипящую смолу. Над нами свистели стрелы, а снизу доносились дикие вопли и проклятия изувеченных осаждающих. Но вот они пробили тараном городские ворота и ринулись внутрь. Защитники крепости обречённо ахнули и, схватив мечи, бросились вниз наперехват... Я потерял сознание и забылся.

Пронеслось несколько мгновений лет, и нашу страну захватили «иных времён татары и монголы». Мои одноклассники, которые ещё недавно по указке учительницы ходили «звёздочкой», теперь по указке родителей, начитавшихся «Огонька» и насмотревшихся российских «Вестей», избавлялись от пионерских галстуков и бравировали этим.

Игорёк Пряхин, отец которого одним из первых в городе открыл кооператив, воспрял своим нищим духом. Если раньше он заискивающе крутился возле тех, у кого можно списать контрольную, то теперь приосанился и свысока поучал своих товарищей: «Покупаешь "варёнки", идёшь на "сотню", снимаешь "тёлку"». Валентина Сергеевна ходила уже с новыми первоклашками, как утка со своим выводком. Она постарела и стала прихрамывать на левую ногу. Взгляд у неё был как у раненого в бою, а на лице появились глубокие складки, идущие от углов рта вниз.





СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО, или Как хорошо мы плохо жили

Вот это – «хорошо», «плохо», честно говоря, не я придумал. Где-то прочёл или услышал – и позаимствовал. Что ж, есть такие стилистические обороты в великом и могучем. Кажется, оксиморон (ударение на «и») называется: сочетание противоположных по значению слов. Живой труп, например.

Ну, сначала про «плохо». Понятно, что тогда, в детстве, жизнь несколько отличалась от нынешней. И ничего удивительного: всё-таки наше поколение, вместе со мной, – дети войны.

Да, родился в 1943-м, 11 апреля. До взятия рейхстага оставалось два года и около месяца, до Курской битвы – всего-то квартал. В этот необычный, неповторимый для меня день наша авиация совершила налёт на военные объекты Кёнигсберга. Мог бы сказать – «как сейчас помню», но, опять же честно говоря, ничего не отложилось в памяти, и думаю, что эта кёнигсбергская бомбёжка никак не связана с моим появлением на свет.

И не в капусте меня нашли – появился в железнодорожной больнице, да, которая на углу Привокзальной площади, – только не в главном корпусе, который до сих пор украшает пересечение Интернациональной и моей родной Железнодорожной, напротив «Знамени труда», а как бы в пристройке, во дворе. Там, получается, и было родильное отделение. Сам не запомнил, но как-то шли мимо, и мама показала.

И ещё такая деталь, сюжет, связанный с детьми нашей немаленькой семьи. По счёту в

ней – два Валерия: первый родился в 1941-м, заболел – вроде бы воспаление лёгких – и... Бабушка рассказывала: не было лекарств. А когда появился я, предполагаемый Анатолий (Толик, Толян), шестилетняя сестра Нелля настояла, уредила папу и маму: пусть будет Валера, на место того... Мне это имя уже лет семьдесят пять нравится.

Между прочим, я крещёный. Опять ничего не помню, но позже узнал от той же сестрёнки: приходил по предварительной договорённости священник к кому-то на квартиру, мамы собирали почти тайно своих детишек, и совершался обряд. Батюшка же был, полагаю, из небольшой церкви на Петропавловском кладбище или из Покровской – их тогда всего две оставалось в Тамбове после большевистского пришествия. А почему дома и как бы тайком? А потому: папы-то наши почти все были членами ВКП(б), и им могло за это – опять же по-большевистски – сильно нагореть.

Ну и прежде чем перейти к «плохо», а потом и к счастливому детству, вспомню ещё кое-что. Не где-то там в жёлтой прессе – в правительственной газете прочёл: исследователи из медколледжа в Лондоне установили, что у нас в мозгу надолго откладываются прежде всего отрицательные эмоции, обиды. Вот и я не запомнил чего-то особенно радостного в годик-два – ни ласковых слов, ни маминых поцелуев в макушку или чего-то очень вкусного, а вот неприятности остались в памяти.



Играл я на крыльце с деревянной четырёх-колёсной тележкой, которую сделал сам папа. А где тогда их можно было купить? У меня и никакой коляски или самокатика не было. Ну а первая профессия отца – столяр. Так вот, играю я, играю и как-то неудачно упёрся ладошкой в фанерное дно этого детского транспорта, и фанера вдруг встала торчком. Я краями рта, ротиком, уткнулся в неё. Так неожиданно и, наверное, больно, что побежал домой – слава богу, первый этаж, а двери днём ни на какие замки-крючки не запирались. Кажется, ещё не умел говорить, только плакал, и мама и так догадалась, в чём дело.

И второй эпизод, примерно в этом же возрасте. Гулял во дворе – не один, конечно, – и подошла моя ровесница, чуть постарше... Так вот эта Галья Дудкина детской лопаткой (хорошо, что не взрослой) – с деревянной ручкой – зачем-то стукнула меня по подбородку. Хорошо помню – сильный плач и, кажется, боль. Шрама вроде бы не осталось. Зачем она это сделала (потом-то у нас до самого взросления были хорошие отношения) – не знаю. Но как-то, спустя годы, попытался оправдать её: девочка Галья стала скрипачкой, не так давно ещё играла в симфоническом оркестре, губернаторском или как он там назывался... Ходил не раз на эти концерты. И, возможно, тот взмах, то движение лопаткой было уже как бы тягой к смычку. Так что обиды на Дудкину не держу.

И третий эпизод. Но сначала поточнее, где мы жили. Очень удачное место, и если б обрелись где-нибудь на Интернациональной или Коммунальной, то такого счастливого детства просто не могло и быть. А наши два дома на Железнодорожной, 24 и 25, и сейчас стоят, а им по меньшей мере лет сто десять: у нас в подъезде висела жестяная табличка, где указывалось время страховки – 1913 год. А на соседний дом выходит Кронштадтская. Через дорогу от нас шли частные усадьбы, дома которых располагались также по Железнодорожной, но параллельной нашей, вдоль зелёного луга. Вот туда к пожилой хозяйке и её более пожилому мужу, работавшему на ТВРЗ, вагоноремонтном заводе, мама и ходила за молоком. Потому что у них

была корова. А ещё обитал какой-то пёстрый пёс, дворняга, которого звали Хватай. Не злой совсем. Иногда мама и меня брала в этот поход. И как-то я дёрнул Хватаю, кажется, за хвост. Собаке, наверное, не понравилось, и Хватай схватил меня за пальчик. Не очень больно, но как-то страшно, отчего я опять же заревел. Всё обошлось без ран и крови, но собак чужих я до сих пор не люблю.

А вот козье молоко было. У бабушки, Евдокии Капитоновны (такие имена!), которая жила с дедушкой на Струговой. Идти от нас далеко: до вокзала, потом на Базарную, по ней до тюрьмы (так и называли), и чуть дальше слева кирпичная стена с колючей проволокой. Струговая, улица такая – одна сторона чётная, а вместо нечётной – степь да степь кругом, и где-то там ещё будет телевышка, улицы Мичуринская и Карла Маркса поднимутся вверх. А на месте бабушкиного дома теперь большой детский сад и напротив, по той степи, – 3-я больница. Ни автобусы, ни тем более троллейбусы туда не ходили. Кто-то скажет: нету такой Струговой... Это, мол, где? Да, Пирогова сейчас. Их, кстати, три в «Советском энциклопедическом словаре»: два знаменитых певца и хирург...

НУ ТАК ВОТ – о счастливом детстве в то не самое хорошее время, о чём мы, ребята, и не подозревали. А оно, как говорится, имело место – и как следствие коллективизации с раскулачиванием, и того, что называть стали репрессиями, и четырёхлетней войны, которая, слава богу, не дошла до Тамбова. Если, конечно, не считать бомбёжек метрах в ста от нашего дома – оставшиеся воронки на уже упоминавшемся зелёном лугу.

Начну с этого: голодали мы или нет? Не помню, и девочки-мальчики из моего окружения едва ли могли что-то такое сказать. Отложилась в памяти манная каша – прямо изобилие. Скучная еда. Ещё мама нередко варила чечевицу (чечевику, как мы говорили). Не полюбил и её. Картошки хватало – папа завозил на зиму мешков двенадцать. Грузовик где-то доставал. Ну и своя квашеная капуста – бочка, такая же ёмкость и для солёных огурцов. А где-то к концу сороковых – началу пятидесятых и мы, и некоторые соседи заводили свиней в

своих сараях, по одной, по две – до осени, когда их резали, и получалось на зиму солёное сало и мясо, солонина то есть. Вот и ели. Да, куры в этих сараях ещё были, с петухами. На щи или суп хватало. И яйца в достатке вроде бы.

С чёрным хлебом – никаких проблем: буханки – в 3-м орсовском магазине (номер такой) за красным домом. (О доме и о домах ещё скажу). О батонах понятия не имели. А булки... Вроде были, так называемые, французские, с надрезом вдоль и по верхушке. Но вещь как бы дефицитная. Помню, уже вечерело, наверное, в сентябре-октябре часов в семь, гуляем мы во дворе, и вдруг кто-то как выкрикнул: булки привезли! А был тогда ларёк, недалеко, метрах в пятидесяти от перекидного моста (и сейчас он на этом месте, но другой, обновлённый) и водонапорной башни (тоже держится), а ещё дальше – паровозное депо. И поскольку железнодорожники работали круглосуточно – и машинисты, и кочегары, и проводники, и стрелки (так называли военизированную охрану), то и этот продовольственный ларёк на ночь не закрывался. Вот девочки постарше и побежали в эту торговую точку за булками.

Но такой продовольственный недобор компенсировался в нашей семье выпечкой, которую обеспечивала мама: у неё хорошо получались пышки-плюшки и блины, большие и толстые, – не блинчики вовсе, как сейчас в кулинарии. А мука у нас почему-то была. Из ржаной мама варила квас. Не этот красноватый, сладковатый, который продают в бочках, а как бы желтоватый – деревенский, настоящий. И делала окрошку. Я любил и её, и просто квас.

Но всё-таки отсутствие сосисок-сарделек-шпикачек, десяти или пятнадцати сортов колбасы, а также сыров, а ещё гамбургеров и пицц – всё это, конечно, давало о себе знать. Набегавшись-накричавшись во дворе, мальчик (девочки, видно, терпеливее были), слегка проголодавшись, забежал домой и появлялся уже с... Нет, не с бутербродом – с куском чёрного хлеба, иногда посыпанным... да-да, просто солью или смоченным постным маслом. Не сливочным же – маргарин больше в ходу был. Ну так вот – надо было уже с крыльца крикнуть:

– Сорок один – ем один!

А забыл или не успел – сам виноват: кто-то из товарищей по пряткам или штандеру опережал:

– Сорок восемь – половину просим!

Тут уж, будь добр, поделись хотя бы с кричавшим.

О соли, кстати. Какой-то дефицит этого кристаллического вещества с острым вкусом, наверное, был. Ведь не для того, чтобы только пообщаться, ходили соседки друг к другу чуть ли не в любое время суток. Сольцы попросить. А ещё и за спичками. В печке дровишки надо чем-то разжигать.

Что касается французских булочек или ещё чего-то белого, вспоминается такой как бы сюжет. В наши дома – и, конечно, в другие на Железнодорожной – заходили регулярно нищие. Всего-навсего двое: немолодой уже мужчина на костылях (наверное, следствие войны) и такая же пожилая женщина. Ходили как бы по графику: сегодня он, завтра она. Очень аккуратно. Так что им подавали? В основном хлеб или сухари (дома в духовках для себя сушили), а вот что-то пшеничное – редко. Сейчас, кстати, при продовольственном изобилии, нищих в городе, как говорят, в разы больше. И в подземном переходе (и зачем его делали?), и у рынка, и на углах перекрёстков... И уж не сухари или копчёную колбаску подают, а немелкие монеты или даже банкноты. Между прочим, мы эту пару нищих звали побирушками. Не грубо, не с презрением, а как бы даже ласково – суффикс-то нормальный: старушка, погребушка...

Так вот – как хорошо мы плохо жили. Здесь надо описать, какой у нас был, так сказать, ландшафт – территория дворовая. Два деревянных двухэтажных дома. Окна на восток – городской пейзаж, вид аж до Пригородного леса. И две или три церкви. Другая сторона – на запад. Так что горячее солнце в квартиры не очень-то попадало. Та восточная сторона – газон, клумбы, две берёзы, а позже – и разные вишни-рябины, белые акации. Никакой ограды, только потом появился штакетник. За ним почти сразу – дорога грунтовая, улица летом пыльная, а осенью-весной и грязная, от вокзала и почти до Лермонтовской. Хорошо, что маши-



ны – полуторки, более тяжёлые ЗИС-5, а также «студебекеры» – появлялись, может быть, раз в месяц. На угольный или дровяной склады приезжали – это рядом. В основном же топливо развозилось на телегах (летом) или санях (зимой) – лошадками. Кстати, врачи по вызову из нашей железнодорожной поликлиники (и сейчас стоит двухэтажка на Железнодорожной / угол Максима Горького) разъезжали в пролетках. Возвращаясь с другом моим Колькой Патриным из школы, заходили во двор этого лечебного учреждения и заглядывали в не совсем закрытые двери конюшен, любуясь красивыми животными.

А вот западная часть двора – как бы склон холма. Вершина – железнодорожная насыпь, ещё дальше, в сторону упоминавшегося ТВРЗ, – рельсы, рельсы... А внизу этого склона как раз и стояли (и стоят) большие сараи. Вдоль них, на два дома – наш двор. Удобства все (мы называли их не туалетами, а уборными) располагались в конце, и на один дом, и на другой. В случае чего не надо бежать домой, тем более на вторые этажи, а всё здесь – рядом и быстро. Почему, кстати, такая странная нумерация – 24 и 25, подряд, а не чётная-нечётная сторона, я ещё объясню.

Вот такая досталась нам игровая площадка, вдоль домов и сараев – метров сто в длину. Телевизоров, слава богу, не было, смартфонов тоже, поэтому весь наш досуг проходил на свежем воздухе. Благодаря чему, думаю, мы не очень-то и болели. А ещё – для здоровья – нас пичкали рыбьим жиром, в школе же – это в начальных классах – систематически от чего-то делали прививки, на спине под лопатками уколы. Раза два в год, наверное, и больно. Как избежать этих ощущений, с двумя-тремя мальчишками однажды поделилась опытом как раз та самая Галя Дудкина.

Так вот – благодаря здоровому образу жизни с рыбьим жиром мы, повторю, не болели. Конечно, не с рассвета до заката гоняли на свежем воздухе, но что-то около этого.

А сколько это – нас? На два дома-то. В одном – десять семей, в соседнем – чуть даже больше. Всего мальчишек-девчонок, примерно

ровесников моих, более десятка набиралось. Конечно, не все толпой выбегали, но для каких-то игр народу вполне хватало. Да, ещё из белого дома, он в сторону вокзала от наших (так и называли этот кирпичный за его оштукатуренность и побелку) трое-четверо мальчишек приходили. Недалеко же, рядом.

Не знаю уж, в каком порядке перечислять наши развлечения – что на первом месте, что на втором, но попробую.

Начну с прятков – или пряталками их ещё называли. Не все теперь знают в городской культурной среде, что это такое, поэтому процитирую из словаря С. И. Ожегова, 1963 года издания (сам купил, когда, наверное, почувствовал, что журналистом могу стать). Итак, «детская игра, состоящая в том, что один (водящий) ищет остальных, спрятавшихся участников игры». Где прятаться? Да везде – за углом сарая, за дверью в подъезде, у кого летом она там открыта, за толстым клёном (к нему я ещё вернусь), за кустиком, за другим сараем небольшим... Вот этот водящий становился для начала к какой-то стенке лицом, закрывал глаза, считал... ну, может быть, до двадцати – и потом отправлялся искать. Кого раньше находил, бежал постучать ладонью по стенке, а тот и становился очередным водящим. Другой вариант: пока искал, кто-то из спрятавшихся мог проскочить втихаря к этой стенке и тоже похлопать-постучать по ней рукой. И водящему приходилось исполнять свои обязанности заново.

А как определялся самый первый? Очень просто. Все становились в круг, кто-то начинал считалку:

– На златом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной... Кто ты будешь такой?

На ком останавливалось, тот говорил, например: «сапожник» – и снова счёт, и на кого выпадала эта профессия, тот и начинал как первый водящий.

Очень нескучная и подвижная игра. Бег на скорости, прыжки... Ну, не с утра до вечера, а, может быть, с часок.

Нравилась мне и другая разновидность прятков. Кажется, называлась или разбивалками, или расшибалками – что-то в это роде...

На кусок кирпича или на что-нибудь ещё клали небольшую дощечку, а на неё – двенадцать палочек, к тому концу, который касался земли (асфальта у нас и близко не было). Кто-то из команды стучал ногой по верхнему краю этой дощечки, палочки разлетались, и пока водящий их собирал и снова пристраивал на доске, все разбегались и прятались. Ищи теперь. И опять кто-то мог выскочить, домчаться до дощечки, трахнуть ногой по ней... и бедный водящий всё начинал сначала. Очень азартная игра.

Ну и «штандер». Не знаю, чьё это слово – похоже на немецкое, – но игра такая была. И название её я встречал в чьих-то, наверное, тоже мемуарах. Итак, игра с мячом. Человек пять-семь – и девятилетние, и тринадцатилетние... Кто-то бросал мячик вверх, кому-то удавалось его поймать, пока остальные разбегались. Поймавший же выкрикивал: «Штандер!» – и все замирали. И вот этот первый старался мячом в кого-то попасть. Не попадал – всё сначала, а попадал – другой уже с мячом мучился. Весь азарт, помнится, в том, чтобы не стать мишенью.

Ну и всё – три летние забавы? Нет, конечно. Иногда – в лапту. И в городки играли. Не обходилось и без интеллектуальных потех. Устраивались они в подъезде соседнего дома. Там были низкие лавочки, углом – специально, наверное, для детишек, и мы от жары (но тогда, по-моему, ни 30, ни 40 градусов и не было) или от дождя собирались там. Девчонок почему-то было больше. И – «я садовником родился, не на шутку рассердился – все цветы мне надоели, кроме...» После «кроме» назывался цветок, и опять всё разыгрывалось и повторялось... Можно было шутить, подначивать, притворяться.... Интересно, честное слово. Как и игра в «испорченный телефон». Не сотовый, конечно.

Пока же, коли вспомнил, – о дождях. Как ни странно, мы их вроде бы любили. Конечно, когда такой ливень начинался, прятались, кончался – и выбегали во двор, босиком (не в обуви же – с ней-то проблемы были), прыгали по лужам, устраивали плотинки на ручейках,

«кораблики» – щепки обыкновенные или бумажные – пускали. А в самом начале этих осадков кричали, иногда хором, заглядывая на небо:

– Дождик, дождик, пуще – чтобы травка гуще!

А если ливнёчек затягивался, другое выкрикивали:

– Дождик, дождик, перестань – я поеду в Арестань...

Где эта Арестань, понятия не имели. Мне почему-то казалось – как бы Астрахань... Ну а продолжением этих строк было и «молиться», и «поклониться». Несмотря на всеохватывающий атеизм.

Ну а как это – босиком да по лужам? Да нормально. Поэтому, напомню, и не страдали от вирусов.

Но вернёмся к бумажным корабликам. Ну, тонули они, конечно, быстро. А вот бумажные самолётики – те летали. Азартной игры не получалось, однако забавно было.

Но ещё интереснее – змеи. Бумажные, конечно. В магазинах их не продавали – взрослые нам делали, мне – папа. Или ребята постарше. К листу бумаги – сантиметров 20 на 30 – приклеивались полоски от фанеры – шпон. Из каких-то тряпочек привязывали хвост с метр или побольше длиной. И за бечёвку с разбегу змей запускался вверх. У меня, например, взлетал хорошо – высоко то есть. Очень увлекательно.

А вот если вдруг какая-то опасность во время игры? Ну, например, великовозрастный хулиган или кто-то из шпаны. Был свой лексикон, предупреждающий как раз об этом: «атас», «полундра» и «атанда». Мне как-то больше «полундра» нравилась. Но чаще всего это тоже было игрой или шуткой-розыгрышем.

И ещё о нашей лексике. Играли в футбол, и надо было пробить угловой. Но мы говорили, кричали только – «корнер»! Откуда у нас это английское словечко?

И ещё из жаргона – «шухарить». Ну как бы озорничать, слегка хулиганить... Но «шухарная девочка» – это весёлая, смешная или смешливая, шутница. Вот так.

Валерий СЕДЫХ



«КАЖДОЙ СТРОЧКОЙ, СЛОВНО ПУЛЕЙ, БИТЬ ПРИЦЕЛЬНО ПО ВРАГУ...»



Любой грамотный человек может писать стихи. Вопрос в другом: что у него есть за душой, чтобы вызвать интерес к своим стихам у другого человека? Поэт интересен тогда, когда он не просто поэт, а гражданин. Человек, который поддерживает настроение и интересы общества, не живёт по принципу «моя хата с краю». Несколько моих друзей-поэтов во время событий на Донбассе спрятались в скорлупу или уехали, бросив город, – и все они как поэты умерли. Поэт должен писать о том, что волнует общество. Вопрос, кто виноват в этой войне и на чьей стороне правда, для меня решился сразу. Политика – это сконцентрированная экономика, и самый главный вопрос – «кому это выгодно?». Если его задать – всё становится на свои места. Эта война не была выгодна России, жителям Донбасса и по большому счёту жителям Украины. А выгодна коллективному Западу, компрадорской буржуазии, потомкам и продолжателям человеконенавистнических идей национал-социализма (бандеровцам). Мои стихотворения в жанре гражданской лирики продиктованы стремлением рассказать миру правду о событиях на Донбассе. Они основаны на реальных фактах. Каждое стихотворение в моём понимании – это пуля, которой стреляют по врагу. Чем жёстче это стихотворение – тем точнее попадание. Люди не верят, что у нас прошла война, они отгораживаются от событий на Донбассе и убеждают сами себя, что этого не было. Я много поездил со своими стихами по России, начиная от маленьких поселковых библиотек и

заканчивая большими домами творчества, меня много публиковали в России, и везде главной моей задачей было рассказать об этой войне, что мы воюем не только за себя, но и за весь Русский мир. Пандемия коронавируса ограничила культурные связи и поставила вопрос о поиске других форм общения. Одной из таких форм стал «Мост дружбы» (на платформе zoom).

Анатолий Труба, главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ», человек, которому небезразлична судьба Донбасса, не раз приезжавший в ЛНР и ДНР, поддержал наше предложение и стал инициатором встреч поэтов Луганска, Краснодона, Москвы, Мичуринска, Севастополя, Керчи.

Другой формой могут стать совместные проекты по выпуску альманахов. Так, в процессе общения родилась идея собрать стихи поэтов, принявших участие в этих встречах, и выпустить на их основе альманах «Мосты дружбы».

2022-й – юбилейный год «Молодой гвардии», и каждому участнику поэтических встреч было предложено внести лепту в создание нового альманаха, посвящённого героям-молodoгвардейцам (поэзия, проза, публицистика), и добавить номинацию «Юные герои Победы». В этой номинации каждый город может рассказать о своих героях. Такой проект потребует поддержки Союза писателей России. Особенно информационной.

Марк НЕКРАСОВСКИЙ,
г. Луганск, ЛНР,
Союз писателей России

25-Й ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «БОГДАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

1 октября на базе Литературно-музыкального музея города Мичуринска состоялся юбилейный, 25-й литературный фестиваль «Богдановские чтения», посвящённый памяти уроженца Мордовского района Тамбовской области – замечательного поэта Вячеслава Алексеевича Богданова. По традиции музей встречал в своих стенах ярких деятелей литературы и журналистики, членов Союза писателей России. Почётными гостями стали бесценные участники «Богдановских чтений»: Виктор Михайлович Сошин – член Союза писателей России, публицист; Иван Юрьевич Голубничий – секретарь Союза писателей России, главный редактор журнала «Великороссь» и газеты «Московский литератор», заслуженный работник культуры РФ, поэт, публицист; Виктор Фёдорович Кирюшин – заслуженный работник культуры РФ, поэт, переводчик, публицист; Валентин Николаевич Суховский – член Союза писателей России, поэт-песенник.

Мероприятие открыли классические музыкальные композиции в виртуозном исполнении преподавателей Мичуринской детской музыкальной школы им. С. В. Рахманинова (директор – И. Б. Белянина): Валерии Станиславовны Москвиной и Нелли Александровны Козодаевой. С приветственными словами к присутствующим обратились директор Литературно-музыкального музея Елена Полякова, а также организаторы чтений в Мичуринске: Валерий Семёнович Аршанский – член Правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин Тамбовской области, писатель, журналист; Анатолий Сергеевич Труба – секретарь Правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Александръ», прозаик, публицист. С напутственной речью выступил иерей Сергей Сошкин – председатель отдела православной

культуры Мичуринской епархии. Заведующая читальным залом Центральной городской библиотеки Елена Николаевна Шамова поблагодарила организаторов и гостей «Богдановских чтений» за неравнодушное отношение к культуре и отметила увлечённость мичуринских читателей литературно-историческими изданиями. В ходе мероприятия, проведённого Валерием Аршанским, участники обсудили актуальные вопросы современного литературного процесса, творческого наследия поэта Вячеслава Богданова. Диплом лауреата литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова был вручён Анатолию Сергеевичу Трубе.

В продолжение мероприятия прозвучали пронзительные поэтические строки, посвящённые животрепещущим темам и проблемам. Выразительное прочтение стихотворения Вячеслава Богданова «Русь» подготовила талантливая Светлана Панина. При содействии заместителя директора по воспитательной работе МБОУ «Гимназия» г. Мичуринска Ольги Владимировны Рожковой в «Богдановских чтениях» приняли участие обучающиеся 10–11-х классов, которые с интересом включились в творческую встречу и задали несколько вопросов литераторам. В завершение «Богдановских чтений» Анатолию Трубе было вручено благодарственное письмо от администрации Мичуринска за большой вклад в развитие культуры города. Финальным аккордом насыщенного дня стала экскурсия по Музею народного артиста СССР Владимира Михайловича Зельдина, которая произвела большое впечатление на гостей. «Богдановские чтения» прошли в атмосфере вдохновения и плодотворных дискуссий, в очередной раз став символом славных литературных традиций и богатого творческого потенциала Тамбовской земли!





«АЛЕКСАНДРЪ»

 **alexlib.ru**